

*МНОГО
самумов
я видел ...*

Автор-составитель
Екатерина Ермакова

Редактор
Елена Борисова

Дизайн, верстка
Петр Маслов

Фотографы
Евгений Желтов
Анна Жукова

Корректор
Александра Конькова

*Благодарим за помощь в подготовке издания
Мая Кравченко, Валерия и Александра Волковых,
Дамира Рузыбаева, Льва Снегирева, Андрея Зубрия*

*Проект реализован Фондом поддержки и развития
научных и культурных программ имени Ш. Марджани*

© Екатерина Ермакова
© Мая Кравченко
© Фонд Марджани

*МНОГО
самумов
я видел* ...

Д Н Е В Н И К И
Х У Д О Ж Н И К А

Е В Г Е Н И Я
К Р А В Ч Е Н К О

*Много самумов я видел,
Много ярких миражей...*

Нордин Тидафи

*Слышал ли ты в виноградниках шум,
Когда прошел над ними самум?
И гроздья осыпались, и листья
Взметнулись к небу, слушая ум...*

Амин Ар-Рейхани

Mardjani
Foundation

Москва 2011

В который раз включаю диктофон с записью, сделанной в декабре 2010 года: Евгений Николаевич Кравченко перелистывает свои дневники и комментирует рисунки на их страницах.

Вот синяя птица. С ней связана история, давно ставшая легендарной, и она, конечно, будет приведена – в свое время. Таких историй немало в кругу друзей Кравченко, они стали чем-то вроде фольклора, без них немыслим образ Евгения Николаевича. Поэтому в дневниковые записи, посвященные Средней Азии, будут вклиниваться и рассказы самого Евгения Кравченко, записанные позднее, и воспоминания его друзей – узбекского скульптора Дамира Рузыбаева, московских художников Валерия и Александра Волковых, сыновей знаменитого живописца Александра Николаевича Волкова.

Человека уже нет, но звучит его живой голос. В музеях и частных коллекциях хранятся картины, а в осиротевшем доме – множество набросков, пожелтевших тетрадей с записями, газет со статьями о выставках.

Такие архивные материалы есть у многих художников. Они пылятся в укромных уголках мастерской, при очередной уборке вызывая искреннее удивление хозяина: «Надо же! В каком году это было? Не помню...»

В архиве Евгения Кравченко, помимо всего прочего, остались его дневники. Нам, друзьям художника, всегда нравилось слушать, как он читал заметки о своих путешествиях или вспоминал потрясающие истории, глядя на рисунок, сделанный когда-то в Шаартузе или Нурате, а может быть, на Кашкадарье, где он странствовал вместе с бродячими актерами – маскарабозами.

Всегда хотелось поближе познакомиться с этими исписанными и изрисованными тетрадями, в которых наброски пленяли свежестью первого впечатления, а тексты покоряли поэтичностью. Здесь много рабочих заметок – например, о том, как писать будущую картину.

Работа «Базарный день в Шаартузе». Не выдумывать, а написать к вечеру с садом и Кафирниганом. Оставить «остановку» и фигуры, кое-где. Работа «День в Кубадиёне». Поконкретнее и увереннее. Белое, серебристое...

Часто встречаются названия задуманных работ. Такое впечатление, что Евгений любил заранее придумывать имена для будущих картин, еще не существующих ни на бумаге, ни на полотне, но уже родившихся в его воображении. Перевернув страницу, натъкаешься на перечисление городов и кишлаков попеременно с приметами ландшафта.

БИОГРАФИЯ ХУДОЖНИКА

Евгений Кравченко родился в Ашхабаде 29 августа 1937 года. В последующие годы у его родителей Николая Александровича и Нины Михайловны появились еще три сына и дочь.

Первое, что помню, – это цветущие акации, которых было множество в Ашхабаде. Дом наш стоял под горкой, которую сейчас почему-то срыли. Рядом была гостиница, она казалась огромным освещенным кораблем ночью... На горке играл оркестр, там был летний ресторан, ночью это выглядело блестящим, сверкающим и волшебным.

6 ноября 1941 года отец ушел на фронт, в 1943-м после ранения вернулся домой инвалидом, без ноги.

Помню, как встречали его на вокзале с мамой. Помню цветные карандаши, которые подарил мне отец, когда вернулся с войны.

В 1944-м Женя собирался пойти в первый класс, но заболел тропической лихорадкой. Учебу пришлось отложить до следующего года.

В 1948-м за два месяца до страшного землетрясения в Ашхабаде семья переехала в Гаурдак, на восток Чарджоуской области Туркмении. Отец и мать работали бухгалтерами в геологической партии.

Все время вспоминаю Гаурдак, откуда начались все наши последующие путешествия, бесконечные переезды и экспедиции. Гаурдак тогда – это 3–4 юрты и несколько домиков для рабочих серного рудника. Гаурдак для меня – это море тюльпанов и колокольчиков, это горячий ветер с пылью и песком, самум, сверкающее горячее солнце.

Гаурдак известен своими серными рудниками. Здесь оказалось много интеллигентных людей, репрессированных в годы сталинского режима. Одна из ссыльных – пожилая грустная женщина, одетая в черное, с черным зонтом – привезла контейнер книг. Благодаря этой библиотеке Женя пристрастился к чтению. Сразу же был прочитан «Тарзан» Э. Берроуза, потом собрания сочинений Мопассана, Лермонтова, Пушкина. Летом Женю с братьями отправляли в Пашкурт – живописнейший оазис в 75 км от Гаурдака.

Ехали на машинах по пустыне и холмам. Помню, как въезжали в Пашкурт. Кто-то видел вдаль полоску зелени среди оранжевых холмов, а потом мы въезжали в кишлак, по улочкам текла вода... Это было как в сказке. Зеленое, оранжевое и серебро воды, помню журчание воды, запах мяты, пыли. Бесконечные походы в горы и холмы...

В 1951-м семья Кравченко вновь снимается с места и переезжает в Ташкент. Женя учится в шестом классе.

Поездка в Ташкент, это 1951–1952 годы. Пыль и узкие улочки Старого города, хозяин, у которого мы жили, его красивая дочь Шойра (много позднее, когда у Дамира Рузыбаева родилась дочь, он по предложению Кравченко назвал ее Шойрой. – *Ред.*). Дворик был очень живописен. Небольшой хауз под виноградником, айван и крыши с красными маками весной. Рядом парк Пушкина, очень красивый. Тогда парки, мне кажется, были красивее. В школе и дома все время рисовал, ходил в кружок ИЗО.

В 1952–1953 годах семья Кравченко живет в Куня-Ургенче – городе, расположенном на границе с пустыней, в Ташаузской области Туркменской

работа эге, тагаруни гел в Уаогузе
не вису молант, а уансаат к береру
с сагел и Рагиринаном. Осавент
"осановну" и гирин, кое-эге.
Травагуле.

работа "Вел в Рабагуине",
травагуле и уваремне.
Велне, серебряное, "Сарисе Каини".

3.9.92

Уманес. Купе.

Зукуитро Ханан,

ССР. Здесь завязывается дружба с Халмуратом Джумамуратовым, учившимся вместе с Женей в седьмом классе. Уже взрослым, покинув Среднюю Азию, Евгений Кравченко навещает своего друга детства. На страницах дневников упоминается семья Халмурата, его дети, жена Аемхон.

Куня-Ургенч на краю пустыни Каракумы, канал посреди кишлака, вокруг яблоневые сады. Весной это было чудо. Летом – горячий ветер и пыль. Жили мы в бывшей мечети. Это был высокий дом с толстыми стенами. Летом спали на крыше. Минарет, медресе, гробница Тюрабек-ханым, остатки Северных и Южных ворот, городище.

В 1953-м семью Кравченко забросило еще дальше, в самое сердце Каракумской пустыни, в Бала-Ишем, поселок, некогда возникший рядом с колодецем на караванном пути.

Бала-Ишем – колодец, раскаленные пески, юрты туркмен – красные фигурки. Первые самумы, жара, море песка.

Надолго и там не задержались – вскоре перебрались в Байрам-Али, расположенный в оазисе на берегу реки Мургаб, поблизости от развалин древнего Мерва. Женя учится в 8-м классе.

После Каракумов Байрам-Али показался раем. Зеленый, прохладный, вдоволь воды.

В 1954-м семья обосновалась в Ташкенте, в Старом городе.

Родители решают закончить кочевую жизнь геологов и перебраться в город. Дети подросли, нужно учиться. Так мы оказываемся в Ташкенте, и я сразу иду с рисунками в художественное училище поступать. Рисунки мои приняли, но сказали,

что, если я так буду рисовать на экзамене, не пройду, нужно позаниматься в Доме пионеров, там хорошая студия. До экзаменов оставалось 2 месяца. В училище я поступил, правда, вольнослушателем, с испытательным сроком, и на керамическое отделение. Занимался с большой охотой. Летом хлопок, этюды. Ташкент, базары, Старый город, улица Карасарайская, чайханы.

С 1954-го по 1959-й Кравченко учится в Ташкентском художественном училище им. П.П. Бенькова на отделении стекла, где занимались не стеклом, а керамикой. В 1956-м он переводится на живописно-педагогическое отделение. Своим учителем Евгений называл Павла Петровича Мартакова, который формально его педагогом не являлся, но всегда поддерживал талантливого студента.

23 января 1955 года погиб отец – убили бандиты под Ашхабадом, когда он перевозил казенные деньги.

26 сентября 1957-го Евгений Кравченко женится на своей однокурснице Мае Григорьевне Кузнецовой. Жить стали вместе с мамой Жени, братьями и сестрой. 22 сентября 1958 года родилась дочь Ирина.

В 1959-м Евгений с отличием окончил училище. В качестве дипломной работы была представлена картина «Сергей Есенин», что требовало некоторой смелости: в те времена творчество поэта называли «кабацкой лирикой», и преподаватели не советовали Евгению братья за эту тему.

В июле того же года, получив направление от Министерства культуры Узбекской ССР, он впервые едет в Россию для поступления в Высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухиной. Хорошо сдав специальные предметы, он провалил экзамен по истории СССР. Пришлось возвращаться домой в Ташкент.

Осень Евгений провел в Ташкенте, ведя безалаберную жизнь в компании друзей по училищу. Работа в художественных мастерских удовлетворе-

Пашкурт. Шерабад. Зарабаг. Сурхандарья.
Денау. Родники. Холмы. Байсун.
Ходжейли. Нукус. Куня-Ургенч. Халмурат. Аемхон. Тюрабек-ханым

Для непосвященного это просто набор экзотических топонимов. Но если вы бывали в Средней Азии, то слова эти будут звучать как магический заговор – заклинание места, которое дорого и куда обязательно нужно вернуться. Записывая названия, он словно пробует их на вкус – прислушивается к звучанию, вспоминает цвет и запах. Такие записи могли делаться и в чайхане, и на базаре, и на автобусной остановке – в минуты, а то и часы вынужденного ожидания.

Яркие полосатые халаты в тени и на свету. На остановке автобуса. В чайхане. Утром. Белое платье в тени и на свету. Под навесом. На фоне гранатового сада. Гранатовый сад, освещенный луной. Звезды. Разные варианты. Лепешки. Тандыр. Окно. Пейзаж с кусочком горы. Черные стены. В тени тахта. Ребенок. Фон – сад.

Несколько вроде бы бессвязных строк. Но вспорхнувшее изображение сразу уносит в тот гранатовый сад, под тень навеса; даже чудится запах горячей лепешки, только что извлеченной из тандыра.

Иногда на страницах дневников – лишь тексты: для изображения не осталось места или не хватило времени. Но даже эти несколько строк воспринимаются как яркая картинка, увиденная глазами настоящего живописца.

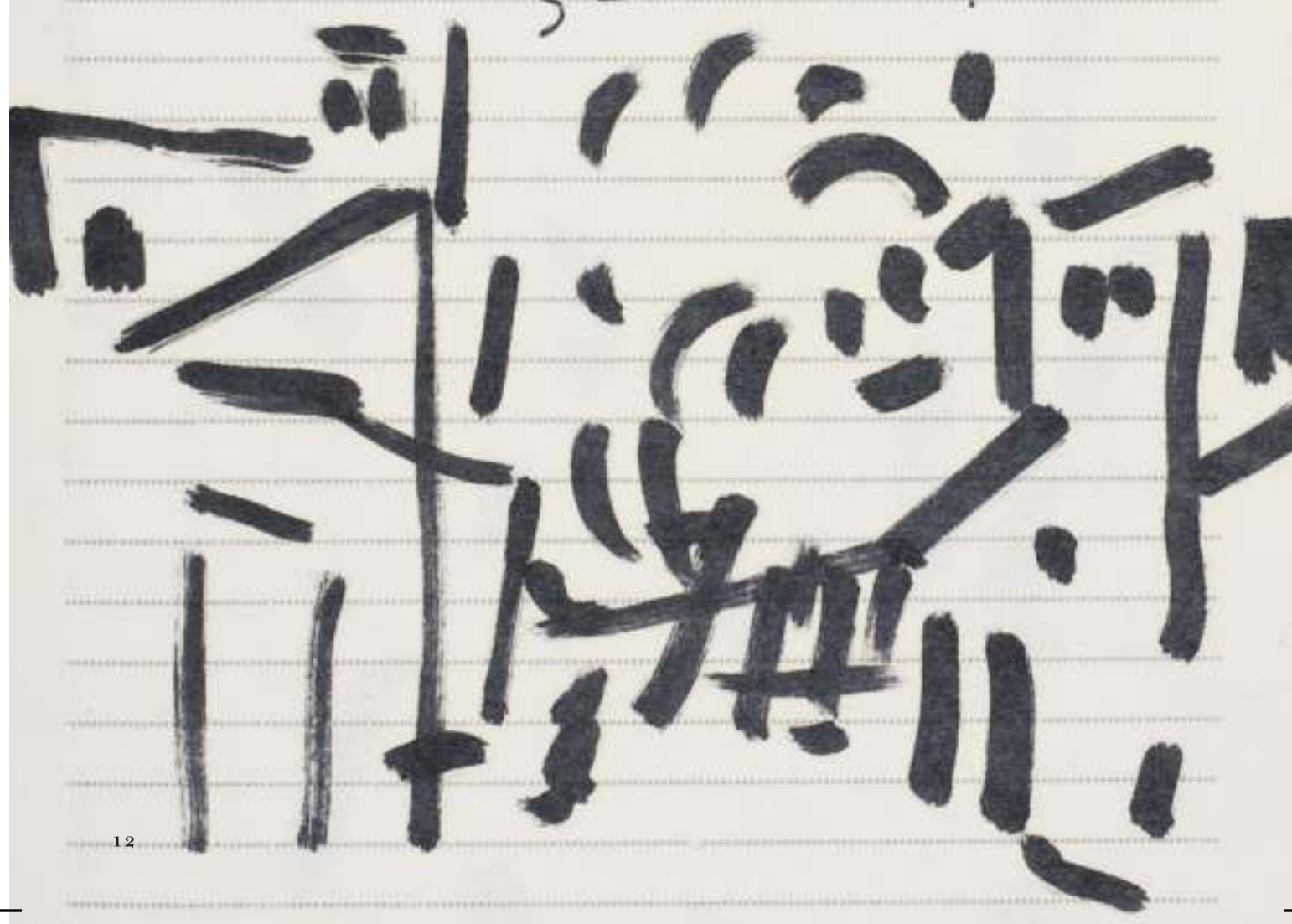
Однако чаще записи сопровождаются чудными набросками. Они выполнялись мгновенно тем, что было под рукой, – шариковой ручкой или фломастером – и расцвечивались масляной пастелью. Порой художнику достаточно поставить несколько цветных точек, чтобы наметить колористическое звучание листа.

Подобно мастеру традиционной дальневосточной живописи, годами оттачивавшему искусство быстрого рисунка и наконец после упорного труда овладевавшему «пустотой», Евгений Кравченко абсолютно свободно обращается с пространством любого масштаба. Возникал ли первым рисунок или вначале появлялись торопливые строки – и то и другое без малейшего напряжения сливается в единое целое.

Один из дневников представляет собой обычный ежедневник с бумагой в линейку, с красным логотипом в верхнем углу страницы. Писать на такой бумаге можно только шариковой ручкой: линии от фломастера проходят насквозь. Но и этот мало подходящий блокнот, за неимением лучшего, освоен и перевоплощен.

Хорошо

Меня, зима,
греблю, сверну
греблю, зима,
в сердце, хороше,
но мой же,
где, вросшие,
иногда, соборы,
время, асфальт
Катание, греблю
где, не в нас
звониме.

ния не приносила, что делать дальше – было непонятно. В этом же году произошли два события, оказавшие огромное влияние на все творчество художника.

Еще до этого, в 1957 году, в Ташкенте состоялась выставка Александра Николаевича Волкова, наделавшая много шума. В художественном училище избегали касаться современных течений в живописи. Программа по истории искусства заканчивалась Гюставом Курбе. Импрессионистов не изучали вовсе. Врубель был под запретом. Даже книги об этом периоде были изъяты из библиотеки. На этом фоне показ картин Волкова был гигантским прорывом к новым формам живописи. Обсуждение выставки, продлившееся в стенах училища до двух часов ночи, собрало массу народа. Из преподавателей только П.П. Мартаков решился высказаться в поддержку Волкова. Стоит отметить, что Кравченко на выставку не попал, наверное, его не было в Ташкенте. Впервые он увидел работы Александра Николаевича в 1959 году дома у Волковых, куда его привел знакомый по училищу Дамир Рузыбаев. Для начинающего художника это было настоящим потрясением.

«Гранатовая чайхана», «Кукуруза», «Утро в Шахимардане». Это было как волшебство, я почувствовал в себе силы и огромное желание работать.

Первый мой духовный учитель – это Александр Николаевич Волков. Один из великих колористов XX века. Валерий Александрович Волков – мой друг и учитель одновременно. А третий учитель – это Средняя Азия, ее природа, люди и тепло.

С этого момента начинается дружба Кравченко с семьей Волковых и Дамиром, окрепшая в последующие годы. Евгений показывает свои работы старшему сыну Волкова – Валерию. Тот высказывает замечания и критикует декоративную манеру художника за излишнюю красоту.

Валерий Александрович поддержал Дамира, пригласившего Евгения поехать вместе с ним в Маргилан.

В 1959 году Кравченко, таким образом, очутился в Маргилане, где провел целых три года. Маргилан в то время оставался по-настоящему заповедным краем. Базары, чайханы, свадьбы, бродячие канатоходцы-маскарабозы – яркое ощущение стихии народной жизни. На первых порах Евгений живет у отца Дамира, в то время уже пенсионера, но по-прежнему влиятельного и уважаемого в городе человека. Вскоре в Маргилан переезжает Мая с дочерью, устраивается работать на хлопчатобумажный комбинат художником по ткани. От комбината они получают двухкомнатную квартиру.

Живя в Маргилане, Евгений наездами бывает в Ташкенте. Останавливается у матери. Посещает В.А. Волкова и П.П. Мартакова. Привозит новые работы на суд своих учителей. В Маргилан к Кравченко приезжают А. Волков, Р. Чарыев, Д. Пригов.

Маргиланский период оказался весьма плодотворным. Определился собственный художественный почерк, было написано большое количество работ, сюжетами которых стали маргиланские улицы, хаузы, базары, чайханы, представления маскарабозов. Художник погружен в местную жизнь во всем ее многообразии. Работает в объединении «Атлас», занимающемся производством шелков. Живописная палитра художника впитывает краски абровых тканей, которыми исстари славился Маргилан.

В апреле 1960-го Кравченко впервые официально участвует в выставке, организованной областным отделением Союза художников в Фергане к Дню художника – 12 апреля, который после 1961-го стал Днем космонавтики. Но больше запомнилась другая экспозиция, оказавшаяся первой персональной выставкой художника. В чайхане «Шалдрама» (неясно – называлась так сама чайхана или квартал, где она находилась) без ведома местных властей и Союза художников он раз-

Фирменный логотип неожиданно стал походить на печать каллиграфа и вполне естественно вошел в общую художественную ткань, в которой гармонично сочетаются и городской пейзаж, нанесенный размашистыми штрихами толстого черного фломастера, и беглые строки шариковой ручкой.

Хаос. Железо, глина, дерево, стекло, фанера, краска, всякий хлам, помойки, дети, взрослые, ишаки, собаки, асфальт, камни, деревья уже немного зеленые.

Эта запись родилась после посещения любимого уголка старого Ташкента, измененного до неузнаваемости современной цивилизацией.

В том же дневнике есть еще одна замечательная страница, которую хочется непременно извлечь из общего потока, показать здесь и сейчас, чтобы, не дай Бог, не осталась незамеченной. Человечек на крыше айвана пускает змея. В небе парят и другие бумажные «летучие мыши». А в верхний угол страницы залетел красно-зеленый змей, в который превратился скучный фирменный знак компании канцелярских товаров. И даже дата «7 апреля» наверху страницы полноправно существует в этой потрясающей картине ветреного весеннего дня.

Дождливый день. Мощное шуршание змея. Летучие мыши бумаги.

Как любой художник, Женя получал удовольствие от хорошей бумаги. Будучи в Германии, он выискивал в магазинах подходящие блокноты – чтобы формат небольшой, обложка твердая, а бумага «правильная» – не слишком тонкая, без блеска, лучше слегка шероховатая. Не найдя ничего стоящего – расстраивался. Наверное, в такую минуту на странице дневника он записал стихи, принадлежавшие перу Абу Нуваса, придворного поэта арабских халифов середины VIII – начала IX века:

**Мне нужен всего лист бумаги,
Но его нет у меня,
Возгордились мои друзья,
Заимевшие много бумаги.**

Во время последней нашей встречи, пока я налаживала диктофон, Женя произнес загадочно: «Хочу сделать подарок», – и достал ежедневник в красивой обложке темно-синего цвета. Теперь он лежит у меня на столе и поглядывает выжидательно. Просматривая книжку за книжкой, видишь, как постепенно

7

АПРЕЛЬ

Бог мой любимый гений

мощное творческое
дерево ивы
душа. змея

весил тридцать своих работ. Выставка не осталась без внимания. Появились какие-то люди с милиционером, хотели забрать картины. Благодаря заступничеству отца Дамира обошлось без неприятностей, но дня через три выставку пришлось разобрать.

В этой же чайхане Кравченко познакомился с художником Львом Снегиревым. Когда Евгений перебрался в Россию, он писал своему другу в Маргилан:

Вчера всю ночь почти не спал, почему-то мысленно бродил по Маргилану, по всем моим любимым местам, и думал, как странно жить и работать. И как это так вышло, что я здесь и почти забыл Маргилан. Но вчера он вдруг вспомнился так, что впервые такое блаженство красок и жизни охватило меня.

Осенью 1961 года в Ташкенте состоялась выставка современных узбекских художников, работающих на периферии, где были и картины Кравченко.

В 1962-м Ферганское отделение Союза художников командировало Е.Н. Кравченко в Москву на семинар для художников-оформителей. Остановился в общежитии Строгановского училища, где учился младший из братьев Волковых – Александр, благодаря которому он быстро освоился в столичной художественной среде. В Манеже тогда проходила легендарная выставка, приуроченная к 30-летию Московского отделения Союза художников. Естественно, экспозиция вызвала большой интерес, особенно после скандальной реакции на нее Н.С. Хрущева. Александр Волков знакомит друга и с художниками-нонконформистами, и с работами мастеров старшего поколения. У известного коллекционера Г.Д. Костаки можно было увидеть недоступные в те годы полотна В. Кандинского, К. Малевича, Л. Поповой.

Тогда многое для него было впервые: Феллини, джаз, Мейерхольд. После

прочтения книги К.Л. Рудницкого о режиссере, взятой в Ташкенте у ссыльного поэта Е.А. Чернявского, началось увлечение художника театром. Пересматривались альбомы по живописи, перечитывались поэтические сборники Н. Заболоцкого и С. Есенина.

В 1962-м Кравченко принят кандидатом в члены Союза художников.

Помню Ферганский союз художников, всегда борьба каких-то группировок за власть и деньги. Старался всегда уйти от этого, спасал Маргилан. В Маргилане я был недосягаем.

В 1963 году Евгений Кравченко возвращается в Ташкент. Живут все вместе – мама, Евгений, жена Мая, дочь Ира, брат Виктор, сестра Лена – по прежнему адресу на Карасарайской улице. Евгений занимается оформительской работой в художественном фонде.

Это был мой город, я здесь жил, ходил, рисовал. Сначала мы снимали квартиру у хорошего узбека, который пустил такую большую семью. Нас ведь было пять человек детей.

В октябре 1965-го Е.Н. Кравченко принят в Союз художников. Отчетом за кандидатский стаж стала персональная выставка. Рекомендацию дали В.А. Волков, П.П. Мартаков и Н.В. Кашина. Собралось много народа. Зал разделился на противников и сторонников. Против выступали ответственный секретарь Союза художников М.В. Мюнц и преподаватель художественного училища В.И. Жмакин. Поддержали Кравченко Валерий Волков и Урал Тансыкбаев.

В апреле 1966-го Ташкент содрогнулся от мощного землетрясения. Дом на Карасарайской пострадал, но все же устоял. Женщины настаивали на переезде в Россию. Жена Мая Григорьевна получила приглашение на тек-

меняется характер дневников. Привычка вести более или менее последовательные записи возникла далеко не сразу. В ранних альбомах и блокнотах тексты фрагментарны, чаще всего это рабочие заметки, на скорую руку сделанные художником во время многочисленных поездок по Средней Азии, чтобы впоследствии впечатления воплотились в картинах.

Почему многое художником забывается? Потому что каждый кусок времени выстрадан и продуман и воплотился в картину. И он, этот кусок времени, забывается, потому что начинается новый...

А может быть, в те годы (1970–1980-е) для словесного творчества просто не было ни времени, ни достаточного уединения. Женя не любил путешествовать в одиночестве и чаще всего ездил со своими друзьями. Братья Волковы вырывались из Москвы, где к тому времени постоянно жили. Кравченко совершал побег из подмосковного Воскресенска, куда перебрался с семьей из Узбекистана. В Средней Азии к ним присоединялся Дамир Рузыбаев, оставшийся жить в Ташкенте. Денег, как правило, не хватало; ехали налегке, надеясь на удачу и добрых людей. Именно с этой компанией, как говорил Женя, «нон учта» («три лепешки» по-узбекски), и случались все знаменитые истории, запечатленные в дневниках художника и в воспоминаниях его тогдашних спутников.

Когда позднее у Кравченко появилась возможность совершить путешествие в Марокко и Йемен, поехать по Европе, ему приходилось подолгу оставаться в одиночестве. Конечно, люди, приглашавшие Евгения Николаевича, предоставляли кров, заботились о комфорте, старались показать новые интересные места. Они устраивали выставки, помогали продать работы, но разве кто-нибудь мог заменить близких друзей?! И вот тогда задушевными собеседниками становились дневники.

Записи, посвященные зарубежным путешествиям, расположены в хронологическом порядке. Рабочие наброски превращаются в иллюстрации к повествованию, которое затягивает в свое пространство, как самое увлекательное чтение. Нередко, когда читаешь воспоминания других художников, на литературную сторону внимания стараешься не обращать. Ради интересной информации о художественной жизни прошлых лет приходится прощать автору банальность рассуждений и суетное желание донести «драгоценные» подробности своей биографии до неблагодарных современников. Кравченко, безусловно, обладал самобытным литературным даром. В его дневниках нет ни малейшего намека на самолюбование, он не

стильный комбинат под Смоленском. Лето Кравченко провел в Ташкенте. Вместе с Дамиром Рузыбаевым они помогали Валерию спасти работы отца. К началу учебного года переехали в Ярцево, где получили трехкомнатную квартиру от комбината.

С 1966 по 1968 год семья Кравченко живет в Ярцеве. Евгений преподает детям изобразительное искусство, принимает участие в выставке смоленских художников. Сам он назовет этот период плодотворным для творчества, но тяготили и провинциальная обстановка, и удаленность от художественной жизни столицы.

В 1967-м у себя в квартире на Большой Полянке в Москве А. Волков устраивает выставку вместе с Е. Кравченко и Д. Рузыбаевым. Это было рискованным делом, но такие выставки и концерты пользовались большой популярностью – не было другой возможности без всяких ограничений показывать свои работы. Квартирную выставку посетило более ста человек, среди них – друзья по Строгановке, музыканты, актеры; заходил Г.Д. Костаки, сестра П. Филонова Е.Н. Глебова и многие другие представители творческой интеллигенции.

Переезжает в Москву и Валерий Александрович. Как и в Ташкенте, его московский дом становится культурным центром, где встречаются художники и поэты, журналисты и музыканты. С 1966 года В. Волков часто бывает во Франции, для своих друзей он «прорубает окно в Европу» – привозит альбомы, знакомит с искусством XX века. Кравченко интересуется творчеством французских художников русского происхождения Николя де Сталя и Андре Ланского.

В 1968-м Кравченко всей семьей переезжают в поселок Федино недалеко от Воскресенска. Им дали двухкомнатную квартиру и оформили прописку «по лимиту» от Мособлстрою, где с 1969 по 1972 год Евгений Николаевич работал художником-оформителем, в обязанности которого входило и украшение праздничных демонстраций.

В 1960–1990-е годы связь Евгения со Средней Азией не прерывается. Он часто бывает в Узбекистане – навещает родной Ташкент, колесит по Сурхандарье и Кашкадарье; в Таджикистане посещает любимые места – Шаартуз и Кобадийн; в Каракалпакии едет в Нукус, на Арал, на родину отца в Муйнак, не забывая всякий раз совершить паломничество в знакомый с детства Куля-Ургенч. Иногда удается устроиться в археологическую экспедицию, но чаще приходится путешествовать на скудные заработки художника. За помощью в Союз художников, который мог отправить в творческую командировку, обращались лишь в исключительных случаях.

С археологами Кравченко начал ездить еще до своего переезда в Ярцево. Честно говоря, археология его мало интересовала, в экспедицию его брали скорее за компанию.

В 1963-м вместе с Рузыбаевым, устроившимся реставратором в Институте искусствознания, они отправились на раскопки городища Халчаян. Г.А. Пугаченкова, руководившая работами, так высказалась о молодых художниках в своем письме Л.И. Ремпелю:

Меня удивляет равнодушие наших художников к разнообразию и богатству раскрывающегося перед нами мира природы. Д. Рузыбаев, в то время как археологи карабкались по склону, улегся под орешинной спатать рядом с унылым ишаком и грудой его помета. Е. Кравченко – его приятель-живописец, который иногда, сидя в айване нашего хозяина, пишет акварельные абстракции, не взял с собой ни красок, ни альбома. (Цит. по: Ремпель Л.И. Мои современники. Ташкент, 1992).

Позднее Кравченко несколько раз присоединялся к отряду археологов, работавшему под руководством И.Р. Пичикяна на городище Тахти-Сангин.

стремится вывернуть наизнанку «тонкую, ранимую душу гения». Со свойственным ему юмором, не подбирая мучительно слова и не задумываясь над стилем, он передает впечатления от окружающего мира. Путевые дневники насыщены выразительными образами, яркими деталями, тонко подмеченными нюансами происходящего вокруг.

Настроение автора записок меняется, когда он засиживается дома в четырех стенах, созерцая депрессивный городской пейзаж за окном. Не за что зацепиться взглядом, никаких импульсов, которые могли бы пробудить творческую силу. Записи, сделанные в такие минуты, иногда пронзительны и рвут душу, иногда спокойны и умиротворенны, но обычно лишены той энергии, которая переполняла его в Азии. Переехав с семьей под Смоленск, Е.Н. Кравченко пишет из Ярцева своему другу художнику Л.С. Снегиреву, оставшемуся в Маргилане:

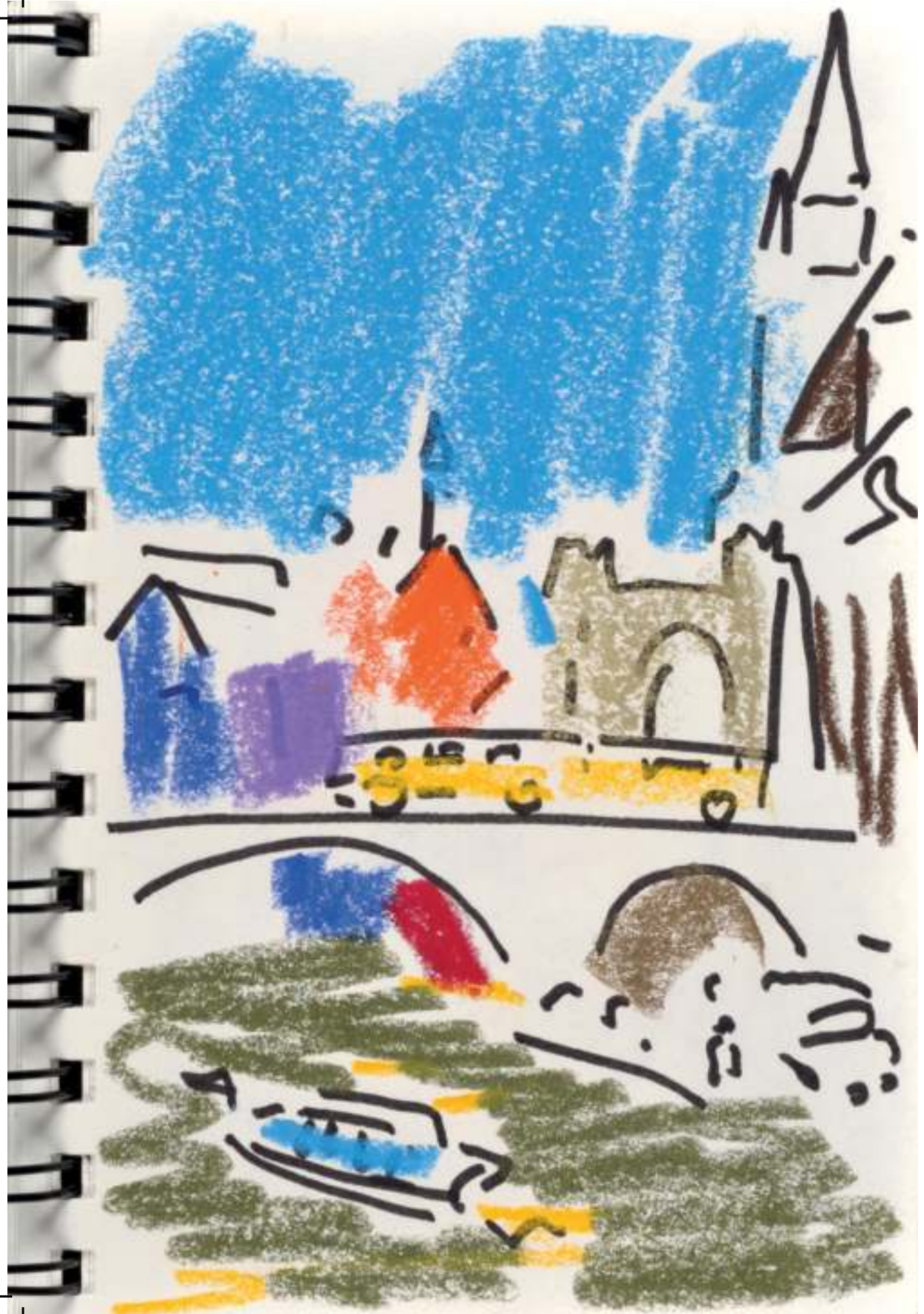
Тоска жуткая, кругом неприветливые, незнакомые и неинтересные люди. Не привык я к этим лицам. Ну вот, Лева, живу я только воспоминаниями о блаженном Маргилане... Здесь одна мразь. Единственно, что немного трогает, это когда идет снег и смотришь из окна на снежинки, которые носятся как сумасшедшие. Это, кажется, единственные живые существа, и я подолгу стою и смотрю на них и разговариваю с ними. Все мы очень скучаем по Азии. Моя тоска становится в тысячу раз тяжелее, когда я начинаю что-нибудь писать. Воспоминания так и кружат в моей голове, и руки опускаются... Желаю тебе, чтобы ты блаженствовал в чайхане (я-то уже позабыл, что это такое).

Позже, живя в подмосковной Балашихе, он видит из окна своей маленькой квартирке (Евгений называл свой дом юртой) место унылого городского пейзажа залитую солнцем картинку:

Очень пасмурный и серый день.
Вдруг ясно увидел пейзаж в Шаартузе. Ясные дали с одной стороны и желтое солнце в темно-синем мареве. Кафирниган, хлопок?
Фес – неоновые огни. Касабланка.

Русский художник, родившийся в Ашхабаде, годами живший в Узбекистане, он навсегда сохранил любовь к Востоку. В Европе Кравченко чувствует себя чужаком, проявляющим любопытство к «туземным нравам».

Где бы ни находился художник, он всегда увлечен поисками цвета. Бродит ли по улицам Дюссельдорфа, прогуливается ли по набережной Рейна или идет вдоль канала в Амстердаме, он всюду отмечает цветовые впечатления: окно с витражом, цве-

Из воспоминаний А.А. Волкова, записано
в январе 2011 года:

*Игорь Пичикян пригла-
шал Евгения Кравченко в
экспедиции, потому что
Женя умел создать хоро-
шую атмосферу.
С археологами часто ез-
дят люди, не совсем адек-
ватные: сумасшедших
хватает, которые бегут
от города. В экспедиции
иногда складываются
сложные взаимоотно-
шения. Женя был тем
человеком, который умел
принести мир и какую-
то доброту в отношения
между людьми.*

В октябре 1973-го Союз художников направил в Каракалпакию художников Валерия и Александра Волковых из Москвы, Евгения Кравченко из Подмосковья и Дамира Рузыбаева из Ташкента. Самые яркие впечатления остались от посещения степного колхоза «Каракалпак» и поселка рыбаков на Казахдарье.

С 23 по 31 мая 1973 года состоялась выставка работ Волковых и Кравченко в Музее искусств города Нукуса, явившаяся заметным событием в культурной жизни автономной республики. На открытии присутствовал министр культуры Каракалпакской АССР А. Худайбергенов. События, сопутствовавшие этой поездке в Каракалпакию, описаны в дневниках художника.

Весной 1977-го В. Волков, Е. Кравченко и Д. Рузыбаев принимают участие в создании экспозиции выставки «Восток и русское искусство. Конец XIX – начало XX века». Выставка вошла в историю Музея Востока как одна из лучших концептуальных экспозиций.

В марте–апреле 1982 года в фойе театра им. М.Н. Ермоловой состоялась совместная выставка живописи и графики Е. Кравченко и Ю. Ларина, которая сыграла важную роль в жизни Евгения. В творческой «бригаде художников» всегда действовала взаимовыручка. Если представлялась возможность, старались выставляться вместе или рекомендовать друг друга. До этого здесь прошла выставка Волковых, которые посоветовали в следующий раз пригласить Кравченко, а «для симметрии» Валерий Волков позвал Ларина, с которым работал в художественном училище памяти 1905 года. Кравченко познакомился с Лариным лишь на открытии выставки. Впоследствии тот предоставил Евгению возможность работать в своей мастерской в центре Москвы. Одна картина Кравченко из экспозиции в театре Ермоловой была приобретена послом Италии в Москве г. Джованни Мильуоло. Возможно, о последнем факте не стоило бы упоминать, если бы не маленький инцидент, произошедший спустя три года.

С 25 июня по 25 июля 1985-го в ташкентском Доме кино состоялась персональная выставка, экспозиция которой, включавшая около восьмидесяти работ, фактически стала подведением итогов творчества Е.Н. Кравченко за четверть века. До этого в Доме кино прошли выставки Д. Рузыбаева (1983), затем троих Волковых (1984). Посол Италии, в это время находившийся в Душанбе, смог прилететь в Ташкент на открытие выставки. Должны были послать машину от Союза художников, но ее не дождалось, и Кравченко, недолго думая, поймал такси, посадил туда посла, а по пути они заехали к Дамиру на плов. Так благодаря Жениной предприимчивости посол западной державы на целых полдня пропал из поля зрения компетентных органов.

18 февраля 1986 года в Музее Востока открылась выставка «Искусство Востока в борьбе за мир и гуманизм», в которой наряду с другими принимал участие и Кравченко.

ты, отражения в витринах, яркие этикетки на фруктах, которые он вдруг начинает коллекционировать. Этикетки становятся артефактами, вроде ракушек каури, добытых во время очередной смелой «вылазки к аборигенам».

В поиске выразительных типажей он по привычке идет на базар, но европейский рынок – совсем не тот, что в Средней Азии или в Марокко. Он недостаточно колоритен, лишен кипучей живой атмосферы, которой всегда полон восточный базар. Правда, и здесь встречаются выходцы из Азии. Торговцы-турки, девушки в хиджабах оживляют картину, но чувствуется, что и они здесь посторонние, оказавшиеся не в своей тарелке. В Европе все приспособлено для приятной жизни. Хорошо посидеть в пивной или за столиком уличного кафе, наблюдая за прохожими. Но здесь не хватает энергии цвета, которую может дать только азиатское солнце. Не хватает ощущения мощи бытия, первозданности природной стихии с огнедышащими самумами, горами, которые «не помещаются в музей». Здесь не увидишь усыпанного звездами азиатского неба. Чинные островки природы ухожены и облагорожены – сады, парки, горшочки с цветами на окнах. Реки тоже укрощены – их заточили в камень и бетон.

Любопытно, что из всех европейских городов Кравченко отдавал предпочтение Амстердаму. Он несколько раз посещал этот безалаберный город. В последнем разговоре, накануне моей поездки в Голландию, я спросила Евгения: «Чем же вас все-таки привлек Амстердам?» Честно говоря, я ожидала сравнений в пользу патриархально целомудренного Востока. Ответ был неожиданным. Евгений сказал просто и лаконично: «Амстердам для меня – это самый арабский город в Европе. Там присутствует особая атмосфера...»

Побывав в разных странах Европы и Азии, получив возможность сравнивать, он отдает свое сердце Востоку, оставаясь при этом человеком западной культуры. Упорно ищет то, что может объединить Запад с Востоком. И умудряется найти это общее в самых разных проявлениях: в ритмах витражей средневековых соборов, в красках огромного гамбургского порта.

Наконец-то я увидел настоящий порт со всеми его мелочами... Порт – это базар. Корабли, лодки, лодочки, баржи – всех размеров, краны. Толпы людей, магазины, закусочные. Огромные лайнеры – белые, синие, красные, желтые.

Он создает живописные полотна, где воедино слиты Рейн и Аравия, Сана и Амстердам.

Восток и Запад – они всегда разные, это очень хорошо, но они недоверчивые друг к другу, непонятные друг для друга... Мне хочется перемешать их, по крайней мере на холсте, чтобы получился красивый ковер, красивый сад, понятный для обоих.

Путевые заметки перебиваются хроникой выставок, ставших особой темой дневников Кравченко, интересной прежде всего для многочисленных друзей и знакомых художника. Читая эти отрывочные записи, живо вспоминаешь все происходившее в те дни. Как Женя приглашал нас, как мы подолгу собирались и, наконец, приходили на выставку, радовались встрече с дорогим нам художником – ведь Женю любили все. Однако порой, закрутившись в повседневной суете, не могли выбраться на открытие. Теперь с запоздалым чувством раскаяния читаешь, что художник ждал тебя, как чуткого и внимательного зрителя, и надеялся, что ты поделишь с ним его радость.

Ведь для художника любая выставка – это не только очередное подтверждение признания его творчества со стороны публики. Это еще и редко выпадающая возможность встретиться со своими собственными работами, вытащенными из небытия. Даже если большинство полотен хранятся в мастерской или дома, полноценное общение с ними возможно только в экспозиции, где они размещаются на стене, переговариваясь друг с другом. Здесь они сияют всеми красками под лучами направленного на них света – они вышли на сцену и дают единственное в своем роде представление, которое никогда больше не повторится. Будут другие – хуже или лучше, – но именно такую экспозицию уже никто никогда не воссоздаст. Все это начинаешь осознавать, читая записи. В дневниках есть слова и о том, как непросто художнику расставаться со своими работами: они дороги как друзья, как дети, но он вынужден продавать картины – ведь надо на что-то жить.

Какие-то люди выразили желание приобрести работы Кравченко, но неожиданно отказались, заявив:

«А вдруг эти работы нам надоедят – сможем ли мы продать их за эту же цену?» Я говорю: «Вряд ли». Если бы можно было, был бы уже «коммунизм». Когда я показывал работы, вдруг они стали мне как-то душевно дороги, и я спокойно отреагировал на этот странный отказ.

В 1987-м работы Кравченко вновь представлены в Музее Востока в экспозиции «Творчество А.Н. Волкова и его учеников».

С 8 августа по 8 сентября 1989 года в зале Московской областной организации Союза художников РСФСР москвичи имели возможность познакомиться с выставкой «Е.Н. Кравченко. Живопись», приуроченной, хотя и с некоторым опозданием, к 50-летию юбилею художника. В экспозицию было включено около 150 работ. Выставка сопровождалась небольшим каталогом.

С 6 октября 1989 по 2 февраля 1990 года в Московском областном краеведческом музее города Истры (с 1991-го – Государственный историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим») состоялась персональная выставка живописи и графики. Еще в 1980-х, когда музей приобрел несколько картин Волковых, в сферу внимания его сотрудников попало и творчество Е. Кравченко. В том же 1990 году художником заинтересовался Архангельский областной музей изобразительных искусств, получивший от него около двух десятков работ.

В июне 1992-го художник впервые отправляется за границу – в Чехословакию. Первое пересечение рубежей своего государства для советского человека было важным событием. После Чехословакии можно было выехать и в капиталистическую страну. В июле 1992-го Кравченко переезжает из Воскресенска в Балашиху, чтобы быть ближе к Москве, иметь возможность общаться с друзьями, чаще принимать участие в выставках.

В 1993-м Е.Н. Кравченко получает заказ Росмонумента на эскиз занавеса для зала филармонии в Калининграде. 12 мая он едет в командировку в бывший Кенигсберг, который запечатлелся в памяти своими каштанами, могилой Канта. В дневнике Евгений записывает жизненное кредо философа: *«Нужно иметь мужество жить своим умом».*

В 1993-м в Сергиевом Посаде состоя-

лась экспозиция, в которой наряду с другими подмосковными художниками принял участие и Кравченко. Эта выставка послужила началом российско-швейцарского проекта «Биеннале-6». Участники выставки были приглашены в Делемонт (Швейцария).

С 14 января по 14 февраля 1994-го в Москве в выставочном зале журнала «Наше наследие» состоялась выставка «Евгений Кравченко. Живопись», включавшая 11 работ.

В мае–июне 1994-го в Музее Востока организована выставка «Собирание пространства», объединившая произведения многих художников, посвященные Средней Азии и Кавказу. Среди них были и работы Е.Н. Кравченко.

22 июля – 10 октября 1994 года в Архангельске в галерее «Этюд» представлено 117 работ Е.Н. Кравченко. Позднее Евгений Николаевич любил говорить, что Север помог Востоку: на деньги, полученные от продажи с этой выставки нескольких картин, художник осуществил двадцатилетнюю мечту о поездке в Марокко.

10 июля – 10 августа 1995 года Евгений путешествует по Марокко, куда его пригласил Мухаммед Хссни, учившийся в Текстильном институте в Москве.

11 июля – 11 сентября 1996 года работы, посвященные Касабланке, Фесу и Танжеру, были показаны в Музее Востока на выставке «Путешествие в Марокко».

В 1996–1997-м художник дважды посещает Йемен по приглашению Иржи Цицнгроша – посла Чехии в Республике Йемен. С Иржи Кравченко познакомился в Москве, когда тот был советником по культуре в чешском посольстве.

В 1997-м состоялась выставка «Гармония контрастов. Русское искусство 2-й половины XX века», в которой принимал участие Евгений Кравченко.

28 апреля – 14 мая 1998 года в Государственном институте искусствознания в Москве была устроена небольшая выставка «Путешествие в Аравию».

Евгений Кравченко был живописцем от Бога, наделенным уникальным колористическим даром. Рассказывают, что, когда он в молодости зарабатывал оформительскими заказами, художники, корпевшие вместе с ним над работой, могли без него сделать эскиз, но всегда дожидались Женю, чтобы тот решил, в какие цвета что красить.

Читая дневники Кравченко, постепенно начинаешь смотреть на мир его глазами, словно включаешься в игру, предложенную художником.

Есть такая детская игра. Зарываешь в песок куски разбитого фарфора, стекла с разными рисунками и цветом. А потом тихонечко разгребаешь песок и вдруг обнаруживаешь самым неожиданным образом сложенные рисунки и цвета.

Мне кажется, что я до сих пор играю в эту игру. Иногда складываю куски цвета разных тонов и забываю засыпать песком, а иногда засыпаю сильно и не разгребаю его. А иногда классический вариант игры: и складываю, и засыпаю, а потом с удивлением и удовольствием слежу за фантастическим появлением разных цветов, тонов, черточек и пятен. И так бесконечно. Неожиданность, удивление, выразительность!!!

В своих дневниках Кравченко не склонен к философствованию. Однако некоторые строки обладают афористической силой. Они так прочно, с первого раза, врезаются в память, что начинаешь заново перелистывать страницы в поисках этих странных посланий.

Если тебе скучно в музее, сделай что-то лучше.

Или вот это совершенно великолепное высказывание, актуальное на все времена:

Хорошо, что горы и небо не вмещаются в музей, а то и их бы поместили туда.

Наставление самому себе звучит как кредо художника:

Писать работу для самого себя, а не для другой цели. Из всех качеств, которые даруют одним людям власть над другими, самым могущественным является вовсе не величие духа или сила разума, а способность волновать других по своей воле. Способность эта принадлежит людям, умеющим проникнуться чувствами, которые они хотят внушить другим.

Не в этом ли заключается секрет – почему полотна одних художников оставляют равнодушными, а работы других трогают до глубины души...

Екатерина ЕРМАКОВА

С 1997 по 2002 год состоялись четыре поездки в Германию. Преподаватель русского языка Регина Симон познакомилась с Е. Кравченко на выставке в Музее Востока, после чего пригласила его в Германию. Там она любезно предоставила художнику возможность работать, а также ездить по разным городам не только Германии, но и Франции, Бельгии, Нидерландов.

11 августа–20 сентября 1998 года в Рязанском художественном музее открыта выставка Евгения Кравченко «Танец цвета».

27 ноября–18 декабря 1999 года в Воскресенске организована выставка живописи и графики Евгения Кравченко «Интуиция цвета», среди организаторов которой – Управление культуры администрации Воскресенского района Московской области, Музей Востока, музей «Новый Иерусалим», Московская областная организация СХ России.

26 апреля 2001-го сотрудниками Музея Востока устроена не совсем обычная выставка «Беседа. Надежда Шек, Евгений Кравченко», где работы Евгения Кравченко были показаны вместе со скульптурой Надежды Шек, живущей в Архангельске.

3 июля–3 августа 2001 года Культурный центр посольства Республики Корея в Москве представил экспозицию скульптуры Надежды Шек, корейки по происхождению, и живописных полотен Кравченко. Несколько страниц дневников художника посвящено этому событию.

В 2002-м в «Галерее А-3» на Арбате прошла персональная выставка художника.

29 августа–21 сентября 2003-го в Сергиевом Посаде в галерее «Риза» проведена выставка живописи и графики Евгения Кравченко.

3–12 декабря 2004 года в Центральном доме работников искусств в Москве прошла выставка «Евгений Кравченко. Работы разных лет».

17 мая–17 июня 2007-го в Государственном музее Востока состоялась выставка «Евгений Кравченко. По-

эма о Востоке», сопровождавшаяся каталогом (автор Н.В. Апчинская). Художник считал эту экспозицию самой значительной из всех в его творческой жизни.

Летом 2009 года на Крутицком валу в залах областного Союза художников были показаны работы Е.Н. Кравченко на его персональной выставке.

21 января 2011 года в Государственном музее Востока была открыта выставка и проведен вечер памяти художника, на протяжении долгих лет остававшегося настоящим другом музея.

ИЗ ДНЕВНИКОВ ХУДОЖНИКА

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Место жительства менялось. Не менялась любовь к Средней Азии. Бесконечные путешествия по Средней Азии. Иногда и весной, и летом. Рисунки и потом работа. Наша бригада: братья Волковы, Дамир Рузыбаев и я.

Маргилан

Маргилан – это слово для меня значит очень много. Я часто приезжаю с друзьями в этот город: что-то обязательно снесли, что-то очень любимое уничтожили, – но этот город для меня всегда живой и прекрасный, и радостный, и грустный. Там прошло несколько лет настоящего творчества. Маргилан остался в моих работах, и ранних и поздних, которые я делаю сейчас.

Весна, лето, осень, зима – все было прекрасно: чайханы, люди, животные, улочки, дома, хаузы, арыки. Чайханы разные: чайхана беданистов, чайхана стариков, чайхана певцов. Названия великолепные, например: чайхана «Шалдрама».

Помню, как снимал разные дома для мастерской. Хожу по улочкам и чувствую, что хорошо бы именно здесь снять комнату для работы, и всегда получалось. Жил и работал, пока не находил место еще интереснее.

В этой же чайхане, когда я устроил выставку, встретил Льва Снегирева. Раньше я его не знал, он работал с Никифоровым. Прихожу, смотрю – русский человек сидит. Тогда в Маргилане русских было мало. Познакомились. Говорит: «Только что из Москвы приехал. Иду, смотрю – выставка». Посидели, чай попили. Стали дружить. Вместе начали делать плакаты. Жуткая тоска. Вместе путешествовали.

Его живопись и моя – это совершенно разные вещи. Он сам готовил олифу. Рецепт скрывал. Прихожу: вижу – что-то варит. – Ты что варишь? – Шурпу варю. А на самом деле олифу варит – день варит, два варит, три варит. А потом ею покрывает свои доски. Он мне много рассказывал о Звереве, Плавинском. Все это очень

интересно. Сначала было как-то все равно, а потом мы привыкли друг к другу. Смотришь, а уже без Левы плохо. У меня куча писем от него сохранилась.

Ташкент

История о квартире, записана со слов Е.Н. Кравченко в декабре 2010 года

Это был мой город, я здесь жил, ходил, рисовал. Сначала мы снимали квартиру у хорошего узбека, который пустил такую большую семью. Нас ведь было пять человек детей. После смерти отца мама все время писала письма, чтобы нам дали квартиру. Однажды пришел человек и сказал: «Больше не пишете, не надо». Но мама все равно писала. Одно письмо отправила с кем-то прямо в Москву, и письмо опустили где-то в Приемной в Кремле. И однажды подъехал грузовик, наши вещи быстро побросали и перевезли на новую квартиру. Хрущев велел немедленно дать нам квартиру. Мы поселились на Карасарайской улице в новом доме.

«Нон учта»

Обычно ездили сами своей компанией – «нон учта»: я, Волковы, иногда присоединялся Рузыбаев. В Союз художников избегали обращаться, только один раз Союз оплатил нам поездку. Однажды ташкентский художник Ю. Талдыкин попытался увязаться с нами: «Поеду с вами, и все». Встречались мы в пивной. Я говорю Талдыкину: «Для того чтобы поехать с нами, тебе надо в задницу три укола сделать – от холеры, чумы и т.п.» – «Сколько?! Нет, я тогда с вами не еду».

Один раз с нами ездила Галина Зелинская из музея Истры. Мы отговаривали ее: «Женщин, мол, не берем». Но она поехала и объездила с нами много мест.

Из воспоминаний А.А. Волкова, записано в январе 2011 года

Приезжая в Среднюю Азию, мы чувствовали себя абсолютно свободными среди этих глиняных дувалов, тополей, чайхан, среди людей, которые нас окружали. Хауз, деревья, звездное небо, чайханщик приносит чай за три копейки, и можно сидеть хоть до утра. Разговоры об искусстве, о литературе. Нас, конечно, это очень обогащало.

Женя раннее детство провел в пустыне, в геологической партии, в бесконечных переездах. Наверное, поэтому у него было удивительное качество – быстро собраться и поехать куда угод-

аудитор, 200 лет
о, друзья и студенты
был там в 97 не
классе в Заурра
со Холми, горни
и, Сергий руд
него уловим
нашим, что, в
стие, горелай и
гольво часов - с
вбы, ищичи. Во
о дороге. Борис
Фигуран могой.
20 лет и мо еде
Мы это: Борис
об и т.
в своем сказку
Какой это Паи
и. Момис бат
его в детстве
и сон?
Мирабад, Зау
горно, древни
вары. Серво го
серого и ишкун
ли и чиброчи
21

но, а приехав на место, быстро его обустроить. Когда мы ездили с Женей, быт всегда был налажен, все есть, все разложено по местам – здесь заварка, там лепешка.

В Ташкенте на нашей улице жил городской сумасшедший, который ходил по улице и часто комментировал политические события. Причем с такой точностью, что когда на следующий день мы слушали «Голос Америки», то сомневались – сумасшедший ли он. Он всех подразделял на разные социальные категории. Меня, Женю и Дамира он выделил в особую группу и назвал нас «сэрами».

Валерий сэром не был, но мы произвели его в султаны. Я был министром иностранных дел, Дамир был солдат, то есть полиция, ну а бедный Кравченко был народ, на него все сваливалось. Каждый нес свою ношу как мог.

У нас была удивительная творческая атмосфера. Мы друг друга очень ценили, каждой удаче радовались, но могли и жестко критиковать.

Одно из наших путешествий (1961–1962 годы) было такое. Мы сели на поезд в Маргилане и поехали к родителям Маи, жившим в Кувасае. Денег, как всегда, не было, ехали бесплатно, так как ее родители работали на железной дороге. Приехали в Кувасай ночью, переночевали, а на следующий день утром отправились в горы – куда глаза глядят, не зная дороги. У нас была одна лепешка, кусок колбасы и все.

Горы, весна, апрель наступает. Поднимаемся на перевал: тишина, деревья начинают цвести, садимся писать этюды. Потом спускаемся в чайхану. Естественно, как новые интересные персонажи, вызываем всеобщее любопытство. Все хотят знать, кто мы такие. «Мы художники». И нас вдруг просят в чайхане нарисовать кишлак. «Конечно, мы готовы, но за гонорар – мы же профессиональные художники». Обещают гонорар. Принесли ткань, двадцать квадратных метров, натянули. Мы с Женей быстро в четыре руки начали писать задник. Дамир заявил, что живопись – это наше дело, а он будет руководить. Народ тут же сидел и смотрел, как мы работаем. Эскиз понравился. Редко такое бывает, когда искусство рождается на глазах зрителя. Постепенно люди расходились – уже час ночи. Вдруг чайханщик включил приемник, поймал какой-то джаз по «Голосу Америки» – «Это для вас». И мы, пританцовывая, дописываем пейзаж. Но когда в 4 часа утра Женя стал зеленое красить синим – не потому, что он так видел, а просто уже засыпал, – решили заканчивать.

Утром просыпаемся – тишина; выглядываем, а там – полная чайхана народу. Картина сверкает под лучами солнца. В результате торгов нам дали три рубля и шурпу, а четыре рубля обещали на

обратном пути. Но потом появился партийный работник и стал спрашивать, по какому праву мы здесь это нарисовали и почему не Ленина изобразили. Без нас картину отстирали – она ведь была на полотне.

1967 год

Прошло 20 лет, и мы едем в Пашкурт. Пашкурт – это моя родина, мое детство, яркая и сказочная страна. Мы – это Дамир Рузыбаев, Саша Волков и я. Я везу их в свою сказку, она в мечтах. Какой этот Пашкурт и был ли он?! Может быть, я придумал его в детстве, может, это детский сон?

Карши, Ширабад, Зарабаг. Древние города, древние руины. Сурхандарья. Серое утро, много горячего серого и инкрустация изумрудами и ультрамаринами, как сурхандарьинская керамика – глина и вкрапленные изумруды.

Сад, за садом заход луны.

Сад освещен нежным восходом.

Утро, быстро становится горячо. Мы едем по шоссе, потом сворачиваем в ущелье. Нас встречает небольшой варан. Ущелье, вода, запахи, я уже начинаю чувствовать, как 20 лет тому назад. Голуби, холмы, радостные кусты.

Ущелье быстро кончается. Нас подбирает машина, мы едем в Зарабаг. Это предгорье, холмы. Чайхана. Чайханщик показывает далеко в дымке раскаленную желтую еле заметную зелень. Волнение подгоняет меня, и мы уже идем по пустыне в это зеленое – далеко. Проходит час, второй... И вот мы из раскаленной пустыни входим в Рай.

Фантастические деревья. Райские птицы. Далекое воображение меркнет перед действительностью. Горячая красная глина. Изумруды, сапфиры. Хауз с рыбами. Глубокий, прохладный. Пыль по колено. Ни души. Где-то должна быть школа, в которой был лагерь для нас, детей. Все похоже. Все узнаю, как будто не было 20 лет, этого слоя жизни.

Старик. Шурпа. Может быть, это было уже в следующий раз со Снегиревым, когда «Спидола» спасла нас от собаки, когда паук встречал нас. «Он выходит только к хорошим людям», – сказал старик. Жили в старом брошенном доме с садом. Шантала, виноград, огромные помидоры. Пес – Миша. Бросишь шанталу, ловит пастью и выплевывает косточку. Луна, собака, птицы, шелест ветра, где-то хаузы с рыбами голодными в глубине. Разного цвета холмы, мята, пыль, цикады. Восход луны. Небо. Родники – прохладная вода. Самум. Сильный шум песка. Орехи, тропинки, дороги, которые выходят из кишлака. Кругом пустыня.

История радиоприемника «Спидола» и пса Миши, записана со слов Е.Н. Кравченко в ноябре 2010 года

В Пашкурте пришлось спасаться от волкодава. Идем, рядом с дувалом огромнейшая псина сидит и ждет, когда мы приблизимся. Я слепой, но ее увидел. А у Левы (Л.С. Снегирева. – *Ред.*) за спиной «Спидола» играет. Деваться некуда, мы подходим к собаке, и вдруг из «Спидолы» как грянет мощная музыка. Пес от страха подскочил и бросился прочь. Дали мы ему имя Миша в честь нашего шофера, который был, извиняюсь, большая сволочь. В Пашкурте нас поселили в персиковом саду. Около сада и была привязана эта псина. Ни воды, ни еды, ничего. Мы воду принесли. Близко она никого не подпускала, кроме Рузыбаева. Тот ей то веточку винограда «дамские пальчики» принесет, то персик. Она ела все, что только можно было съесть. Персики страшно любила.

*Пашкурт. Ширабад. Зарабаг. Сурхардарья.
Денау. Родники. Холмы. Байсун.
Ходжейли, Нукус, Куня-Ургенч.
Халмурат, Аемхон. Тюрабек-ханым.
Мавзолей Текеша. Минарет, сазаны, восходы. Сад яблоневый. Урюк.
Тополя.
Муйнак, Казахдарья, Арал, Шахаман.
Савицкий И.В.
Самум в Шахамане. Ташауз. Сладкий запах солончака. Тутовник.
Горячий ветер из пустыни Каракум. Верблюды.
Мечеть, где жили в 1952 году.
Туркменки. Сундучный базар. Ночь. Рыбалки. Базархон.
Шаартуз. Душанбе, Чирчик, Тешик-Таш. Бекмурза. Семья. Очаги.
Террактотовый колорит. Виноградники. Чашма.*

Из воспоминаний А.А. Волкова, записано в январе

2011 года

Женя открыл нам глаза на красоту пустыни, красоту мест, где как будто бы ничего и нет, а когда внимательно посмотришь, то видишь такое богатство...

Приехали в Куня-Ургенч, смотрим с Валерием и ничего не понимаем. Поселок, как под Москвой, ничего восточного нет, шиферные крыши, какие-то железки, и все покрыто пеплом, потому что углем все топят, и пылью. Богом забытое место. А Женя говорит: «Как красиво!»

Поехали на машине дальше. Забор глиняный и сад из зеленых деревьев, как клумба, а дальше ни одного дерева. Вокруг этого забора раз обошли, два обошли, находим калитку, входим – такая картина: арык течет, мостик, беседка, накрыт дастархан, стоят тарелки с недоеденной едой, человек на 15–20, и ни души. Как в сказке: дракон, что ли, всех утащил? – непонятно. Наконец из кустов появляется одна фигура и спрашивает, кто мы такие. Потом потихоньку вылезли и остальные двадцать человек. Выяснилось, что это пионерский лагерь в полном составе: директор, пионервожатые, а пионеров нет – кто детей отдаст в такой лагерь! И мы в этом лагере остановились, жили там около месяца.

История о синей птице, записана со слов

Е.Н. Кравченко в ноябре 2010 года

Ее, вернее его, звали Куня. Привез его из Куня-Ургенча в 1971 году. Хищная птица. Кёк карга, по-русски – сизоворонка.

Шли с Александром Волковым, видим: среди развалин в Куня-Ургенче летает такая птица. Я говорю: «Саш, ты знаешь, всю жизнь мечтал о такой птице».

«Никаких птиц, ты с ума сошел. И вообще, это плохая примета – брать отсюда птицу». Но я вредный. Заметил, что живет птица в углублении стены. Поставил Сашку, забрался на плечи, сунул руку и вытащил двух птенцов. Того, что побольше, забрал, маленького оставил. Дамир сразу сказал, что дальше с нами не путешествует: птица – плохая примета, и уехал в Ташкент. А мы с Сашкой еще поехали в Муйнак на Арале. Мой отец родился на Арале. Птицу я с собой в коробке возил. Кормил насекомыми – безалбаш, такая большая гусеница с челюстями. Птица ела и мясо, и яйцо, и лягушек.

Когда я в конце концов открыл коробку – оттуда вылетела невозможная красавица. Все упали: «Что ты с ней будешь делать?!» – «Как что? В Воскресенск повезу». – «Она там не будет у тебя жить».

Восемь лет птица прожила у меня дома. Нашим с ней любимым занятием было вместе хоккеей смотреть. Домашние все ее полюбили. Два раза улетала, два раза возвращалась. Злилась, если я пару дней ее не находил. Лезла за пазуху, садилась на плечо, ласкалась. Но стоило появиться соседу или еще кому-нибудь... Домой лучше не заходить. Сашка входил в дом на четвереньках, потому что Куня долбил его по голове. – «Пока ты ее не изжаришь, я к тебе больше не приеду».

Потом Куня занемог. Помчался я с ним в зоопарк, разыскал орнитолога. Он посмотрел и сказал: «Нужно птицу выпустить. Здесь без стаи не выживет». И мне пришлось ехать в Куня-Ургенч. Вместе с Валерием Волковым приехали в Нукус. Савицкий сразу спросил: «А с птицей почему?». Объяснил, что привез выпустить. «Все, даю машину, езжай». И я поехал. Жил там месяц, кормил ее, пока сама не смогла и пить и есть. Стая галдела, и я – среди этого шума и гама. Сначала птица сама стала летать на водопой. Но стоило мне только появиться, она сразу подлетала и садилась на плечо – есть что-нибудь вкусненькое? Жил я не с ней в пещере, а в доме у Халмурата. Он спокойно к ней отнесся. Кур, говорит, ворует, но в приметы не верил. Халмурат – это наш друг. Я когда-то с ним в 6-м классе сидел за одной партой в Куня-Ургенче. С тех пор мы с ним дружим, и с женой Аемхон, и с детьми.

Из воспоминаний А.А. Волкова, записано в январе 2011 года

Любовь Кравченко к животным проявлялась в самых разных ипостасях. Было время, когда он очень любил цикад и мечтал привезти их в Москву. Привезет, а они окукливаются. Тут он достал литературу, прочитал, сделал клеточку по японскому образцу, натянул капроновую сеточку. И все-таки добыл цикад, которые остались у него жить. Я никогда не забуду такую сцену: горит только настольная лампа, открыта клеточка, на клеточке сидит цикада, а Женя кисточкой чистит ей лапки.

1973 год. Выставка в Музее искусств города Нукуса, совместно с Волковыми и Рузыбаевым

8–10 мая

В музее у Савицкого отбор и оформление работ для выставки. Поездка с Куатом (режиссер местного театра. – Ред.) по окрестностям Нукуса. Озера. Пахнет рыбой. Видели огромного сома на 11 кг. Вспоминаем рыбака, с которым ехали в поезде. Едим вкусно, живем приятно. Чтобы не сглазить. Жаль, нет Рузыбаева.

12 мая

Приехали в Казахдарью. Вечер. Замечательный закат. Встречали нас очень радушно. Тут же посадили в лодку, и мы поплыли. Юмор. От комаров ничего не понадобилось, а мы везем с собой и «ангару», и пологи.

13 мая

Утром ездили на лодке по Дарье. Довольно далеко. Красиво. Видел много синегалок. Видел их гнезда. Ветер сильный. Детей невероятное количество. Наконец-то начали работать. Рисовали целый день.

14 мая

Восход проспали. Коровы и козы уже ушли. Прекрасное утро. Прозрачность. Днем серебристость. Рисовали до одури. Поехали на рыбалку. Сломалась лодка, и рыбалка не состоялась. С Сашкой (А. Волков. – Ред.) тянем лодку до дома. Работали вечером. Бешбармак. Прекрасная ночь, луна. Днем идея Кок-Султана – отобразить рисунки детей в школе. Выставка. Все время ветер. Обманчивый ветер.

15 мая

На рыбзаводе. Копчение. Черный цвет с золотом. Вечером на рыбалке. Не клюет совсем. Султан треплет нервы. Луна с водой. Закат. Фиолетовая земля. Густота. От луны луч к земле. Серебро, кругом серебро. Как изобразить тепло-серое?!

16 мая

В школе. Прекрасные рисунки. Школа – блеск. Зеленые окна. Прекрасный последний вечер.

17 мая

В совхозе «Каракалпак». Устраиваемся в гостиницу. На канале. Удоды. Вечером прекрасное место, похожее на Пашкурт. Божественно. Рыбы нет.

18–20 мая

Встреча с директором совхоза. Едем на пастбища. Пустыня. Тугай. Юрты. Знатный чабан. Беибафмак из сома. Ужасная, но красивая дорога. Зайцы. Пески. Соловьи. Рисуем в самом совхозе «Каракалпак». Утром на рыбалке. Ветер. Погода портится. Рисуем все время на «Шахамане». Пески и оазис. Султан болеет.

21–22 мая

Приехали в Нукус. Дамир уже прилетел из Москвы. Афиши к выставке. Приятно. Куча работы в музее. Савицкого нет.

Целый день в музее. Почти вся работа выполнена. Осталась одна стена. Очень хорошо все получается.

23 мая

Открытие торжественное. Розовая лента. Присутствовали высокие гости Каракалпакии. Выставка смотрится чудесно. Очень здорово вошли все работы с Казахдарьи и Шахамана.

25–27 мая

Куня-Ургенч. Очень тепло и блаженно. Шурпа. Халмурат. Султан поймал сазана, большого. Сашка поймал первого сома. Вкусная уха. Варил Султан. Прекрасное утро. Густые сочные краски, пьем мед. Ловлю себя на мысли, что с удовольствием бы здесь остался. Куня – прекрасный город. Столица Средней Азии.

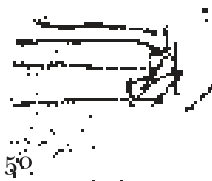
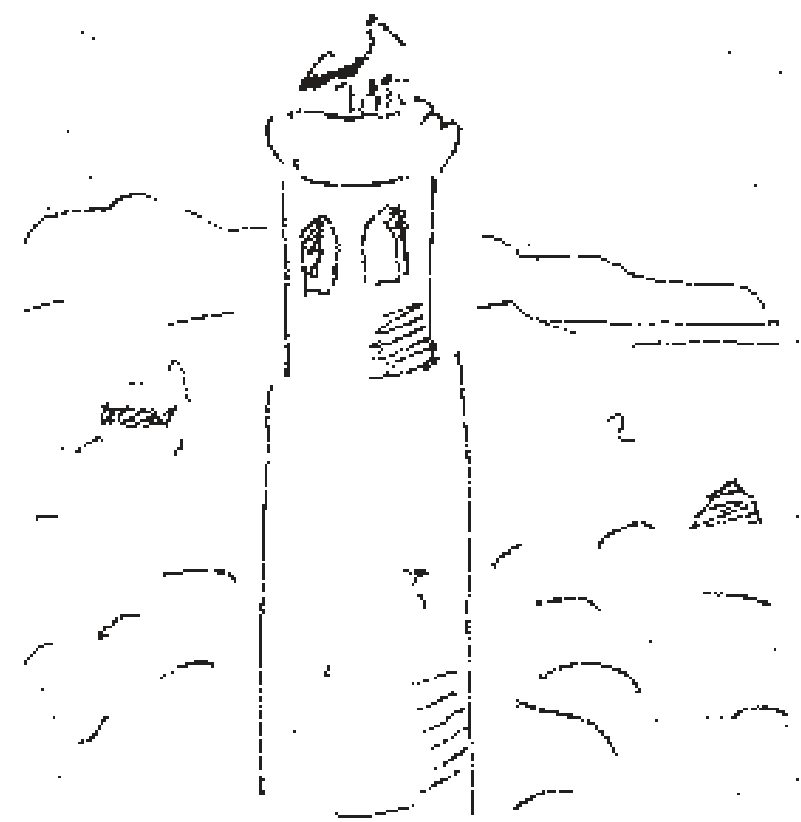
Нашел гениальное место. Джиды, освещенная вечерним солнцем, вода, птицы, глина белая.

Султан не в духе. Султан недоволен Куня. Почему? Спор с Савицким. Савицкий не разделяет развитие формы в творчестве Султана. Странно, действительно. В газетах Каракалпакии – о нашей выставке.

Судак Хармугура,
Харас Бегум,
Ирса Казак-Фарс,
Мангилев Ак-Тене,
Мас на Ак-Тене с
оценкой Бегум,
Казак-Фарс Бегум,
Рисунда на Рисундах,
Тундасилев Казак,
Тайхавес на Рисундах
с оценкой и темпем.
Реза на Карасарас с
рисунком, Бегум
тем. Застав.

Exterior View, Westgate, Toronto, Ontario

31 мая

Едем в горы и на озеро. Горы красоты необыкновенной. Каменоломни. Цикады. Черепаха. Таинственный кишлак. Пустыни – разные каменные. Плов Дамира. Ущелье. Жук. Яркая, голубая зелень. Желтый тонкий закат. Очень хорошо. Пили верблюжье молоко. Авария. Ночь.

В Куня исчез прекрасный пейзаж – район старика с карагачом. Деревья высохли, арык засыпал. Остался старик, карагач и теплый ветер.

Разрушенная мечеть прекрасна среди нового района Куня.

Семья Халмурата. Халат в Куня. Юрта. Казахдарья.

Ташкент, Актеле. Мост на Актеле с осенней водой. Рыбалка. Чайхана на Кумлаке с водой и тенями. Река на Карасарае с рыбаком. Вечерние тени. Закат.

Город в горах. Вечер. Освященные только верхушки деревьев. Тепло. Розы. Небо – зелень, хрустально-зелено-голубое, тепло-фиолетовое.

Джидда и карагач. Святое дерево, под ним сядешь и уже никогда не встанешь. Под ним живут джинны, альбасты.

Мы немножко заблудились, пропустили последний автобус, пришлось заночевать.

Потом Ходжейли, Куня-Ургенч, Нукус. Устали страшно. Из Нукуса полетели в Москву.

1975 год. Сайрам

Древняя земля. Древнее место.

Колорит густой глубокий. Подкладки как в «Восходе луны». Наслоения лессировки. Густая пыль древности. Пыль – прах – наслоения веков. Насыщенность. Каждый цвет усилен больше, чем он есть. Небо, святые места, воздушность – усилены. Колорит композиции. Форма для колорита. Пашкурт – те же задачи. Пашкуртское кладбище. Тонко и густо одновременно. Запахи. Не торопиться.

1977 год. Шаартуз

Ночь, уходящая в ущелье. Общая горячая масса холмов. Небо почти еще ночное, присутствует очень тонкое серое, сумеречное. Ясно, чисто. Внизу камни.

1981 год. Кашкадарья, Ходжейли, Куня-Ургенч, Нукус
Ехали через Кашкадарью. Мавзолей Лянгар-Ата. Потрясающее место в холмах. Сохранились старинные мечети, разваленные и полуразваленные, и хаузы с рыбами. Зброшенный хауз. Посмотришь, а там старые рыбы – сазаны – живут. Есть их нельзя, они священные.

История о маскарабозах, записана со слов

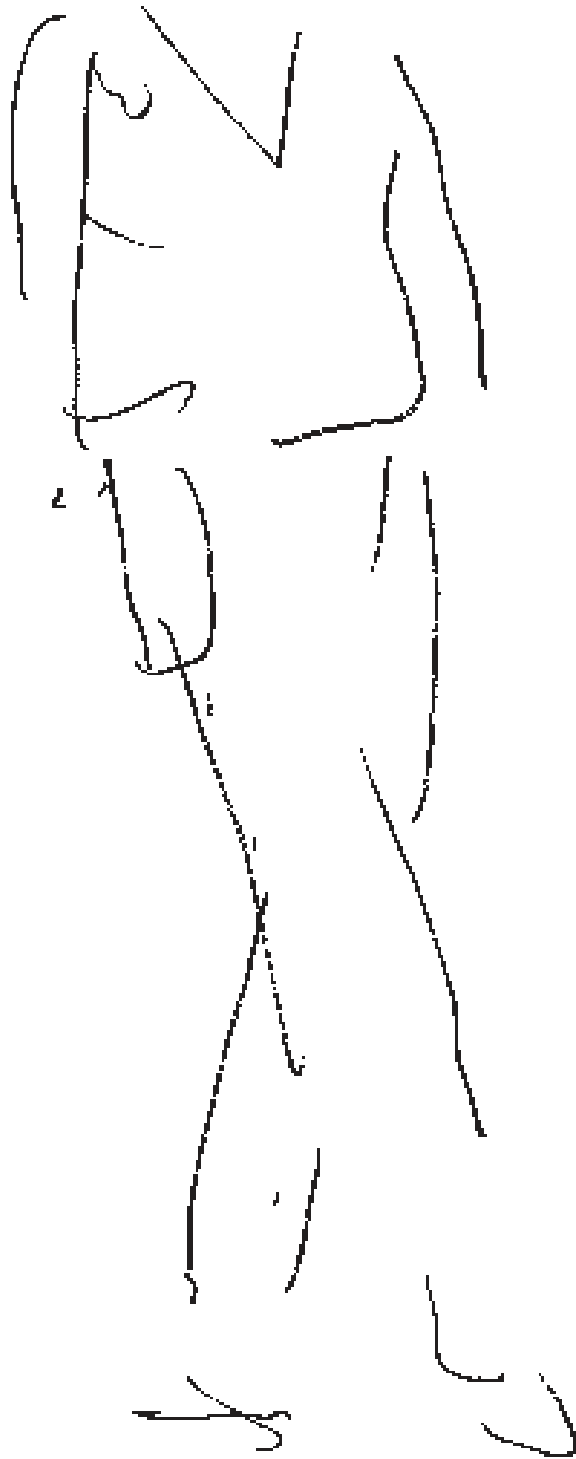
Е.Н. Кравченко в ноябре 2010 года

В Кашкадарье встретили канатоходцев-маскарабозов и отправились с ними путешествовать. Жили в какой-то пещере с Валерием и маскарабозами, примерно с неделю... Мы их рисовали. Разные случаи были. Один упал с каната, но остался жив, выбил руку. Другой идет по канату и заснул прямо там. Ему кричат: «Амака!» А тот спит. Как его оттуда снять? Кричат: «Тут пять рублей лежит!» – «Где пять рублей?» Сразу проснулся.

История слепого музыканта, записана со слов

Е.Н. Кравченко в ноябре 2010 года

В 1983 или 1984 году Е. Кравченко и А. Волков встретили слепого старика. Оба они изобразили его в своих работах. Он был такой неистовый, жене проходу не давал, она не выдерживала – пошла к колдуну. Колдун посоветовал: «Селитры в суп насыпь. И все пройдет, близко к тебе не подойдет». Тоже додумался. Она так и сделала. А муж ослеп.

5 июня – 10 июля 1985 года, Ташкент.
Выставка в Доме кино

5 июня

Открытие выставки в Доме кино в 17 часов. Выступление Дамира. Сравнение живописи с чистой родника. О.К. Апухтин – воспоминание о днях училища. Чарыев – рассказывал, как мы писали этюды. Атабаев, Лаковская, Римма Еремян, Мельников и т.д. Братья. Римма Ким из Ферганы. Отобрал три работы для Ферганского музея: «Сбор хлопка в Бешкентской долине», «Карагач» и «Ночь. Маргилан». Подарил музею 13 работ, пастели, рисунки 62-го года, несколько кувинских рисунков пастелью. По работе – сотрудникам музея.

Рассказывал буквально о каждой работе. Кафирниган, Маргилан, Сайрам – незнакомые имена.

6 июня

Разговор с посетителем о цвете. Цветной контур – находка для Средней Азии. Очень хорошо смотрятся пастели при сильном солнечном освещении. «Руины в Куны-Ургенче», «В Сайраме» – желтый пейзаж.

10 июня

Художественная школа. Ребята из Сурхандарьи, Ферганы, Андижана, Ташкента. Немцы. Саша-брат с друзьями.

12 июня

На выставке... Валера. 30 человек. Шацкий.

14 июня

Апухтин О.К. сдал материал о выставке в «Вечерний Ташкент».

15 июня

Приезд Саши. Дача, голубая вода Чирчика. Бречмулла, Бугустан, Чимган, фантастические цветы, белые мальвы.

17 июня

На выставке... Дробовы: Алла и дочь (родственники Е.Н. Кравченко. – Ред.). Брат с женой и детьми (Саша, Ваня, Оля, Андрей – дети брата Виктора. – Ред.), Золотарев – нравятся беспредметные работы.

20 июня

Старый город. Чайханы. Новая дорога, тени, прохлада, свет. После 14 ч. – выставка. Ступаков, Клецьель (соученики Кравченко по училищу. – Ред.). Смерть мамы Дамира.

22 июня

Карасарай. Кишлак. Чайханы. Хастым. Сагдан. Парк Тельмана. Мастерская. Выставка. Посетители из Загорска. Беш-Агач. Стрижи в вечернем небе.

23 июня

Базар в старом городе. Сборы. В 22 – аэропорт. Отъезд А. Волкова и Милько. Чувство одиночества. Очень привычное и, видимо, уже необходимое. Вечер, закат, тепло и душно, сухо.

24 июня

Мастерская Дамира. Дитрих Фишер-Дискау. Бах – кантаты. Хочу начать работать. Выставка. Как хорошо побыть среди своих работ на выставке. Очень хороший отзыв Саши (А.А. Волкова. – Ред.). Все вспомнилось.

25 июня

На выставке. В газете «Комсомолец Узбекистана» за 1961-й и «Правда Востока» за 1965 г., «Вечерний Ташкент» 25 июня 1985 г. – информация о выставке. Сильная жара до 40°.

27 июня

В Москве на Суворовском бульваре открывается выставка «Новые поступления» в Музее народов Востока. У Виктора дома. Федоров – внезапная смерть.

29 июня

В мастерской. Утро – пейзаж. Натюрморт с лепешками. В газете «Вечерний Ташкент» – статья Апухтина «Музыка полотен».

6 июля

В горах Акташ. Сверкающее небо и днем и ночью. Луна. Полнолуние. Шум речки. Прохлада после Ташкента.

7 июля

В горах. Возвращение. Мирзоев Алишер. Вечер. Светлячки. Купание в ручье.

8 июля

Последние дни выставки. Пришла сумасшедшая.

9 июля

Публикация в газете «Вечерний Ташкент» за 8-е число, с портретом «Гузалхон из Сайрама». На узбекском языке тоже публикация и репродукция с «Гузалхон».

Чайхана в парке Пушкина. Наконец-то небольшое спокойствие за несколько месяцев. Захотелось посидеть в чайхане, вдали от всех. Тепло, прекрасный зеленый чай.

«Салам алейкум!» – это так старик чайханщик поздоровался с беданистом. Интересный беданист, или слепой, или полузрячий, в темных очках. Делают плов, кайфуют. Старик обносит всех лепешками, цветут канны. Беда-

нист, почти всегда хороший рассказчик, показывает всем телом, как бедана дерется. Выражение как у беданы. Беданист смеется – как будто икает.

10 ИЮЛЯ

Последний день выставки. В автобусе видел женщину с росписи пещерного храма на острове Цейлон. Хожу по выставке и с грустью думаю, что она будет разобрана, работы, принадлежащие частным лицам, будут розданы. Три работы в Ферганский музей, две я хочу еще отдать на хранение. Часть работ повешу в доме Леши. Часть подарю.

Казах-Дарья. 1979 г. Х., м. – Малик Каюмович Каюмов. Этюд. Маки и колокольчики. 1965. Х., м. – Римма Еремьян.

Продавец керамики. 1962. Б., пастель, уголь – Наташа Над.

Маскарабозы. 1962 г. Б., гуашь – Мукарам Таифовна. Этюд. Деревья. 1961 г. Б., пастель – Лаврененко Борис (соученик Кравченко по училищу. – Ред.).

11 ИЮЛЯ

Работы уже у Дамира в мастерской. Опустел Дом кино. Всему приходит конец.

12 ИЮЛЯ

Базар. Выходной от Дома кино. Парк Пушкина. Чайхана. Канны.

В журнале о выставке трех Волковых. Нет работ Волика. 4 работы Александра Николаевича (А.Н. Волков. – Ред.) на развороте.

14 ИЮЛЯ

«Ночью поет бедана». Лена Ладик из Ферганы, показывал работы. Нравится «Автопортрет», «Светлый вечер», «Карагач», «Ночной сбор хлопка» июля 1985 г. – масло. Пастели маргиланские. Новый набор работ для музея: масло – «Ночь», «Хауз в Маргилане», «Осень в Сайраме» – пастель, «Ночью поет бедана» – это интересно. Вспомнил Ургут – кеклик ночью на дереве в чайхане, речка, луна. Этюды. Тень от листа.

У Лаковской. «Цветок» 1966 г. 48x65,5. К., м.

1. Машина в урне, машина
 наезд с пелёк и в
 руках. Рядом с урны
 находится кондуктор
 урны. В урне, урны.

В урне, в урне, урны
 с урны, урны, урны
 урны

Машина в урне
 урны, урны, урны
 урны, урны, урны.
 урны.
 урны, урны, урны.

Морские воды
 берега. Радуга
 Вдоль берега волны бегут
 Орута
 Огня злого испуг
 В пучине морской
 неба

Вокруг - буря
 Вокруг зловеще

Песчаная и галечная
 гора
 Гора - туман, береговая
 волна
 Мелководье с баргалами
 мой зыбкий
 Ажур. Задат

Осень 1990 года.

Душанбе, Шаартуз, Кобадийён, Тешик-Таш

Старик в изумрудном халате с ребенком на руках. Ребенок в ярко-красном комбинезоне. Утро, все кругом сверкает.

Вечер. Дерево, рядом стог гузапаи. Мать и дочь у очага.

Фигурки в красном, закат мягко освещает их. Собака рядом. Майны. Канны желтые.

Лунная ночь в Тешик-Таше со звездами. Шумит гранатовый сад. Лают собаки. Лампа, дастархан, шурпа. Комната, палас, вышитые наволочки. Окно, открытое в сад. Дверь, открытая в сад.

Поездка в Шаартуз – как скачки на верблюдах.

Играющие вороны в голубом небе. Утро. Горы. Ранний восход, нет еще красных и желтых. Мощные голубые, не ультрамарин. Созвездия с горой. Мягкий свет луны на белых камнях.

Яркие полосатые халаты в тени и на свету. На остановке автобуса. В чайхане. Утром.

Белое платье в тени и на свету. Под навесом. На фоне гранатового сада. Гранатовый сад, освещенный луной. Звезды. Разные варианты. Лепешки. Тандыр. Окно. Пейзаж с кусочком горы. Черные стены. В тени тахта. Ребенок. Фон – сад.

Базар в Кобадийёне. Уже поздняя осень. Синее темное и густое. Серого много. Белое. Полосатое: зеленые широкие, фиолетовые и белые. Навесы. Яркость. Чайхана. Арка. Тень от навеса, гранаты, айва, хурма.

На остановке. Группа людей в разных одеждах. Улица в Кобадийёне. Фон: дома, лавки, небо, пыль, идущие фигуры, разные фактуры, много цвета, тени.

Чайхана на улице. Вечер. Пыль. Много синего и серого. Коричневые проёмы в чайхане, фигуры красные, теплые. Дверь. Окна. Сквозь дома и деревья – солнце.

Ночное небо. Облака – кошма. Все время полувидно Орион. Одна звезда горит в разных местах неба. Восход – бисер. Восход звезды.

Пейзаж с загоном скота. Дом – глина, вечернее освещение. Женщина в бордовом несет гузапаю. Арык. Закат. Глина, освещенная закатом, червонное золото.

Яркие фигурки женщин и детей в нагромождении глиняных строений. Вечернее освещение. Небо и горы – свободно, пастозно. Строения и айваны – мягко, тепло, с фигурками людей и животных. Подкладки голубые.

Темно-, даже черно-фиолетовые халаты. Густо-чернильные.

Малиновые, карминные, «чернильные» цвета, и все это на фоне глины, темных дверей, на фоне густых (горячих) цветов под навесами. Получается сгусток теплых тонов, а вокруг сияет небо, холмы, земля.

Люди, вечер, ночь беспросветная, свет лампы или тусклых лампочек.

Огромные три собаки на обочине шоссе, рядом пастух и стадо. Нужно шире и раскованнее раскладывать плоскости.

Старик с внуками подарил мне тюбетейку таджикскую.

Днем жарко и вечером душно, ночью прохладнее и утром прохладно. Как только восходит солнце, становится жарко. Сажу на берегу сухого сая, рядом белые камни (ракушечник). Восход, закат звезд. Все звезды проваливаются в ущелье (уходящая ночь). Всю ночь, как откроешь глаза, крутится небосвод.

Очаг под навесом. Джида обязательно рядом с очагом. Чинара густая.

Осенний сад в таинственном месте за дувалом.

Дорога, бесконечно меняющаяся архитектура домов, двориков, навесов, каких-то столбиков, фигур среди всех этих нагромождений. Можно бесконечно компоновать, но это нужно видеть и потом уже фантазировать. Фантазия оживает, оживает цветом.

Женщина-туркменка в темно-малиновом платье на фоне горячей глины – пахсовой стены. Рядом арык, в арыке девушка в белом моет посуду. В глубине – двор с навесом, очаг. Дети. За этим хутором степь, дальше холмы. Пыль, вечернее освещение.

Улица вся из таких дворов без дувалов. Убранные поля кукурузы. Дом, айван и обязательно тахта. Яркие фигурки женщин, желтые, фиолетовые, зеленые широкие, синие и голубые. Курпачи, зеркало.

За дувалом всегда волшебна и таинственно, фигурки людей сливаются с фоном, растворяются в густоте. Таинственное освещение, неожиданное.

Улица в кишлаке. Подкладки прозрачно, но густо. Потом пастозно, как бы внешне, видимую часть улицы. Обманчиво.

Утро. Туман над Аму, где Пяндж и Вахи сливаются.

15 ноября 1990 г.

Утром прохладно, но солнечно, и уже в 10 утра припекает.

Ясное небо. Солнце оранжево-красное. Розовые облака. Тугаи серо-желто-красные.

Улицы. Дувалы. Освещенные по-разному дворы. Одинокая тахта. Дворы ночью пустые. Все дома, у теплого очага. Двор с очагом у Бекмурзы пустой. Кое-где одинокий свет случайной тусклой лампы. Дерево полусухое.

Чайхана в Кобадие́не. На дороге. Голубая – и в тени, и на свету. Одна тахта с полосатыми паласами. Горячие желтые, зеленые, белые. Другая тахта с холодными полосами – зеленые, фиолетовые темные, белые.

Афганец пошумел в кишлаке Тешик-Таи. Ветер ворвался в кишлак.

Сад гранатовый. Ночь. Лампа тускло освещает тахту, тени не там, где нужно. Линии могут быть разного цвета (как чайхана в Кобадие́не).

Желтый закат в Кобадие́не. Полевой стан. Пыль. Желтый фон. Шум майн в одном только месте в Шаартузе.

Сад на берегу Кафирнигана, теплый вечер. Бекмурза с дочерью, сумерки.

Буря в Кобадие́не.

Рассвет 26 ноября 1990 г.

Полосатое небо. Разные полосы. Серые подкладки. Густо-серые по краям. Прозрачные и непрозрачные. Облако – как полосы на халатах. Желтые, фиолетовые, голубые-серые, зеленые, синие, в середине красные, оранжевые, желто-оранжевые. Блестит Аму. Тугаи.

Камни в ритме. Шум парходика. Рассвет на Амударье. Могут быть разные варианты полосатого.

Двор Бекмурзы. Очаг во дворе. Пекут хлеб. Мать, жена, сестра. На большом блюде несут к тандыру лепешки. Вечер. Освещенная огнем очага фигурка в красном. Посмотреть не со стороны улицы, а со стороны двора – поле.

30 ноября

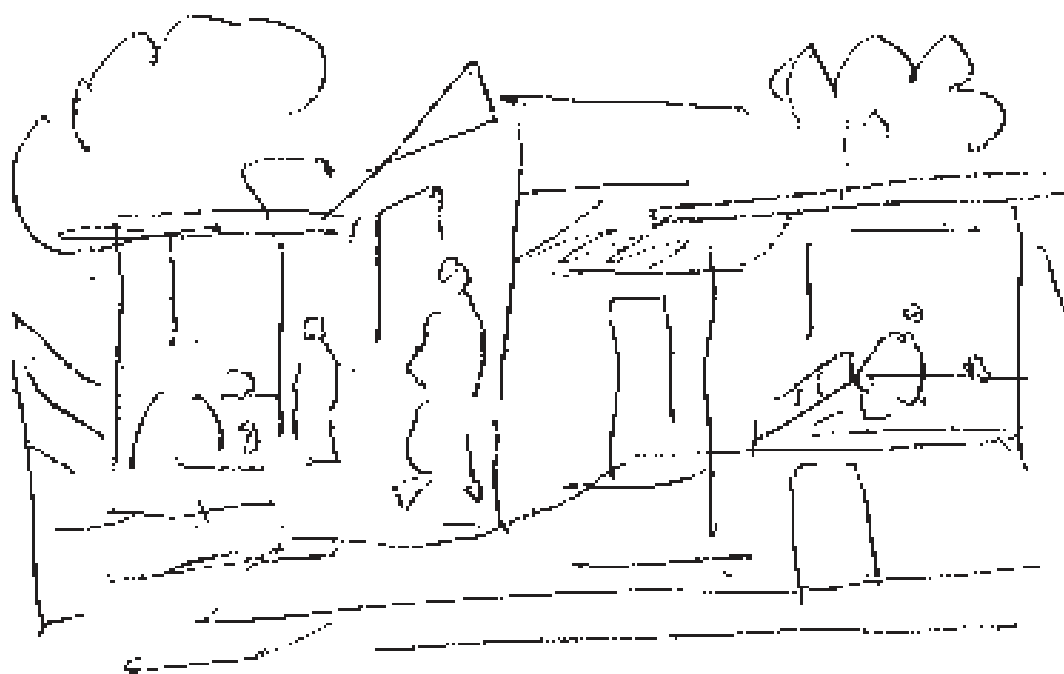
Осенний Душанбе. Тепло, осень, сверкают тополя. Сквозь осенние деревья виднеются горы.

За губами
во мне
дети
Ваня
Воронеж
Точка. Т
освещен
гашное

Умиза, Фубами,
 Освещенные по разному
 гласны, Огненные гласны,
 Умиза гласны ивело
 умизе, Все гласны,
 утешного отоз,
 Флор с отозом у бер.
 умизе умизе.
 Все где отозом ивело
 умизе умизе умизе.
 умизе.

Далеко прогулка неминуема
 и гонимой в распоряжении
 гонимых и неминуемых
 стужающих. Вероятнее
 обещания.

И-сво и нежен а-бодуно
 и-свого.
 Справедлив и милосерд,
 и-свого всем в-грозно-
 женом и-свого и
 и-свого
 и-свого и-свого.

Из письма Е.Н. Кравченко Е.С. Борисовой
(тогда научному сотруднику Архангельского
областного музея изобразительных
искусств) от 24 декабря 1990 года

... Наконец-то я вернулся из экспедиции, из пустыни в цивилизацию. Больше 2 месяцев длилось путешествие.

Всё прошло очень хорошо, я и поработал, и посмотрелся всего для глаза приятного, и отдохнул, если, правда, это можно назвать отдыхом.

Когда будете в Москве?

Я бы показал Вам новые работы, да и пообщаться уже нужно. Работы мои, предназначенные для Вашего музея, – на закупке, спасибо всем за помощь, без меня все это проделали.

Пока я никуда почти не выхожу, всё никак не могу согреться после пустыни. Но уже пора, и первое, что сделаю, пойду на выставку Пикассо в Пушкинский.

Ну вот, все мои новости, я рад, что вернулся, после 2 месяцев в экспедиции, под конец уже нет надежды, думаешь, что никогда уже не вернешься. Я рад, что в этом году я был всю осень в Шаартузе и Кобадие, осень была замечательная, какие лунные ночи, восходы на Амударье, бури песчаные, гранатовые сады, золотые и очень интересные люди. В этом году я часто бывал в кишлаках, часто ночевал где-нибудь в небольшом кишлаке около холмов, просто потрясающе...

Зораат Емена Сергеевич
 козгилуу Бао с Новим Зоном!
 Уеминэ згоробет и үсөөхөл бо бодой.
 Уеминэ бодой и хоромчоро иоср
 еминэ ит бодол г/ног.

Нананары - ба с берингине ит эрөө-
 гинине ит үсөөхөл бо үбүдүндүгүнө.
 Тонбине 2^x илүүгөл гүмүрөл ит
 түүсөт бис.

Бсө ирөөгүнө бодол хоромчоро, ба
 ирөөдөтүн ит үсөөхөл бо бодой
 гүмүрөл ит үсөөхөл бо бодой,
 бодой, ирөөгөл, ба ирөөгүнө ит
 бодой.

Весна 1991 года

24 апреля

Нукус. Солнце. Сверкающее небо. Тепло. Яркая зелень.

25 апреля

Яркий день. Театр. Ничего не изменилось. Светящаяся земля и небо. Очень тепло. Знакомые лица актеров. Эскиз утвержден.

27 апреля

Куня-Ургенч. Опять семья Халмурата. Двор. Вьюны. Виноградник. Аемхон, дети. Тепло. Базар. Базарбай. Озеро. Хутора. Кучки деревьев с домом, живописные среди пустыни. Яркая зелень. Все время ветер с пустыни. Возвращались уже в темноте.

28 апреля

Базар. Густые фиолетовые одежды туркменок. Пыль. Верблюды с верблюжонком. Верблюжонок нелепый и беспомощный. Верблюдица гордая и внимательная. Продавцы ковров. Коврик для молитвы.

Потом рыбалка. Серебристые тугаи. Ветер. Купался в теплой воде. Прекрасный сверкающий день. Уха Базарбая. Плов Аемхон. Вся семья в сборе. Провожает Тюрабекханым. Купол, как всегда, впечатляет и удивляет. Вечером поздно – Нукус.

29 апреля

Театр. Ветреный день и вечер. Пыль. Город шумит, как сад.

30 апреля

Утром театр. Заура. В гостях. Дети Кадырбая. Вечером аэропорт. Ночью в Ташкенте. Тепло. Луна. Масса зелени. Дамир встречает хлебом-солью.

1 мая

Базар. Плов Дамира. В Ташкенте прохладнее, чем в Нукусе.

Базар в Куня-Ургенче. Темно-бордовые, темно-малиновые, густые синие, черные, зеленые. Пыль, небо сверкает. Белое между цветами.

На базаре крашенная шерсть. Густые цвета: красные, фиолетовые, кармины, белое разделяет. Сундучный ряд на базаре. Кусочек старого Куня, на этом фоне сундуки.

2 мая

Ташкент. Старый город. Чайхана у развилки дорог. Можно очень просто решить. Много серого, просветы цветные, белые. Серые фигуры растворить. Тюбетейки темно-зеленые – синие-черные без рисунка. Вставить.

На Кумлаке чайхана без чайханчика. У Виктора (брат Евгения Кравченко. – Ред.) в гостях. Всегда много вспоминаешь в этой квартире. Мастерская Дамира.

3 мая

Музей. Выставка детей. Римма в Союзе. Дамир начал лепить Волика.

4 мая

Той у Дамира в мастерской! Надър, Ирина Евгеньевна, Лаковская. Вышел журнал «Архитектура и строительство Узбекистана», мартовский номер. Статья Лаковской о моей выставке в Москве. Хорошие репродукции «Восход луны».

5 мая. Ташкент – Москва

Аэропорт. В 12 по московскому – в Москве. Тепло, много зелени. Закончилось путешествие. Несколько дней в родном городе, и жить можно дальше.

29.6.92.

Рисунки с этнографическим содержанием

Лето 1992 года. Кобадийн. Душанбе. Шаартуз.
Пашкурт. Нукус. Куня-Ургенч. Муйнак.
Казах-Дарья. Арал

7 июня

Кобадийн. Пыль. Небо мощное синее. Оранжевая гора.
Кишлак. Придумать композицию.

9 июня

Использовать рисунок с оранжевой фигуркой. Может
быть, фрагмент.

Базар. Белое везде. «Сундучный базар в Куня-Ургенче».
«Дорога».

Красный фон. Глубокая осень, нежные тона. На переднем
плane фигурки у очага.

22 июня

«Вечер и руины». «Бухарские руины». «Руины под Бухарой». Семья. Шаартуз. Куня. Пейзаж, колорит поздней осенью.

23 июня

Семья Бекмурзы – Тешик-Таш. Семья Халмурата – Куня-Ургенч. Семья Джумана – Нукус. Семья Хакима – Шаартуз. Семья Бекмурзы – вечер. В комнате лампочка. Курпачи, окно в сад, ковер с квадратиками. Тусклое освещение, за окном тревожно, таинственно.

Собирают хлопок в афганец. Пыль, фигурки: красные, оранжевые, зеленые. Тутовники с огромными листьями. На фоне пыли.

Дом. Готовят ужин. У очага. Гризайль, рисунок дома, деревьев, дувала, фигур, и только две фигурки у очага и тандыра. Керосиновая лампа, огонь от очага.

Вверху дерево сильно и мощно, конструктивно.

24 июня

Семья Кали-Ага – Казахдарья. Много серого. Окно. Лодки. Рисунок – аппликации.

29 июня

Дом с гранатовым садом.

«Музыка и ночь» – саксофон.

С луной.

«Под навесом», «Отдыхают».

31 августа

Работа, где «Базарный день в Шаартузе». Не выдумывать, а написать к вечеру с садом и Кафирниганом. Оставить остановку и фигуры, кое-где. Правдивее.

Работа «День в Кобадие́не». Поконкретнее и увереннее. Белое, серебристое, «Старые канны».

3 сентября

Цыганка. Куня. Грунтую «Халаты».

Февраль 1993 года

14 февраля

Сегодня было озарение. Закончил «Гранатовый сад по дороге в Шахристан». Посвящаю Лаковской.

Использовать рисунки ущелья с тенями и звездами.

22 февраля

Весь день смотрел графику, которую сделал на Тахти-Сангине. Делал по памяти после поездки по кишлакам и долине, сейчас смотрится – как с натуры. Подробности, которые я не помню.

25 февраля

Поворот.

Базар.

Натюрморт в старом саду.

2 апреля

Все та же тема. Сумерки. Сумерки в кишлаке. Фигурки людей, животных в глубине двора. Ощущение большого пространства за этим. Может быть – холмы, горизонт. (Неаполитанская желтая). Красные фигурки. Оранжевое. Темный силуэт животных.

Этот же кишлак. Двор Бекмурзы. Фон пастозно, тонко по цвету, как в сумерках. Делать ли дерево?

1994 год, весна –

Ташкент, Нурата, Бухара, Газган, Ташкент

Осень – Душанбе, Кобадийён, Шаартуз, Чашма

Воспоминание о поездке в Нурату, записано со слов

Е.Н. Кравченко в ноябре 2010 года

Вспоминаю, как ехали с Дамиром в Нурату. Сначала Навои, проезжаем через Кермане, и оттуда один раз в день ходит автобус до Нураты. Сесть в автобус невозможно. Дамир сказал, что у него есть знакомый диспетчер, так что сядем. Находим диспетчера. Народ стоит стеной, как автобус сможет подъехать?! Непонятно. Диспетчер предупредил: подойдет автобус, шофер откроет дверь кабины, вы должны туда пролезть. Давка была такая, что

и двери не сразу могли открыться, все мешали друг другу, и никто не может зайти. Кое-как влезли и даже сели. На нас кто-то тоже сел. Наконец автобус тронулся. Приехали в Нурату, попросили высадить у горкома. Здание серое. Заходим. Сидит чеченец бандитского вида, похож на Берию. Сзади него плакат гениальный висит: нарисован ишак с папирсой и надпись: «У нас курит только он». Дамир ехал в Нурату, чтобы найти камень, заказали ему сделать Рашидова. Нас, конечно, в гостиницу устроили. На другой день Дамир поехал на карьер, а я пошел бродить по Нурате. Великолепное место – святое. Туда едут паломники из разных мест, чтобы зайти в мечеть. Мечеть почему-то закрыта до трех часов дня. Целая толпа собирается к этому времени, ждут, пока ворота открываются.

Последний день в Нурате. Чайхана. Пьем чай, едим баракк. Закат, прохладно. Вверху майны поют свою песню. Целый день были в Газгане. Жара весь день. Очень красивый кишлак, чувствуется пустыня рядом. Редкие деревья шумят от ветра. Ветер их треплет, как ему хочется. Святое место Шахмардан. Ансамбль строений из мрамора и теплой глины. Двор, посередине дерево – тутовник, под крышей домики для голубей. Над всеми строениями небольшой купол ультрамаринового цвета. Очень красивый айван. Вокруг серо-золотистые стены мрамора. Ласточки.

Чайхана освещена внутри, в окне светится дверь еще куда-то. Все густо; таинственное маргиланское настроение. Месяц немного освещает...

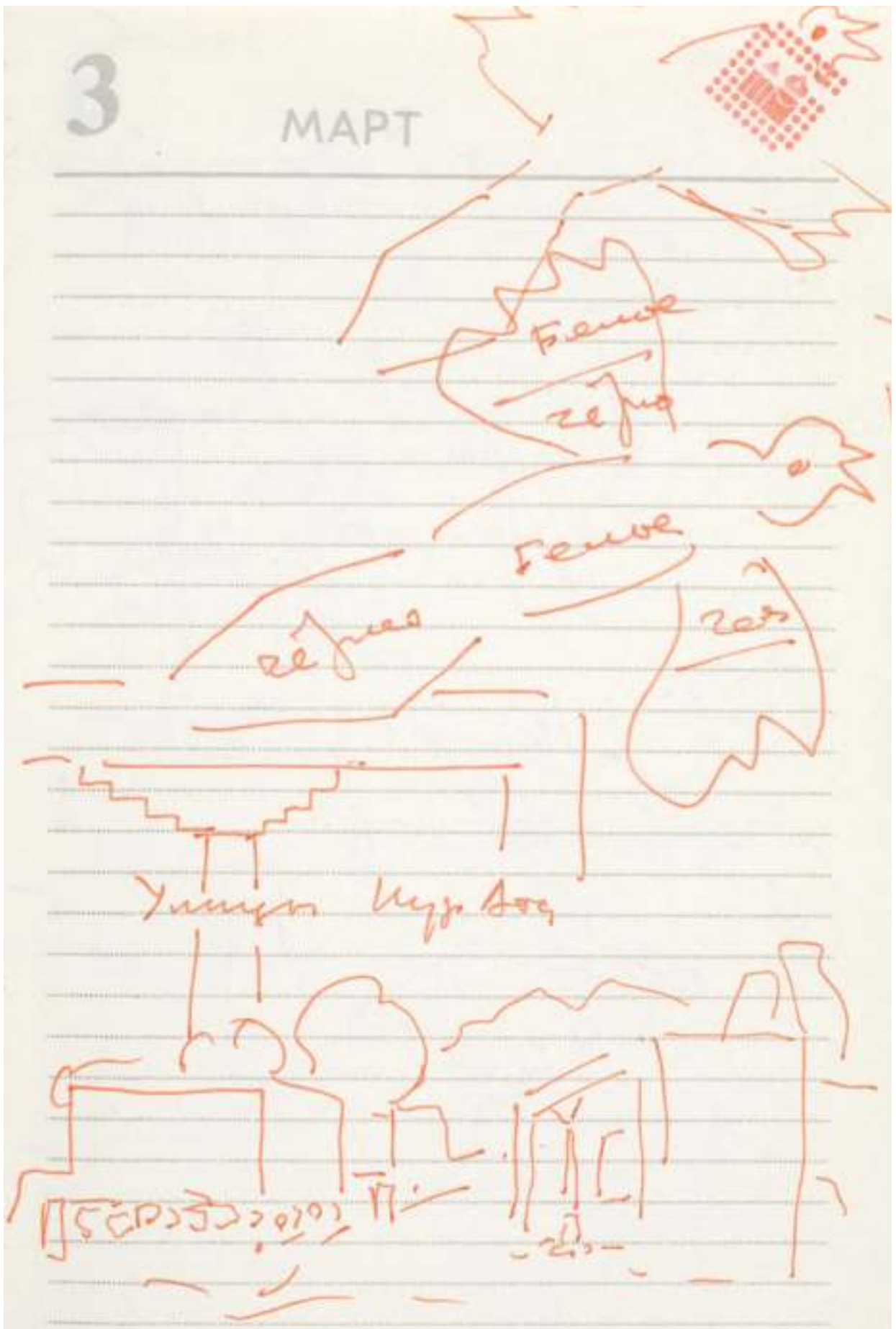
Сверху вид на Нурату обычный, шифер преобладает. Совсем другое дело, когда ходишь по улочкам, много глиняных крыши, маков еще нет, но вот-вот появятся. Кругом прекрасные сады, густо-зеленый урюк, много саманных стен, особенно на окраине.

Газган. Немного деревьев. Хауз с мраморным львом и рыбой. Пустой, к сожалению. Несколько зеленых деревьев вокруг шумят от ветра. Говорят, что ветер всегда.

Чайхана, тахта. Очень жарко, ветер горячий. Небо раскаленное. Пыль. Святые места. Несколько хаузов со священными рыбами. Камень, напоминающий верблюда. Деревья – акации, карагачи.

3

МАРТ

Утром самолет. Вечером Ташкент. Тепло. Был только вечер здесь, но как было хорошо.

Выставка в фойе театра Горького. Совершенно бездарный художник. С ним рядом – работы Дамира, расставленные кое-как, кое-где. Телевидение, интервью, серьезные разговоры о живописи. Девки из Союза с постными физиономиями. Все врут, лебезят друг перед другом. Говорящий все время извиняется перед бывшим председателем. Что-то обсуждают. Дамир бегает, меня не замечает, все очень важные. Спрашивают мое мнение. Я говорю: «Любопытно».

Закрытие выставки в «Ильхоме». На стене графика – то ли из миниатюры, то ли от каких-то грузин. Под одной работой надпись «Сахар». Говорю Дамиру, что очень удачное название – девушка нарисована, почти как сахар. Оказалось, что «Сахар» – это «Утро».

Знаменитая баня – на фоне домов, новых домов, которые выглядят уже развалинами. Рядом какие-то сараи и развалюхи, огромная помойка.

Из-за строительства метро половина парка Пушкина уничтожена. Чинары, прекрасные чинары уничтожены. Огромная помойная яма вместо парка. Никогда, кажется, не будет гармонии, хаос.

Эски-Джува называется площадью Калинина. Вид с Эски-Джува на базар.

Несмотря на безобразие и хаос, Ташкент остается родным городом, по которому хочется ходить, почти везде встречаешь что-то до приятности знакомое и теплое. Тюльпанов совсем нет, кругом почему-то гвоздики. Мало майн, почему-то много галок и ворон. Одна бедана на весь Каракамыш. Вот-вот расцветет сирень.

43-й маршрут автобуса. На каждой остановке по пути к Актепе – чайхана и мечеть, мечеть плотно завуалирована, закрыта домами, перекрашена, переделана, только по характерному еле заметному фасаду видно, что это мечеть.

Купил сырлык.

Все собрались у Леши. Манты. Очень любопытно смотреть на всех нас. Четыре брата очень не похожи друг на друга и сестра.

Проводили Лешу с детьми в Горький.

Смотрел базар цветов. Одни гвоздики, противно смотреть. У одной узбечки что-то наподобие фиалок. Каннны, розы – не по сезону, все искусственно.

Бродил по городу: Жуковская, Гоголя, Первомайская. Понедельник – консерватория.

Прилетел Д.А. Чирков (зав. отделом Советского Востока в Музее Востока. – Ред.). Летит дальше в Нукус.

Чирков уехал. Хороший день, теплый.

Выставка в Союзе. Работа Дамира и Левы Снегирева. Чикануша (прозвище кого-то из знакомых Кравченко. – Ред.) и Талдыкин дают интервью, их снимает телевидение.

Музей открыт. Был закрыт по техническим причинам: провалилось фойе вместе с туалетом. Немного попахивает. Оказывается, долгие годы не работала канализация. Открыли главный вход, думая, что музей посетит Р.М. (Раиса Максимовна Горбачева. – Ред.). Вместо нее пришел я.

Дождливый день. Мощное шуршание змея.

Летучие мыши бумаги.

С мамой пошли в школу к Ане (племянница Е.Н. Кравченко. – Ред.). Ужасно плохо учится, на занятия не ходит, две «двойки» по химии в двух четвертях. В коридорах противно, как в кошмаре, ужасные пособия, какие-то книги бутафорские на подставках из фанеры, на них надписи: Ленин, Карл Маркс и т.д. Грязь. Две какие-то учительницы с дохлыми ошипанными курами бегают из учительской в коридор и обратно, бесконечно. Разговор с завучем.

Потом у Юры Стрельникова. Инфаркт, еле ходит, тихо двигается, бросил курить и пить, противные картинки и рамки для этих картинок.

Был у Виктора (брат Е.Н. Кравченко. – Ред.). Микеланджело и 5-й концерт Бетховена. Дома у него как в антикварной лавке. Велосипед, куча разных (старых) телефонов, винтики, болтики, приборы, старые радиоприемники, ящики и ящички всех калибров, рисунок Ани «Портрет кошки», очень хороший, маслом по негрунтованному картону, трансформаторы, справочники, медицинский круглый стул, паяльники, магнитофон «Шарп», проигрыватели, шлем для мотоцикла, ошейник и намордник от бедной Альмы, мои этюды еще периода училища, которые ему принес Саша (младший брат. – Ред.) на хранение.

Валя (жена брата. – Ред.), оказывается, очень не любит картины, вернее мои, как она говорит, но у нее в доме нет никаких. Мещанка.

Воскресенье. Утром кладбище, море цветов, море людей. Теплый хороший день. «Христос воскрес!» Пасха.

Письмо от Апчинской. Хорошее письмо. Статья о Шагале, конфликт с редакцией.

Странная жизнь, только вчера все казалось радостным и легким, волнение было приятно, а сегодня я вспоминаю японского поэта, отшельника, который вечером завидовал всем, у кого очаг, семья, дети, а утром радостный уходил, и от печали не оставалось и следа. Сколько раз я уже вспоминал этого поэта.

Все кажется непонятным, и волнение совершенно ничемное. До какой же степени душа одинока, и ничто и никто не может влиять на нее. Надежда, что завтра это пройдет – вот и все лекарство.

Что было сегодня? Утром прогулка на речку, где я когда-то купался и наслаждался ее красивыми берегами, где я впервые написал свой этюд. И следа от красоты не осталось, да еще какие-то подозрительные люди сидят кучкой.

В чайхане на Актепе. Действительно Актепе (тюрк. «белый холм». – Ред.). Тепе существует. Это руины. Рядом чайхана, очень хороший двор. Стрельников, Зильберман, Талдыкин, Клецель. «Самаркандский плов». Хорошо освещены глинобитные дувалы. Вечером фунчеза у Люси, какие-то разговоры. Объялся.

День рождения Дамира. Сумасшедший из Бот. сада. Пьяный Задгар. Речи о гениальном Усто Дамире и Джавлоне (Джавлон Умарбеков. – Ред.). Прекрасный плов. Сирень. Все куда-то едут. Акташ, Сурхандарья. Скоро, может быть, и мы с Дамиром отправимся в путешествие. Я не очень волнуюсь по этому поводу. Если поездка и не состоится, то я сяду на самолет – и в Нукус. А там рукой подать до моего любимого самого гениального места. Если бы музей еще заплатил деньги.

Воскресенье. Дом кино. Выставка детского рисунка «мастерской Рузыбаева» – как было написано на рекламе. Я думаю, что скоро будет написано: «Школа Рузыбаева». Гордый Дамир, обалдевшие дети, испуганные, их довольные родители.

Дома холодец, водка, последний день Пасхи.

Дождь, что творится с зеленью!!!

Писал весь день после маленькой прогулки по старому городу.

Взял билеты в Бухару. Летим в четверг, 21-го.

Прилетели 2 удода.

Сжигают траву в степи.

Густой колорит ковров под урючиной.

Казахстан. Шацкий. Сары Агач. Аул. Сушат ковры, паласы. Старая урючина.

Сирень еще не зацвела. Колокольчики темно-синие.

Окно закрыто. Дом на горе, глина.

Бухара, купола и минареты. Руины, степи, сухо, тепло. Колхоз Навои. Ночной кишлак. Месяц и звезды. Дома, телевизоры на улицах. Семьи, сидящие под навесами на земле. Хауз, отражение месяца.

Закат золотой, плов.

Выставка Зелима Саиджанова. Что-то есть неповторимое.

Прогулка по старой Бухаре, нагромождение крыши. Хаос. Вечером Нурата.

Воскресенье, 24 апреля

Нурата. Масса людей лезет в гору, толпится у священного источника. Пьют воду, все возбужденные и праздничные. Толпы, толпы. Много белого в архитектуре.

Вверху остатки крепости, опять же усеянные людьми.

Прогулка к мраморному карьеру. Загорали. Прогулка во-круг Нураты. Красивые улицы.

Нурата.

Газган. Саксауловый лес.

Целый день ехали от Нураты до Ташкента.

Закончилось путешествие. Жара до 35°. Попытка написать.

Буря. Резко упала жара.

Небо серое с желтым и палевым. Птицы в небе кричат, стрижи. Район Сагбана, Хамзы.

Утром прогулка на базар. Мягкая погода. Речка, каждый раз удивляет.

У Мартакова с Дамиром. Очень кстати посмотрел его работы. Добротно и с любовью сделаны. Все время говорит о грунте и краске, которая превращается в цвет. Бодр и полон сил. Заели его женщины, теребят его с «работами» и всякие житейские дела: внучечка, ей надо есть и т.д.

Хорошо у него в мастерской в саду. Т.П. (жена Павла Петровича Мартакова Таисия Петровна. – Ред.) испекла пироги, мы принесли шампанского, и под конец П.П. совсем был бодр и ожил. Прощались, говорил: «Ребята, приходите, поговорим, поболтаем». Любовь его Аму (река Амударья. – Ред.).

Утром по старому городу пешком по Карасарайской. Потом по Дирижабельному переулку на Программный проезд и Хамза по каналу речки. Потом Хастымом (улица в Ташкенте. – Ред.).

Чайхана «Мустаккаш».

Стены под чинарой белые. Серые тени, зелень разная, курпачи.

Азамат. Его фотографируют, просят, чтобы он улыбался. Никак не получается, что ему ни показывают или ни говорят. Я его спрашиваю: «Азамат, ты цветы своей жене приносишь домой?» С ним истерика от смеха.

Фотографировал.

Яркий солнечный день. Старый город. Бархатные тюбетейки, зеленые, черные, синие – густые цвета. Можно использовать в живописи. Автопортрет в темно-зеленой тюбетейке. Зеленый халат, совсем старик.

Улица Карасарайская.

Белые розы у кишлака на развилке Тахтапульской и Хамзы.

Сегодня я прощаюсь с чайханой «Мустаккаш». Прекрасная чайхана, чудесный черный чай. В этой чайхане я был бы всегда, если бы жил здесь.

Вот опять эти темные тюбетейки, розы на тахте. Великолепная чинара дает всем прохладу и тень. Я – человек

*Старого города. Какая прекрасная зелень этой чинары.
Великолепный карагач.*

*Когда соприкасаешься с настоящим искусством, нельзя
расслабляться, будь то опера, книга, музыка.
В Москве в 10.35. Тепло, как и в Ташкенте.
Проводили маму в Горький.*

Воскресенск

*Сегодня проснулся от страшного грома, град, ливень, шум
воды и березы под моим окном.*

*Начал было уже смешивать краски и думать, что писать,
потом опять заснул, такой день.*

Разные тубетейки. Желтый закат в Нурате (лимонный).

Замазал один холст. Все думал о размерах и уже ничего не мог понять, на каком холсте начинать, и начал. Все хорошо замазал.

Ночь не дает мне покоя. Неначатые и несделанные вещи не дают мне покоя. «Ночь» – прежде всего.

8 июня

Вечером у Светланы (С.Ю. Завадовская. – Ред.). Письма Волика. Он в прекрасном хаосе. Видимо, у него такая же раскованность, как у меня была в Шаартузе.

20 июня

На выставку взяли «Чайхану в Маргилане». Кто-то сказал из выставкома: «Ну и загвоздил». Цветок не показывал, его бы все равно не взяли. Был на Беговой.

3 тюбика изумрудной

3 – индиго, черная

3 – индиго, розовая.

22 июня

Писал «Чайхана на развилке дорог».

Начал писать «Старик и тал». Промазал хорошо.

«Лимонный закат в Нурате».

Ездил в Перебатино. Скучно, почувствовал одиночество и тоску. Месяц и сама деревня среди полей как оазис, но нет таинственности. Кругом все запущено, выкорчевано, сломано, перекопано, переломано, грязь, убогость.

24 июня

Открылась выставка. Моя «Чайхана» на хорошем месте, продлится до 5 августа.

29 июля

Писал «Чайхану в Ташкенте». Все перемазываю, не могу понять, что будет доминировать – чайхана, или портрет, или пейзаж. Холст мощный, выдержит.

Писал «Пейзаж с мостом». Пока не трогаю больше.

Прописал (не удержался) «Руины вблизи Бухары».

Записал, как следует, «Старый Тал и Старик»

(может быть, портрет в фиолетовой тюбетейке написать отдельно).

9 августа

Опять не выдержал и писал «Руины под Бухарой».

Большой холст замазал «Старый город», или «Крыши Старого города», или «Стены Старого города».

На работе «Лимонный закат в Нурате» стал писать «Ночь». Задумал красиво, но пока еще нет ничего. Должно быть очень красиво и отвлеченно (треугольники, тубетейки).

10 августа

Большую работу «Чайхана на развилке дорог» прописал. Потом «Ночь». Составил колера на завтра. Светлые пейзажи под Бухарой – «Новые кишлаки», «Хаос Старого города».

15 августа

«Старик» не удастся, холст перегружен.

Как всегда, случайно, на случайном холсте получился пейзаж «Вечер в кишлаке» – это под Бухарой. По этюдам замазал 2 холста. Эти холсты предварительно закрашены белилами. Один, большой, очень грубый, его можно замазывать бесконечно. Хотел на нем легко и красиво положить пятна.

16 августа

Сначала проложить прозрачно, но густо – серые, фиолетовые, фиолетово-серые, зелено-серые, потом по прокладкам в темных местах кистью рисовать кое-какие детали (мост, людей, животных). Мاستихином: белые, розовые, теплые всех оттенков и тонов свободно.

22 августа

Работа начинает оживать – «Чайхана на Кумлаке». Осталось чуть-чуть, но я не знаю, как это «чуть-чуть» сделать.

Посмотреть ее при электричестве.

«В новом кишлаке»

«Виноградник в ущелье»

«Дерево. Газган»

«Буря в оазисе»

«Хауз в Газгане»

«Шум деревьев»

24 августа

Луна. Вечером вышел и пошел в деревню. Луна таинственная и большая. Думал уйти от света и посмотреть луну, но на всю деревню одна лампочка, но испортила все.

Доволен, что прошел. Что-то нужно делать с «Чайханой у дороги».

«Не цвет, а свет» – вдруг возникла эта фраза.

25 августа

Хотел писать заказной натюрморт, но писал совсем не это. «Дерево» и «Хауз в Газгане». Пока не трогать. Возникло много работ, которые так и не получились пока. Записал «Руины», хорошие подкладки.

Четыре небольших оргалита покрыл водоэмульсионными белилами.

Подумать, какой холст для «Виноградников в ущелье». Большой, средний или маленький.

Густая тень. Изумрудная вода. Сверкающая голубизна. Очень нежная бирюза. Бирюза лучше всего подходит. Скалы, бирюзовая вода. Сухие деревья, уже немного осенние листья.

19 сентября

Лечу в Душанбе. В Москве +5°, в Душанбе +25°.

20 сентября

Еду в Шаартуз на автобусе. На автостанции уже прекрасный густой колорит. Несколько таджиков, и молодых, и старых, в полосатых халатах. Майны и очень тепло. В 4 местного времени уже в Шаартузе, ехал 3,5 часа. Великолепна дорога. В Шаартузе через 20 минут экспедиционная машина. Кишлак, где пили чай. Это моя тема – кишлак около гор, холмов. Вечер, луна. Уже почти на месте.

Золотое ущелье. Все так, как и в те разы. Небо, полное звезд. Звезды низко и большие – видно без очков. Вечер, пыль, ночью прохладно. Золотые восходы.

23 сентября 1994

*В Чапме еще не были, поедem в понедельник. Пока все рас-
качиваюсь, ничего не делаю. Разобрал только свои рисо-
вальные принадлежности, краски, альбомы. Физически
наслаждаюсь опять. Загораю, хожу по холмам, пытаюсь
бегать.*

24 сентября

*Табуны лошадей. Вечером в гостях пограничники. На
ужин свежие сазаны, зербаг. Ходил загорать в ущелье, где
шакалы.*

Воскресенье, 25 сентября

Закат золотой. Луна всю ночь. Загорал в ущелье.

Хлопковые поля.

27 сентября

Уже неделя.

Сегодня был горячий восход. Ночью пришли два таджика, а может быть, туркмена. Один из них сказал, что будет очень жарко, это меня ободрило. Ночи лунные. Сегодня луна опустилась прямо в середину ущелья. А восход был прямо между двух холмов. Один из них наш, другой – афганский. Все очень похоже на те, далекие уже годы, прошло 10 лет. Ничего не изменилось, все уже нарисовано и выстрадано. Чашма, правда, дает еще очень много нового. Утром кричат шакалы.

Кругом гранатовые сады.

Хауз. Старые урючины. Гранатовый сад. Шум воды. Майны.

19 октября

Горячий день. Очень сильно пожелтели тугаи. Утром писал «Шартузских красавиц», «На автобусной остановке».

23 октября

Афганец. На заставе бал для девушек. Замполит хочет записать Баха и Моцарта.

Только доехали до палаток, сразу порыв ветра. Спал плохо, казалось, что лечу с палаткой. А утром Шартуз.

Очень много людей в халатах, невероятных сочетаний полос.

24 октября

Вечером великолепная опера. Музыка Баха с органом и облака. Рисовал пейзаж с ущельем, то освещаются, то затушевываются горы и холмы. Грандиозно, это можно и не записывать, забыть это невозможно. Как на большой сцене, на громадной сцене с гениальным художником и дирижером происходили смены декораций.

2 ноября

Дорога в Кобадийн. Утром горы. Сад гранатовый. Нежные горы. Кишлак. Амударья. Берег сверкает. Горы нежные.

3 ноября

Утро в Кобадийёне. Поселок и дороги. Пыль, ночная дорога через поселок.

8 ноября

Ущелье поздно вечером. То, что раньше я закрашивал коричневым, нужно красивое густое золото с серым. От неба – блики золотые. Небо сверкающее, фон у иконы (серебро, золото, сталь).

Амударья сверкает, как стальной клинок. Уже тугаи ржавые, серое обрамление золота и ржавого. Небо, земля, холмы, деревья – одного тона.

Серии работ «Из машины». Куски цвета, в них рисунок (фрагменты).

9 ноября

Целый день на машине. Чирик – Шаартуз – Тешик-Таш.

10 ноября

Все утро у Бекмурзы дома, на тахте. Его сестра, горы, дерево с небольшими листьями, дети, животные под навесом, мать, жених сестры – цыган, испанец. Туркмены, палас, курпачи, большие персики.

14 ноября 1994

Вечером в Чашме. Целый день нагружали три машины, сворачивали лагерь.

15 ноября

Прилетел в Москву. Снег, небольшой буран. Домой добрался в 3 часа ночи. Утром еще был в Шаартузе, на Чашме. Под утро начался афганец. Машина. Кобадийён, и напрямиком в Душанбе. В Душанбе 3 часа до вылета в Москву.

Музыка похожа на пейзаж. Колорит слышишь в музыке. Ночь. Лампа тускло освещает тахту. Тени только там, где нужно.

Ветер врывается в кишлак.

Шаартуз, ветер в городе. Все рушится, летит.

В Шаартузе, в отличие от остальных мест, глубокие чайханы, или в глубоком айване, или в комнате. Ветер не достигает. Потом выйдешь на улицу, и тебя сдует.

Халаты. Столько в них цвета. Серия.

*Внутри дома. Зеркала. Куда хозяйка меня не пускала.
Журавли летят обратно. Их ветер треплет.
Осень, сильные аккорды цвета. Чаима, прозрачный род-
ник.
Чаима, тал, снег, утро.
Звезда, цикады, рыбы.*

АРАВИЯ

Марокко. 1995 год

Касабланка – белая. Вечером прогулка по набережной. Шелковистые пальмы. Ветер с океана. Шум – рокот волн. Желтый закат. Мощный фиолетовый колорит – густой. Кошка Сильва с перламутровыми глазами, белая.

14 июня

Утром океан. Огромная мечеть. Минарет выше 150 м. Облако. Бьются волны. Парк. Оранжевые камни. Огромные кактусы

15 июня

Старая набережная. Дом с витражами. Начал работать. Утром прогулка. Красные камни. Пальмы. Колорит тонкий. Одежды пастельных тонов. Обед –

жареный угорь с картошкой, зеленым горьким перцем и помидорами, по-моему, очень вкусно. На десерт – большой персик. Все время дыня или арбуз. День жаркий и душистый. Колорит – расплавленное серебро. Дома белые, кремовые. Улицы узкие, дома высокие, на балконах – люди, смотрят на улицу. Вечером небольшая прогулка по трем параллельным улицам. По этим улицам можно ходить с утра до вечера.

16 июня

Купили мне арабскую одежду с капюшоном от солнца. Потрясающий базар. Фантастический колорит и рисунок самого базара. Базар оливок. Базар специй. Гадалка. Мощные кусты мяты. Рисовал на ходу. Очень сильное впечатление. Пробовал фрукты, которые никогда не ел. Выжженные солнцем дома, запах специй, шум толпы, кошки, тонкие расцветки одежды, пастельные цвета домов. Базар оливок в полумраке.

17 июня

Душно. Мало солнца. Алан (отец Мухаммеда Хссни. – Ред.) показывал мэрию, потом городской базар. Черепахи, устрицы, кровати разных размеров. Ел устрицы, много неизвестных фруктов. Мариво. Берег – как будто самум. Большая влажность, туман. Огромный кактус.

Набережная океана. На отеле арабская надпись синего цвета – нежно-голубая. Внизу «тамаша». Темно-бордовое небо, не черное и не синее – сильный цвет, средней интенсивности. Машины, люди, контрасты света из лавочек и кафе.

О свете можно написать трактат. Яркость такая, что болят глаза. Вспоминаю Нахтигала. Терпенье и терпенье. Гостеприимство – это тоже вещь нелегкая.

Все время заставляю себя расслабиться. Все время чувствую напряжение. Все мелочные обывательские неприятности исчезают, как только я вспоминаю, что я здесь и еду в Фес. Все будет зависеть от Мухаммеда – сколько он выдержит меня. Но он, по-моему, едет с удовольствием.

18 июня

Утром работал, потом пляж. Прибой, огромные волны. Черные, коричневые люди. Большие темно-коричневые женщины. Черные купальники, яркие полосы. Шум океана. Желтый колорит: охра, желтый до белого. Бури не было, но надвигалась. Пыльный, тревожный город. Вверху движение охристых кустов, внизу музыка, сидят за столиками, автомобили, толпа, шум пальм.

19 июня

Закат – горячее серебро – как бывает в Азии. Как будто после афганца. Вылазка к океану. Колорит серебра. Небольшая прогулка с Хамидом по близлежащим улицам. Жизнь бьет ключом. Магазины, лавки, магазины – все бойко работают.

В небольших кафе сидят люди, пьют чай с мятой, очень сладкий, кофе или воду.

Рисовал на базаре оливок. Тема бесконечная. Альбом положил рядом с огромной бочкой оливок, золотистых в перце, и рисовал, вдыхая ароматы. Черные, зелено-желтые, зелено-красные, розовые с серым, цвета охры, фиолетовые; в бочках, банках и баночках, тазах и тарелках, в метал-

лических банках. Много банок на полках разного цвета. Надпись на одном из навесов: «Оливки из Марракеша». В другом месте все в желтом цвете и в желтых одеждах. Желтые дыни, бананы, дома, небо, навесы – все в желто-охристом колорите. В другом месте базара – все в «золоте» – в золотистом колорите. Дома – охра с темными окнами.

Сегодня 35–39°. Влажность 100 %, если не больше. После вечерней прогулки рубашку, трусы можно выжимать. Мочу голову водой, тоже теплой; вымыл кое-как ноги, тоже теплой водой. Чай попросил без мяты и сахара. Выпил два чайника.

В Фесе, говорят, 45°, но сухо, и воздух целебный – посмотрим.

Были с Мухаммедом на какой-то большой автобусной остановке. Я показал на автобус и спросил: «На таком ли мы поедem в Фес?» Мухаммед сказал, что на таком мы оба не доедем – сдохнем от жары и духоты.

База
Түр заман

4.8.2000

25.6.99

Principam

Пока не забыл. На базаре специй чуть не задохнулся от всевозможных запахов. Продают массу всяких специй, которые насыпаны горками в больших бочках, тазах, ящиках. Наверху в этих лавках висят сушеные крокодильчики, ящерицы и черепахи, разные шкуры, чучела козлов, разных животных и птиц. Змеи и всякие вещи для колдовства. Тут же гадалки гадают, клиентов у них хоть отбавляй. Я заглянул в глубины одной такой лавки. Вдали увидел кровать, над ней полочки с разной живностью в банках, например пиявками; бабочки, птицы, листья и куча неизвестных предметов, одним словом – 1001 ночь. Рядом шумит базар, ходят продавцы воды с колокольчиками, бегают мальчишки с сигаретами, деваны, нищие и... лавки, лавки, бесконечные ряды, в них какая-то своя жизнь. Сели в одной чайной. Принесли чай такой густоты и сладости – как настойка чего-то. Ближе к океану – дома богаче. Виллы утопают в цветах и пальмах. Видимо, очень удобно.

20 ИЮНЯ

Сегодня еще жарче. Вышел на 30 минут погулять на улицу, вернулся весь мокрый до нитки. Зашел в кофейню – там нечем дышать. Хотел купить воды, как назло ее не было.

В кофейнях сидят люди, читают газеты, чего-то пьют, едят, курят; дышать там просто нечем.

Дома, несмотря на духоту и жару, все же лучше. Есть какой-то легкий сквозняк. Мокрый спишь, мокрый просыпаешься, мокрый работаешь, мокрый ешь, ложишься опять мокрый. Во всем пятиэтажном доме нет душа. Так, побрызжешь на себя, с трудом вымоешь ноги.

Касабланка город невысокий. Белое, бежевое, нежно-серое, все теплое. Небо туманное.

Хочется уже куда-нибудь двигаться. Говорят, в Фесе жарче, но, может быть, не так мокро, влажно.

21 ИЮНЯ

Завтра Фес – в 7 часов утра.

Сегодня душный день. Я самым примитивным образом искупался в холодной воде. Полдня чувствую себя легче.

Сегодня написал 5 работ.

Ну что – Фес? Я беру все альбомы и краски. В моем воображении он уже давно существует. Какой он на самом деле? Говорят, там очень жарко. Сейчас пришел Алан, отец Мухаммеда, и рассказывал про Фес и Марракеш. Автобус идет 5 часов, выезжаем в 7 утра, в 12 должны быть на месте. Иншалла!

22 ИЮНЯ

Дорога в Фес идет через Рабат. Одна остановка посередине дороги, место не знаю. Ели кебаб, пили много воды, уже в этом месте было жарче, чем где-либо. Я подумал, что это смогу выдержать. Дорога пошла по холмам. Видел антенна на крыше дома. Сухая выжженная земля с седоватыми деревьями. И Фес. Когда я вышел из автобуса, то понял, что оказался в раскаленной печи. Как сказал хозяин нашего дома: «Вчера было 48°, а сегодня не знаю». Все было

раскалено добела, казалось, что ничего не поможет от такой жары. Такая жара была только в Каракумах. Жар густой и липкий, такое впечатление, что ты в раскаленных латах. Когда легли спать, я намочил платок и полотенце; платок положил на грудь, а полотенцем обмотал голову, и только тогда стало легче. Полотенце и платок мгновенно на мне высохли, я намочил их опять и заснул, проснулся только в 6 утра. Думал, что не засну никогда.

Вечером жара немного спала, и мы пошли к родственникам Мухаммеда. Вечер. Ночной базар. Маревое. Горячий фиолетовый и коричневый колорит, черные фигуры, охра, много желтого, оранжево-коричневого. Свернув с базара в переулочек, заходим в дверь, и шум сразу исчезает, мы – в небольшом здании. Сверху в потолке – окно, звезды, шум где-то далеко, куски света.

Дома высокие и стоят близко друг к другу. Много людей. Сидит торговец косточками и семечками – тележка, на ней лампа. Жара, да еще и неоновые фонари оранжевые. Пространство сгущенное. Лавочки. В одних играют в автоматы, в других что-то продают. Народ хаотичный, все куда-то идут или едут на лошадей и осликах. На ослах сидят боком, свесив обе ноги на одну сторону. Не поддается воображению – какое движение на этих улицах!

Перламутровый город Фес. Руины крепостных стен, десятки минаретов многочисленных мечетей. Желтые, охристые, белые, бежевые дома буквально лепятся друг к другу плотно-плотно. Если смотреть на город с холма – впечатление, что кто-то бросил в долину горсть перламутровых раковин. Над всем этим величественно кружат аисты. Ночью можно увидеть больших птиц, сидящих на стенах домов и крепостей. Жара не спадает и ночью, базар, кажется, стал еще многолюднее. Все эти движения в плотности горячего воздуха.

Видимо, эту крепость видели путешественники, когда подходили к Фесу. Фес, собственно, и состоял из этой крепости, весь город был внутри. Город разросся, но все-таки видно, что главное – эти старые стены, за ними – мечети. Говорят, что первый университет был в Фесе – может быть. Это очень древнее место, дух древности витает в воздухе, чувствуется энергия «намоленности», о которой говорил Юрий Николаевич (Завадовский. – Ред.). Ну и все это окутывается горячим колоритом.

За крепостными стенами – огромное кладбище, за оградой которого светятся белые камни, это все, что я заметил, и завтра, может быть, разгляжу лучше. Иншалла!

23 ИЮНЯ

С утра был базар. Что это был за базар! Это сказка. Люди, лавочки, лошади. Чего здесь только нет: ткани фантастические, одежды, керамика, украшения. От этой улочки отходят еще переулочки. Очень древнее место, где выделывают кожи. Запах!

Обед у тети Мухаммеда – Марии. Она живет рядом с базаром, как Халмурат в Куня. Шум, гам, толкучка, и вдруг заходишь – тихо, спокойно, угощают кус-кусом. Я всех переписал, в смысле имен; было много народу. Все колоритные. Вот сейчас пишу, а на улице кипит жизнь. В узких улочках полно людей: дети, женщины, продавцы сладостей. Вышел и наслаждайся, но нет сил, сегодня 46°, притом, несмотря на жару, целый день на улице.

24 ИЮНЯ

Закат желтый над Атласом и Фесом. Подарок к отъезду. Вечером мы уехали из Феса. Желтый закат, как последний аккорд. Началась буря, к небу взметнулись красные столбы песка. «В Сахаре буря», – сказали мне. Атлас спасает от самума. Желтый закат осветил желтые стены, старые, обветшалые, повидавшие виды. Аисты кружили над Фесом. Шум города не утихал даже во время бури. Бубен, барабан, песни, музыка, говор, крики.

Перед отъездом ездили на дачу. В общем-то, это никакая не дача, а ферма со всевозможными плантациями. День был ветреный (самумный). Оливковый сад на фоне Атласа. Гранаты, апельсины, мандарины, разные орехи, инжир. Коровы, бараны, лошади, ишаки. Рабочие возводят дом. Ехали по раскаленному шоссе, я мочил платок и завертывал голову, через каждые 5 минут платок был сух. Ночь, звезды, Большая Медведица. Как везде, ночной пейзаж – куски света и темноты, какие-то города.

25 ИЮНЯ

Целый день работал в Касабланке. По сравнению с Фесом, здесь хорошо, даже прохладно, хотя и 38°, но ведь не 48°, как в Фесе. Вечером смотрел из окна, выходить не хотелось.

26 июня

Весь день работал, никуда не выходил.

27 июня

Утром купил бумаги, 10 листов за 140 дирхемов – желтая, зеленая и серая. Был в порту, крепкий запах рыбы. Базар большой, шумный, но менее динамичный, чем в Фесе. Разговор о Марракеше и Танжере. Ну что? Вперед?

На желтой бумаге получается глуховато, но очень верно, как будто горячий воздух стоит без движения. Нужно еще попробовать улицу на желтом, в тени, нежно; вернее, не нежно, а мощно, но тише, чем в центре. Как вариант. Вечером постоял около дома. Ощущение горячего, и вечером и ночью. Небо сверкает, как всегда. В Фесе, правда, небо и земля сливаются в цвете.

28 июня – пятница, джума

Сегодня устал, написал 5 работ и уже хотел уползти в свой зиндан, как пришла одна из сестер Мухаммеда, увидела краски и стала показывать жестами, чтобы я ее нарисовал. Когда еще подвернется такой случай?! Пришлось рисовать. Устал ужасно, завтра продолжим. Завтра, может быть, пойдём к океану купаться. Будет видно. Конкретно здесь не происходит ничего, я уже к этому привык. Как хорошо, что я не знаю иностранные языки. Телевизор – это ужас.

29 июня

Утром пляж, теперь я уже свою панаму не надевал. Волны качивают, чуть забудешься – сбивают с ног и вообще делают с тобой все что захотят. Кругом шоколадные тела, а какие фигуры! Большие черные женщины, высокие, коричневые. Сегодня обедали в кафе.

30 июня

Рисовал мираж. Вечером океан. Тучи темно-серые, небо и ясный месяц. Новый месяц – везде ясно и четко. Шум океана, волны желтые от фонарей. Кто придумал эти оранжевые неоновые фонари?!

Одежды, дома, тени – нежных оттенков. Пальмы колыхаются, внизу у горизонта марево. Океан шумит, урчит, ворчит. Шум улицы, толпы, жара, хаотичное движение. Час пик. Вечер, дома сверкают желтым, оранжевым,

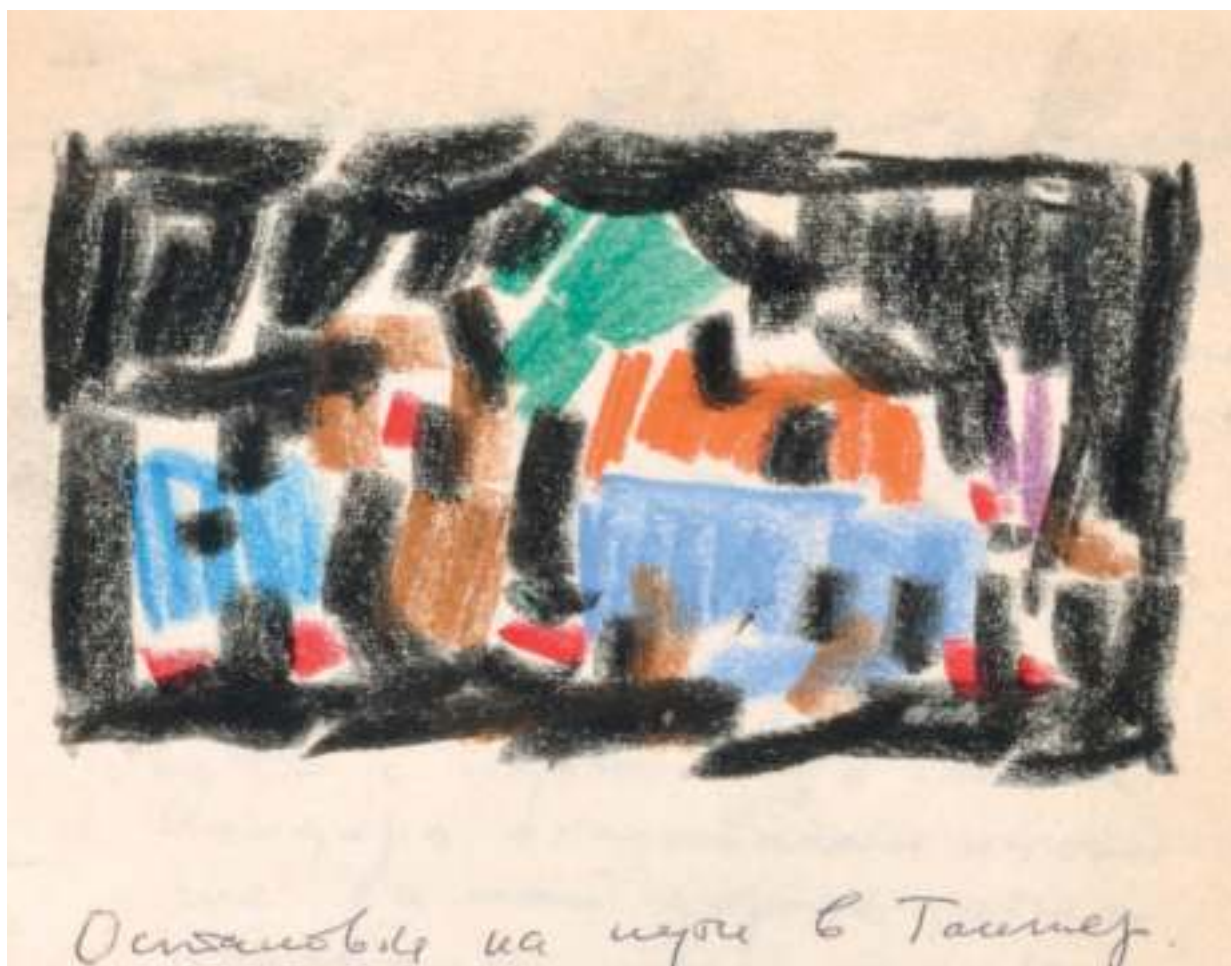
охристым. Начинают зажигаться рекламы, рестораны, много людей сидят в кафе, мест нет, все заняты, пьют зеленый чай, крепкий чай, очень сладкий, много мяты.

Вечер сгущается, зажигаются лампы, напоминающие мне детство в Ашхабаде. Жара, много горячего цвета, от этого есть радость, в движении цветов, в свете мягких круглых ламп. Они невысоко, почти на уровне глаз. Если есть облака, они все время в движении. Звезда.

31 июня (так у автора – Ред.)

Огромный базар специй. Зира, только крупная, разных сортов. Собираемся в Танжер, может быть, в 23 часа отправимся. Иншалла.

В ожидании поезда. Билеты – на сегодня в 22.30. Ночь ехать – днем в Танжере, ночью обратно. Тяжело. Дома бесконечные гости – тамаша, работать не мог. Телевизор, магнитофон, радио.

1 ИЮЛЯ

Ночное путешествие в Танжер. Удобный автобус с кондиционером. По дороге песчаная буря – самум. Она началась внезапно и так же внезапно закончилась. Одна остановка, яркий свет, целая улица в разделанных тушах баранов, куча автобусов и разных людей, а потом уже до Танжера без остановки. Пустыня, изредка небольшие поселки, освещенные фрагменты архитектуры, дерево, кусок горы. Во время путешествия буря начиналась несколько раз. Кромешная тьма, не видно ни дороги, ни неба. Я не спал ни минуты, почти ничего не было видно, но неизвестность помогала держаться.

Но автобус не останавливается и медленно продвигается вперед. Начинает светать, и можно различить уже не куски, а целые дома, деревья, людей около дороги, горки дынь. В Танжере туман, сильная влажность. Видимость несколько метров. Через час туман пропал. Яркий свет, глубокая синь, сверкающая архитектура.

В Танжере в 6.30 уже светло. Кофе – в баре, много каких-то людей – бомжей, оборванцев, попрошайек. Утро все еще в тумане, гудки пароходов, на улице уже шум. Мы на площади, посередине кафе, бары, рестораны. Вспоминаю Матисса, его голубые работы. Кругом серо, сыро, грязница. Но постепенно рассветает, и становится жарко. Много синего: ставни в домах, море разного синего. Белый город. Улицы карабкаются вверх и низвергаются вниз. Бесконечные лестницы, ступеньки. Улицы очень узкие, мечети, туристы. Поехали на такси на какую-то гору, посмотреть на весь город. Увидели не много: город спускается к морю, на море – гигантские пароходы. Несмотря на мгновенную жару, много ходили. Базар, лавочки сувениров – все то же, что и в Касабланке. Можно бесконечно рисовать, компоновать и варьировать, такое нагромождение всего.

2 ИЮЛЯ

Дорога из Танжера обратно. Все в вечернем освещении! Золото, но тонко. Серебро, но толсто. Собаки пастухов встретились, машут хвостами, улыбаются. Отара баранов. Старое кладбище, немного новых белых могил. Остальные почти незаметны. Рядом минарет и мечеть, дорога, идут люди, едут машины, ишаки, за всем этим холмы, на холмах дома, заборы, заборы из кактусов, некоторые кактусы с плодами, желтые продолговатые небритые. Группы деревьев, прозрачные. Группы людей собирают помидоры у подножья Атласа. Горячий колорит.

Проехали белый, желтый, лимонный, бежевый город. Ставни, окна синие, голубые, лазурные – все это в вечернем освещении. Немного пыли, тени прозрачные, но все плотно.

Я не могу не написать о Фатиме – о девушке в этом доме. Она делает все. Целый день слышны крики: Фатима... Фатима... Фатима... С раннего утра до самой глубокой ночи она целый день весело, с улыбкой выполняет все просьбы, приказания, капризы, а их немало. Сегодня четверг. Следующий четверг, если все будет хорошо, домой. Иншалла!

Йемен. Октябрь – декабрь 1996 года.

Декабрь 1997 года

23 октября 1996

Прилетел в Сану. Утром в 7.30. Встретил Иржи. Чешское посольство – напротив Марокканское. Город сказочный.

Женщины в черном, есть совсем закрытые, открыты только глаза. Мужчины все с ножами огромной ширины, в юбках, белых в полоску, коричневые, желтые...

В этом городе Сане сразу, как говорится, зацепиться не за что, нет ярко выраженных, казалось бы, деталей. Но потом ты начинаешь ощущать такое своеобразие, что диву даешься, что не замечал этого.

25 октября

Тула. Город очень тонко вписан в горы. Горы старые. Улочки узкие, в улочках базар. Купил женскую накидку (набойка), как чадра. Музей в старом доме, многоэтажном. Утварь, из гипса фигуры женщин, детей, ослов. Купил кольцо с сердоликом, женские украшения очень похожи на туркменские. Очень жарко. По дороге туда и обратно маленькие интересные городки. Сплошные базары: апельсины, мандарины, бананы, кат, арбузы – все это под навесами, навесиками, на машинах, тележках, тачках. Много машин.

Большой хауз. Собирается вода. Воды везде мало, ката много, поля ката. Развалины, руины строений среди зарослей ката. Мельница, дома высокие близко друг к другу, между ними переходы. Кругом камни, улицы – как русло горных речек; россыпь камней разной величины. Лавки глубокие, полные серебра и разных полудрагоценных камней. Широкие короткие ножи. Верхняя одежда в виде халата и платья, в мелкую полоску, серую по белому. Очень старые горы, разрушенные временем.

27 октября

Мясной и рыбный базар. Куски рыбы, масса мелкой рыбешки, креветки, акула, много незнакомой рыбы. Баранина. Мясники сидят на столах с ножами и ждут покупателей. Шум невероятный, бегают за живыми еще барашками, тут же убивают, снимают шкуру, – ужасно. Много рисовал, типы отменны. Я думаю, запомню на всю жизнь.

28 октября

Прием у нас в посольстве Чехии. Накануне развесили фонари, испекли разные чешские лакомства, гуляш. Пришел Седов с приятелем Юрой. Мы, я и Пшенуси – художник из Чехии, – развесили свои работы. Я успел написать пять пастелей. Многие восхищались, и одну купил чех Павел, увез в Прагу.

1 ноября

В посольстве у меня была квартира на третьем этаже, оттуда можно было выйти на крышу. И я часто выходил, особенно по утрам, когда муэдзины кричат, хлебом пахнет.

С балкона посольства видно две мечети. «Аллах Акбар» – начинается с 5 утра. Мне очень нравится, в этом есть

что-то живое, как будто слышишь город. Говорят, в Сане 1000 мечетей. Одновременно: «Аллах Акбар» – очень впечатляет.

Первый раз самостоятельно вышел в город. Решил дойти до ближайшей мечети. Но пошел еще дальше к горам. Заблудиться практически невозможно. Минарет мечети виден повсюду. На этой же улице школа, а может быть, и не одна.

Вот бабушка, в черном, ведет двух внучек в школу. А вот три девушки, закутанные очень тщательно, с книжками в руках. Сверху черный платок и паранджа, серая юбка. Поверх черной чадры – очки. На развилке трех дорог чайная, лавочки, можно сидеть и наблюдать за прохожими. Лавка специй, нет зеленого чая.

Утром, вечером и ночью прохладно. Днем 20–25°, каждый день тепло, голубое небо.

2 ноября

Вади Ал-Дахар. Это впадина между отвесными старыми скалами. Много людей, танцуют, поют, сидят и смотрят вниз на долину и городки. Кругом небольшие посеветы ката среди причудливых скал и развалин. Внизу как в Шахимардане, только нет воды совсем. Старое дерево, лавки, паломники, туристы, стреляют из «Калашникова». Американский турист с большим интересом и удовольствием рассматривает «Калашников», прицеливается. В туристах есть что-то отвратительно безразличное, назойливое.

В лавочке купили открытки, хочу послать письма всем. Возвращались по другой дороге. Видел совсем новую мечеть у дороги в стиле модерн. Вообще новое здесь очень интересно. Машины везде, и женщины, и дети, и толпы людей снуют на машинах. С машин продают, с машин покупают. Хорошо, что я не знаю языки. По радио вечно какие-то тематические передачи.

Синий, черный колорит, разные пространства, люди, как тени. Резкое белое и, как в витражах, цвет. Желтый, малиновый (немного), бирюза, коричневый. Дыры разной глубины. Коричневые, черные, синий с белым фон. В глубинах фигуры. Старик точит ножи, мальчик кузнец.

Ездили в небольшой городок в 30 км от Сань, в невысоких горах. Горы и городки очень древние. Там самый большой

базар оружия. «Калашников» во всех видах. «Скорпион» чешский, «УЗИ» и куча разных ружей и пулеметов. Меня один йемец спросил с участием, не попала ли мне пуля в ногу, почему я хромаю. Палят все время. Эхо раскатывается далеко в горах.

Библейский сюжет уже в другом городе: бараны, осел с хвостом, йеменка в полосатом платке (желтое, коричневое и оранжевое), зеленая юбка. Все это около красивых ворот. Еще дети. Улица уходит глубоко вниз – густой горячий колорит. Дома близко друг к другу. Мы с ослом еле прошли. Собаки, кошки. Вдруг из маленького окна: «Салам алейкум». Женщина кормит теленка, очень нежно, как ребенка. Грязь, пыль, помойки, дети, от них нет спасу. Пришлось одному дать пенделя.

Учитель – назойливый, стал учить меня рисовать.

Шофер йемец хотел, чтобы мы зашли в мечеть. Нас не пустили. Чехи и шофер стали спорить, а я ушел в сторону и смотрел на поля ката, на город, который сливается с горами; горы базальтовые – лава, черное с коричневым и охра. Минарет – охра, красное, белое, наверху зеленая полоса. По дороге женщины пасут скот, что-то собирают со скудных полей, женщины в темно-зеленом и темно-терракотовом.

Горы мощные, самых причудливых форм – черные, серо-коричневые, разрушенные временем. Я только сейчас начинаю понимать, как их сделать. Такие же дома – глыбы глины, чуть-чуть подкрашенные, сливаются с горами, и небом, и растительностью.

8 ноября

Утром великолепный восход. Горы уже освещены, город спит.

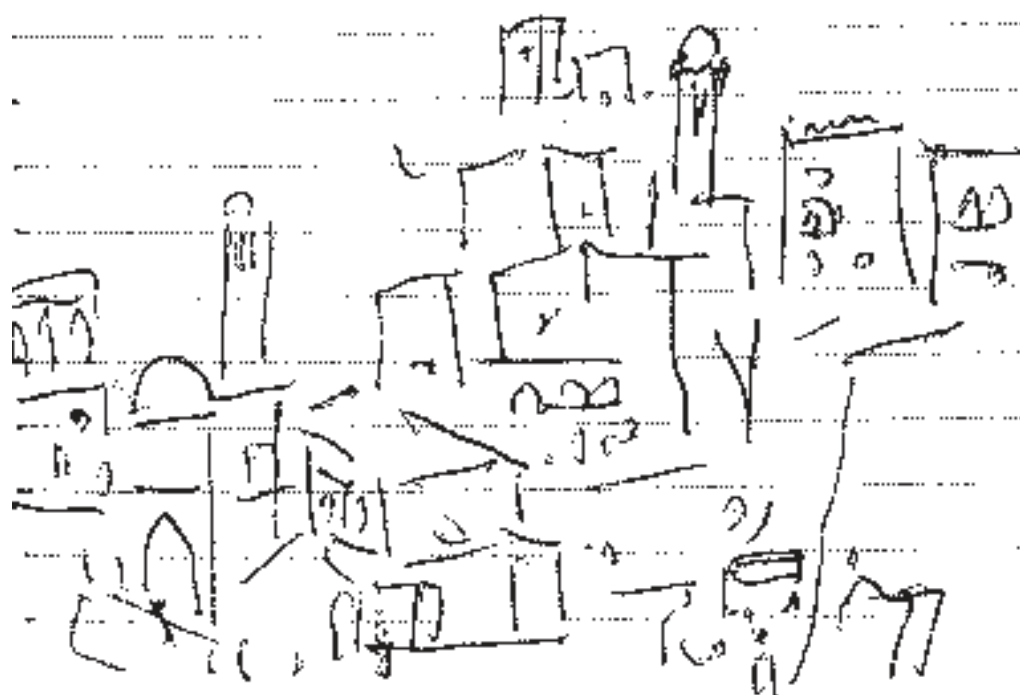
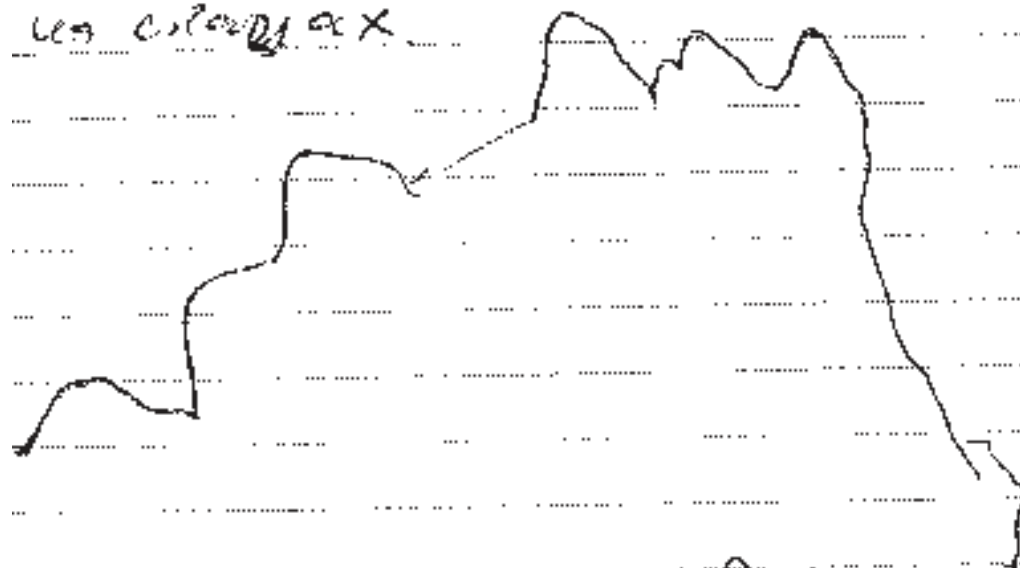
12 ноября

Сегодня рано-рано утром видел Медведицу (созвездие). Всю ночь ее не видно.

Вечером смотрели на Сану с холмов. Потрясающее зрелище. Руины вместо города. Глина, песочный горячий колорит, небо, дома, дороги, холмы и только величественная гора Джебель-Нукуш еще была освещена солнцем, была ясная, чистая и производила сильное впечатление. Все вместе – это прекрасная композиция. Сделал два рисунка.

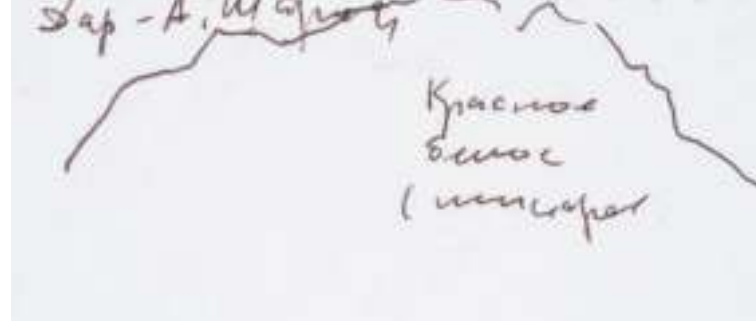

Кельзмановичи 31 *
переезд в немцах,
то до себя гребнями
разматываемые. Улицы,
базар все это из огромной
близости и немцев и евреев
на улицах.

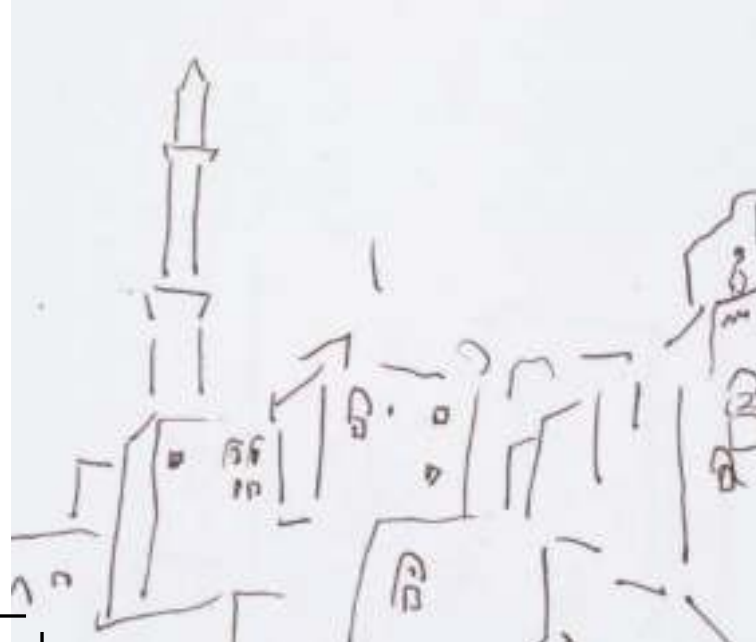

1800000, La Sorena

Sap - A. M. 1900

Красное
Село
(университет)

Позвонил Душан из словацкого посольства и пригласил поужинать в местную «рыбожарку». Оказалась очень колоритная забегаловка. Душан вместе с женой и детьми, одному, по-моему, года полтора, повез нас кормить рыбой, которую действительно готовят отменно. Тандыр, в нем пекут большие слоеные лепешки – тонкие. Рыбу жарят до черноты в собственном соку на мангале. Несколько арабов сидели за столиками, типы очень красивые, но по-своему. Все осторожно глазели на странных нас, на женщину, на детей.

13 ноября

Работал. Вечером Абдул повез нас посмотреть Сану с другой стороны. Зрелище фантастическое. Рисовал, но больше смотрел. Сам город, когда он близко, – это нечто. Сидят арабы около базара, на каких-то лестницах, просто на дороге. Описать невозможно. Город – чудо.

14 ноября

Сегодня первый раз облака над Саной, тепло и душно. Нашли магазин с масляными красками и разбавителем.

5 утра, Медведица. Зухра (Венера) сверкает так, что я думал – это месяц; прямо над головой – Орион, Млечный Путь очень ясен, звезды крупные, еще не рассвет. Пролетела ночная птица, бесшумно.

16 ноября

Сегодня суббота. Хорошо лежать на мансарде и слушать шум большого восточного города. Мысленно бродить по улицам, заглядывать в лавки, смотреть на закутаных женщин, этих таинственных созданий. Заглянуть на базар, потолкаться, в полном смысле этого слова, среди продавцов и покупателей и просто праздношатающихся. Масса людей лежат, сидят в самых разных позах прямо на земле. Шум, гам.

Завтракал с орлом – как собака, стоит и просит у стола. Я пил кофе с бутербродами, а орел, я прозвал его Эргаш, в честь папшкуртского петуха, ел курочку. Очень маленькими кусочками проглатывал куриные потроха и белое мясо.

19 ноября

Скоро заговорят минареты. Собаки, петухи, всевозможные птицы готовятся к рассвету. Слева от Венеры – Боль-

шая Медведица, она свободно висит над горой Джебель-Нукуш.

20 ноября

Путешествие в сказочное место. На огромной высоте, страшно смотреть, город с минаретами, старыми домами, фантастическими узкими улочками, арками, проемами. 1001 ночь. Во сне не приснится такое.

21 ноября

Вчера пришел кот Володя (Кравченко назвал йеменского кота в честь своего московского знакомого В.Ф. Петрова. – Ред.), заглянул во все углы, в спальню, ателье, кухню, зал, зашел в ванную, сбил хвостом мочалки и банки, потом важно вышел на мансарду, и тут орел Эргаш бросился на него, но, к счастью, Володя проявил кошачью ловкость и мигом оказался на лестнице. С недоумением посмотрел он на расщипавшего Эргаша. Эргаш сверкал глазами, расправил свои крылья, растопырил свои ужасные когти и долго не мог успокоиться.

Сделал экспозицию своей выставки из 17 работ. Получилось красиво.

Дождь, как говорят в России, слепой. Огромное охристое облако, и дождь с пузырями, и так целый день до заката. Потом облака стали золотыми, розовыми, фиолетовыми.

Орел сидит под дождем, может быть, ему это нравится.

Гора Джебель-Нукуш вся в облаках. Облака – такое впечатление – это сгустки пыли. Висит такая пыль над головой, и из нее льет. Ночью по лужам в ливанское посольство. В этом огромном городе полно воды теперь. Я из окна машины видел, как арабы, подняв свои юбки, шли почти по колено в воде.

Стоит шатер, как в сказке, полный людей в самой фантастической одежде. Музыканты, арабская музыка, запахи еды. Пекут большие лепешки, тут же барашки и всевозможные кушанья, названия которых я не знаю. Еду описать невозможно. Барашек с рисом. Рис великолепен. Зелень, маленькие пирожки, кебаб. До сладкого я не дошел, но издали видел прелести сладкого.

23–24 ноября

Месяц как я здесь – в Йемене, в Сана. 20 пастелей, 2 альбомчика, 1 акварель, 3 холста – подкладки. Вот и вся моя работа. 17 работ висят в зале – небольшая выставка. Дорога. Три фигурки. Написал три пастели на розовой бумаге. Впечатление от поездки в Аден. Дорога, как всегда, остается моей интересной и трудной темой. Лавка старьевщика в Адене (мягкий свет и цвет). В ресторанчике у дороги зазывала орал так, что стены дрожали. Но нас обслуживали очень быстро и вкусно.

29 ноября

Поездка очень интересная, мы проехали много небольших селений, городков, поселков у дороги. Приехали в Аден уже к вечеру. Море, горы, как в Шартузе, только море и белый город. Заходим в ресторан и вдруг – Саша Седов с друзьями из Германии. Радость встречи, объятия, но у них своя компания, у нас своя.

13 декабря. Ходейда

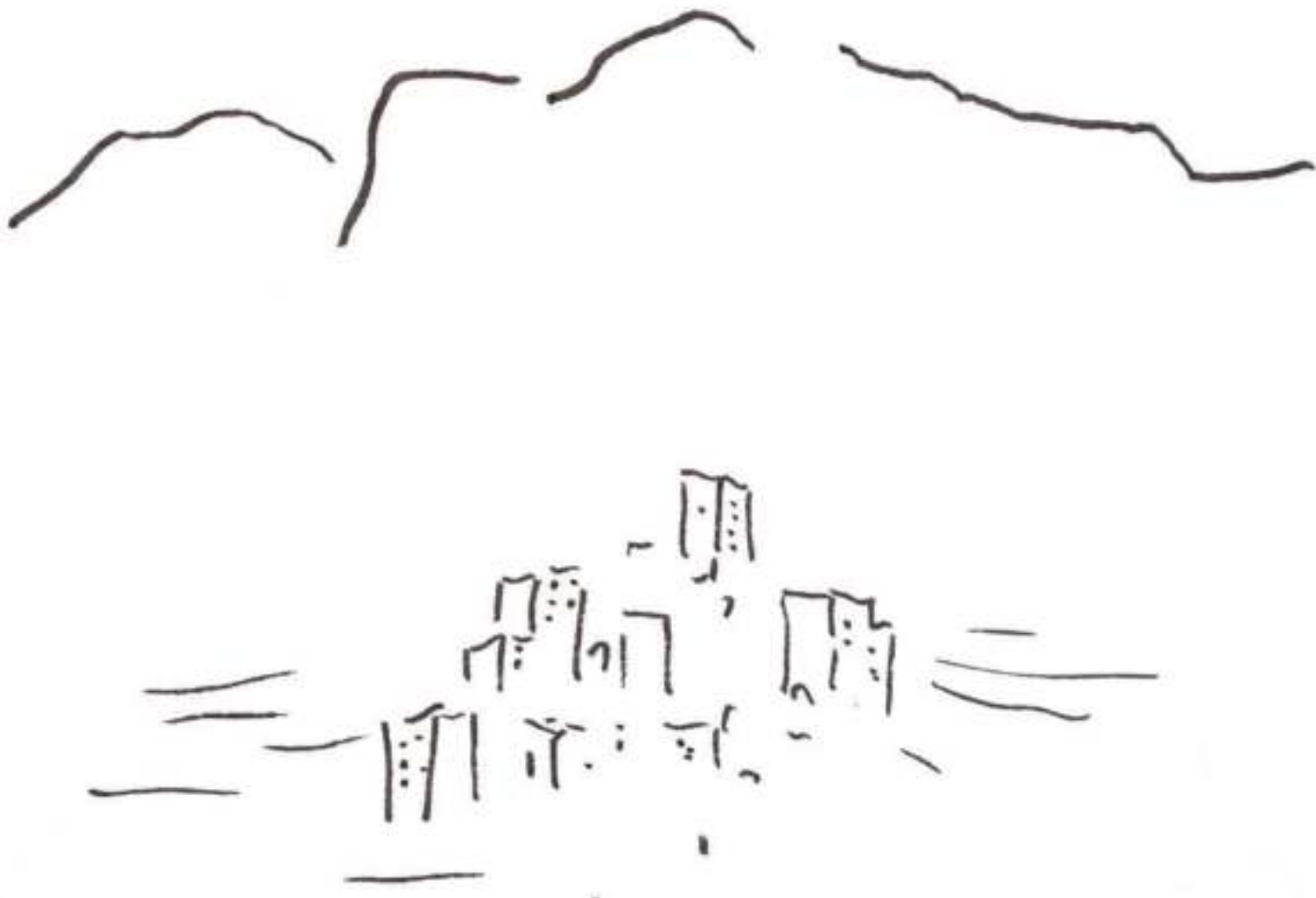
Мы сегодня приехали в этот город. Мы – это Иржи, Пшемек, мать Иржи Зденка, я, еще три родственника Иржи, две собаки, сели в лендровер и покатали на юго-запад к Красному морю. Сначала вся Сана как на ладони, мы поднялись на горы, потом спустились, потом поднялись на перевал и так далее. Небольшие селения буквально сливались с горами. Некоторые гордо возвышались прямо на самой горе.

Дорога очень опасная, в Таджикистане я не видел таких дорог, правда, я не был на Памире. Где-то на середине пути мы отъехали на несколько километров от основной дороги и попали в совершенно сказочный город.

Невозможно передать: что-то есть древнее и таинственное. Шум, базар, все это на огромной высоте висит на скалах.

Город этот назывался Манаха. Город поразительный, возможности изобразить невероятные, разнообразные, бесконечные, все силы, всю свою фантазию можно применить, и этого будет мало, чтобы изобразить то, что я видел.

Когда спускались с гор, то мне показалось – горы как перед Самаркандом – Ворота Тамерлана. В ущелье появилась вода и свежая зелень, цвет от изумрудного к желтому.

Очень много возможностей коричневого, серого (безжизненного).

Сейчас пишу и смотрю по телевизору обзор йеменской театральной жизни. Как будто бы я в Нукусе, в Каракалпакии, те же актеры, вот появился Куат и т.д.

В ущелье появились фигурки – желтые, бордовые, зеленые, серые. Сверкнут на солнце и исчезнут. Фигурки пасут небольшое стадо, это женщины и дети.

14 декабря. Аден.

Огромная акула в человеческий рост. Шхуны, полные разных цветных арабов, продают, перепродают.

В устье известной
 бухты - много барда-
 сто, уличные, кафе
 свертываю на солнце и
 исчезают. Турки и мусу-
 льманские кафе, это
 минареты и горы.
 14.12.96.

Описание минарета с са-
 ладом и рисом. У мина-
 рета много разноцветных
 крабов, журавлей, перелет-
 ников.

15.12.96.

16 #

Утром море, оно было
 как всегда, неспокойно,
 волны под пеленой, на
 берегах тонны
 завтрака - крабы и рыба.
 Базар, разные украшения,
 материя, шум, гам, как
 всегда.
 Потом небольшие сборы
 и мы на дороге в Сану.
 Сначала минареты, барханы,
 небольшие селения с
 небольшими мечетями
 и минаретами.

Потом стали "протупы"
 горы из золотистого и
 мы вела в обе стороны
 в ущелье и горы до
 самой Саны.

15 декабря

Утром море, оно было, как всегда, неспокойно. Солнце под пеленой, но вода теплая. Завтрак - крабы, рыба. Базар - разные украшения, материя, шум, гам, как всегда. Потом небольшие сборы, и мы на дороге в Сану. Сначала пустыня, барханы, небольшие селения с небольшими мечетями и минаретами. Потом стали проступать горы на горизонте, и мы вскоре въехали в ущелье, и горы до самой Саны.

4-5 декабря 1997

Шибам. 5 утра. Поют минареты. Сильный крик муэдзинов и пение. Алах Акбар.

Глубокий каньон, дома уже освещены солнцем. Кеклики, голуби, лай собак, крик петухов. Пахнет дымом. Ласточки. Верблюды идут по улицам: пыль - горячая пыль, в небе минарет белый, мощный. Толпа, машины.

Тепло, пыль, шумят пальмы. Вечером пальмы таинственные, колорит - густое фиолетовое, коричневое, теплая охра, все горячее. Ветер ласковый, теплый. Дома многоэтажные, в колорите песчаника, который возвышается над поселками, правда, не намного, но величественно. Здесь все ярко, горячо, контрастно: дома вылезают из пыли и потом величественно и контрастно высятся на фоне неба.

Пыль на улице невероятная, в пыль вкраплены самые фантастические цвета. Инкрустация цвета в горячей пыли. Цветов много, это какой-то шабаш цвета. Старик в юбке - зеленое, коричневое, фиолетовое, розовое всех оттенков; сверху рубашка - зеленое теплое с охрой; каштановый платок на плечах.

Свадьбы, в улочках много пляшущих людей в круговом ритме. Наверху на верандах - черные головы женщин и дети, как цветники.

Люди играют в странную игру, но называется она домино.

Минареты выделяются белизной - белое и нежно-зеленое. Ночью внутри минаретов - зеленые огни.

Люди сидят и полулежат в этом колорите расплавленного старого золота. Одежды яркие, нигде больше в Йемене такого не увидишь.

Кошка охотится за цикадами. Котенок пришел просить есть.

Месяц и звезды неразлучны. Руины брошенных домов прекрасны, глина, глина на свету и в тени, сырец. Базары – люди, запахи, цвета, все густо, колоритно не просто так, тени, свет, фантастические пятна.

Здесь все перемешано: Маргилан, Фес, Сана, пустыня Куня.

Вид на город с высокого дома: минареты, купола мавзолеев, улицы с цветными пятнами людей, кое-где деревья, дома самой фантастической конструкции с косыми тенями.

Окна, орнаменты, балконы, балкончики, решетки, проемы, выемки. Появились айваны – напомнило Среднюю Азию. Белое, светлая охра всех оттенков, нежно-синее, нежно-зеленое, все выжжено, все с иными запахами.

Город в обрамлении золотого песчаника. Лавки набиты разноцветными юбками. Платья гигантских размеров. Необычные украшения.

Сад пальмовых деревьев из окна гостиницы. Вокруг белый город, песчаные горы, холмы, древние развалины. Руины на дорогах, глина, горячее, разрушенные арки, проемы окон, дыры.

Голубые бассейны, старые пальмы, старые сады, раскрашенные дома в них.

Все это в обрамлении розового, теплого песчаника. И пыль, пыль, пыль.

Базар голубей, базар плетеных круглых подносов. Инкрустация малиновых и темно-зеленых, вкрапление в золото.

Закат по дороге в Суюн, золотой, темные пальмы, фигурки женщин, на голове несут тюки.

В городе каскад мавзолеев, кладбище, вокруг базар (серые треугольники), нежные зеленые и голубые.

Чайные, столы, на них еда, котлы, сидят на земле, вокруг дома (глина, золото, темное, улочки, уходящие конструктивно, фигурки женщин; освещение вечернее, пыль, дорога), разные позы, пальмы, контур фигур, много цвета, приглушенного пылью.

Поют муэдзины, они не дают спать, в голове цветное мессиво: верблюды, густая пыль, сверкающее голубое небо, белое сверкает, фиолетовое и розовое на золотой охре, интенсивно густеет, прозрачность.

4 утра, Суюн, муэдзины не дают заснуть, поют и поют.

Инкрустация (белые камни на горе). Окна разноцветные. Ширабадская керамика.

Горлицы.

Плетеные подносы.

Рыбный базар.

Парикмахерская.

Нежная по тону акация.

Крепкий запах рыбы и еще чего-то. Сушеная, вяленая, нарезанная кусками и пополам рыба тунец, акула.

Рядом крытый базарчик, апельсины, мандарины, баклажаны, картошка, перец, мешки с чем-то, специи. Мотоциклы, «тойоты».

Сидят в разных позах, в мощных по цвету одеждах.

Жара, пыль, запахи, шум машин, рядом дорога.

Дома в пыли, белые, глина, расписные двери, окна, проемы. Минарет, сверкающий на синем интенсивном небе. Вокруг золотой песчаник, в тених – фиолетовый и синий с серым.

Верблюды и руины.

Дорога и руины.

Верблюды, небольшое стадо, лежат, стоят под солнцем.

Верблюжонок с матерью. Рядом руины, огромные куски глины, старой с тенями, недалеко белый минарет горит на небе.

Вдали фиолетовые холмы, песчаник с голубыми и серыми тенями.

Пальмы старые, седые, поджаренные, немного домов на среднем плане.

Рядом дорога, гудят машины. Любопытные дети и взрослые.

Теплый ветер, упругий, жара.

Читан. Бин Айфан.

Развилка дороги. Очень цветные люди, яркие платки и юбки.

Двое.

Серебристые искры на пальмах.

Два гуляющих араба.

Теперь можно делать «Марокканца в розовых одеждах» в интерьере.

Покупают, продают мед.

Под навесом, густой фон. Искры, инкрустация, цветные пятна, большие и маленькие, разные формы треугольников и квадратов, вплавленные в густой фон.

ЕВРОПА

Европа все хочет изобразить, все иллюстрировать, от этого скучно...

*Июнь–июль 1991 года. Чехословакия
Прага на холмах. Улицы, уходящие вниз и вверх. Люди,
такси.*

Буря. Гроза в Праге.

*Крыши – черепица. Оранжевая. Английская красная с
темными пятнами. Колодец из стен домов. Утром ка-
жется, что прилетел удад и кукует свою утреннюю песню.
Деревья шумят по ночам. Ветер. До позднего вечера –
стрижи.*

Зеркало в прихожей. Через зеркало и комнату – окно во двор-колодец. Архитектура с крышами – черепицами и трубами. Окно. Лоджии с навесами. Внизу заброшенный сад.

Огромное количество туристов. Маревы над городом и рекой с мостами. Над всем этим Пражский Град. Величественно.

Пражский Град с мостами, рекой и деревьями. Рисунок по цветовым пятнам. Пражский град – лиловые. Много синего и зеленого.

Сегодня 25 июля. Месяц как мы из дома. Собираемся в Карловы Вары.

Карловы Вары. Источники. Почти как Чашма. Рыбы. Но не священные, и вода мутная. Рыб кормят. Водопады, веранды, навесы. Везде минеральная вода. Горячая.купаются. Пьют.

Две полосы ясно-голубые. Утро. Кругом мрак, темные, разные серые, очень серые. Звезда на одной из голубых полос. Восход луны. Подкладки темно-розовые. Под ним смело темными – зелеными, черно-синими, коричнево-зелеными.

Август–сентябрь 1997 года. Германия

24 августа

Я представляю, какой Кёльн и собор в разные сумерки.

29 августа. Кемпен

Ночной Кемпен красив, изящен и блестящ, шум из пивных, фешенебельная публика, сверкают витрины, сидят за столиками. Ночные улицы хороши, где-то совсем темные, мерцают окна от свечей. Кошка спит на крыльце. Какие-то небольшие дома в 2 этажа, не такие блестящие. Церковь розовая, ночью подсвечивается нижняя часть. Небольшая площадь, скульптура.

30 августа

После завтрака – Дюссельдорф. Серый день, все серо, скучно. Рейн, металл, бетон, пейзаж – половина, а может быть, меньше, старого, но очень интересная архитектура. Площади, конечно, туристы. Их много, очень много, все спрашивают друг друга, как куда пройти. Мы тоже спрашиваем всех, как найти музей и т.д.

Приезжаем на базар цветов и фруктов. Огромное современное здание 6 или 7 этажей. Это, оказывается, платная стоянка автомобилей. Заезжаем. Очень ловко Сара (дочь Регины Симон. – Ред.) заезжает на 2-й, потом на 3-й, потом на 4-й и т.д. этажи, но поставить машину некуда, и въезжает на крышу, на крыше, слава Богу, есть место. Великолепный вид на Дюссельдорф. Стекло, бетон и краски, вкрапление старого, темно-коричневые дома, медные зеленые крыши. Крыши, может быть, бронзовые. Штили.

Этой архитектурой нужно проникнуться, запомнить. Спускаемся на лифте, долго ждем его. Сразу базар: цветы, фрукты, овощи, мясо, кофе, чеснок и пряности, но это не восточный базар – рисовать не хочется.

Музей как мавзолей, только в 10 раз больше. Но выставочной площади немного, с 10 залов. Хорошие 3 ранние работы Шагала, экспрессионисты, О. Кокошка хороши, дохлый Поллок, дохлый Арп и остальные концептуалисты. На современной помойке интереснее. После музея – Рейн. Сделал несколько рисунков набережной.

Музей керамики, все выхолощено, тарелки, вазы, археологические находки – так, наверно, нельзя выставлять.

Приехали в Кемпен, чай и отдых. Гудят колокола. Да, забыл, на улице в Дюссельдорфе – ультрамарфиновый трамвай, как темно-зеленый в Базеле.

Утром «фрюштюк», потом едем (на велосипедах. – Ред.) к бабушке Сары. Сара, ее папа Георгий и я. Все чинно, папа впереди, командует парадом, последний я. Папа все время едет правильно, прежде чем повернуть, к примеру, направо, выбрасывает правую руку, тормозит и потом по всем правилам поворачивает на другую великолепную дорожку. Рядом нет никаких машин, и я спокойно по привычке срезаю углы. На очередном перекрестке папа поднимает руку вверх и останавливается. Я вижу, что не только рядом, но и вдали нет авто, и переезжаю это шоссе, к ужасу папы, который кричит: «Ахтунг!». Сара смеется, я недоумеваю. Потом папа перестает обращать на меня внимание, и мы едем дальше.

Вот пейзаж: белое с оранжевым, красиво. Приезжаем к бабушке Лизе. Красивый домик в 3 этажа, она живет в нем одна. Бараны, утки, гуси, куры. Алыча, яблоки и вся-

кая зелень. Она управляется со всем этим. Вкусный обед, на десерт обязательно мороженое, посыпанное шоколадом. Отдых в шезлонге, и обратно в Кемпен. Да, появился еще один ее сын с тремя детьми. На великолепных велосипедах, деловые, в меру хулиганистые. Я подумал, что они скоро с этих красивых добротных велосипедов пересядут на «мерседесы» и «фольксвагены», но такие же красивые и добротные. Сейчас уже 7 по-кемпенски, по телевизору сообщение о смерти Дианы.

1 сентября

В Дюссельдорфе заходил в церкви, запах горячего воска, 2-3 человека, играет орган, витражи. Свечей горит множество, каждый их зажигает. Металлическая чашечка, в ней воск. Воск при горении становится прозрачным, и видно только фитиль, горящий в баночке.

Упираясь всеми силенками, люди хотят хорошо и красиво жить. Много цвета, стекла, серебра, золота, ультрамарина. Нельзя жить только «тараканской» жизнью. Рядом все равно и радость, и горе, и человек остается человеком – и боль, и смерть, и прекрасное – все рядом, и никуда оно не денется.

Города похожи на ширабадскую керамику – вкрапления изумрудного на сером.

Все-таки я добрался до настоящей пивной. Уже к вечеру поехал на велосипеде в Старый Кемпен, нашел улицу, по которой меня вели в пивную, из которой потом мы выскочили из-за крепкого запаха. Улица была совершенно пуста. Я дернул дверь, она была заперта; как я понял, пивная открывается позже, а может, и не так понял. Уже садился на велосипед, вдруг дверь открывается, выходит сухая, как вобла, мадам со строгим выражением лица. Смотрит на меня довольно долго. Я говорю: «Гутен таг». И вдруг она приглашает зайти. Ну, такого запаха уже не было, все было чисто и опрятно. Крепкие столы на железных пористых платформах, занавесочки, картинки, как я понял, старого Кемпена. Она встала за стойкой и смотрит вопросительно. Я говорю: «Беер». Она берет маленький фужерчик – я говорю уже по-русски: «А побольше у вас нет?» Тут она смотрит на меня уже совершенно растерянно. Я показываю ей руками, что побольше. Тогда она вдруг произносит: «Гут», – и поворачивается к шкафу, достает пол-литровую кружку, красивую, с названием заведения. Ну что говорить, друзья мои, пиво было отличное, холодное и т.д. Я сел подальше в угол и стал рассматривать заведение. Нужно будет зайти еще раз. Пил и думал: как хорошо тихо здесь сидеть, никто не мешает, никого нет, да и был бы кто, это тоже не помешало бы. В окошко с противоположной стороны был виден двор, во дворе столики, цветы. Уже выходя, я столкнулся с господином, довольно веселым, который стал что-то мне говорить. Я думаю, он удивленно спрашивал: не рано ли я зашел пропустить кружку? Но я быстро раскланялся и покатил уже в совершенно другом настроении по узким улочкам Кемпена.

4 сентября

Рядом с домом хлебный магазин. Горячий серый хлеб *Araubrot*. Любезная *Frau* и свежий ароматный хлеб. Хлебы разные: большие, маленькие, обсыпанные орехами и т.д. Много разных булочек.

Сегодня серый тихий день. Завтра в Гамбург. Регина вчера вечером наготовила дел, которые ей нужно переделать сегодня: испечь торт, купить цветы, поздравить подругу, сделать обед, упаковать вещи в Гамбург, разобрать шифоньер – не знаю, как она хочет взять его на своем «*фольксвагене*». Она на своей машине – как на метле или как в ступе.

Много черного, белое, розовое – розовый велосипед, розовая церковь, розовые цветочки, розовые одежды, розовые витрины, много желтого.

Сегодня четверг. Столики на улице у всех заведений, но сидит только один старый немец, ест салат.

Сборы в Гамбург: стол, шифоньер, зеркало, стулья и т.д. – грузим в фургончик. Суета, кажется, что никогда все это не влезет, но все погружено, даже велосипед. Все чинно, продуманно, медленно. Все кончено, едем. До Гамбурга 5 часов езды. Гамбург уже к вечеру, показались мельницы, ветряные на длинных столбах. Смог или туман, заводы, мосты, Эльба и дома. Ночной большой город. Посередине города озеро, его можно объехать на велосипеде за полчаса.

Школа, масса авто и велосипедов – это автотранспорт школьников.

6 сентября

Прогулка в порт. Наконец-то я увидел настоящий порт со всеми его мелочами. В Касабланке, Танжере, в Адене и Ходейде именно порт не производил на меня впечатления, но гамбургский порт прекрасен. Коричневое, черное, ультрамарин, старая зеленая бирюза, желтое. Порт – это базар. Корабли, лодки, лодочки, баржи – всех размеров, краны. Толпы людей, магазины, закулочные. Огромные лайнеры – белые, синие, красные, желтые. St. Pauli – колоритная улица, на ней много значных заведений. Желтые рекламы, ободранные, раскрашенные дома, чувствуется – все это старое. Рядом полиция.

Вымотался, ходить трудно много. Спал плохо, просыпался от сильного шума дождя и ветра. Боялся проспать, нужно встать в 6 утра и быстро в порт на рыбный базар.

7 сентября

Рыбу продают уже хорошо разделанную и почти готовую к употреблению. Продавец зазывает покупателей, как бы их гипнотизируя. Он выкрикивает цену и набирает в руку разной рыбы. Берет одну – цвай, берет другую – драй и т.д. Кто-то из покупателей не выдерживает и протягивает деньги. Все вокруг базара – интересно.

Регина купила рыбу горячего копчения, вкусна, нежная, тает во рту. И к пиву, и к араку.

Музеи меня разочаровывают. Известные имена, и французские, и немецкие, и голландские. Два Рембрандта, я их даже не заметил, не тот Рембрандт. Фондовские работы – этим все сказано. Великолепное здание, все хорошо для экспозиции.

Современные работы – инсталляции, хамство и нахальство, намазано, покрашено. Кирхнер – темный, Кокошка – противный. Надо перестать ходить в музеи. Сам город интереснее.

В музеях запах колумбария. Дом-музей Генриха Фогелера. Интересен Вальтер Мюллер. Бегство в Египет. Фогелер был в Средней Азии в 20-е годы, в Ташкенте, в Самарканде. Есть работы, похожие на Усто-Мумина. Ашхабад, Караганда. Этнографические рисунки.

Здесь он ел, сочинял, ткал, рисовал, делал эскизы для обоев, мебели, фарфора, керамики. Был разносторонний человек. Была жена, кажется, не одна. Одну он очень любил, холил и лелеял, она-то ему и наставляла рога. То она с яблоком, как Ева, то задумчива на фоне веток и цветов.

8 сентября Кемпен

Нашел серую бумагу. Рисовал до вечера, и если бы не темнота, рисовал бы еще. Появляется наконец то волнение, когда возникает что-то новое. Новая бумага, кисть и краска – уже интересно. Современный город – красивый и на первый взгляд холодный, инкрустация, много цветных пятен. Двухэтажные автобусы, зеленые, дома белые, коричневые, черные с белым, черные каркасы на бледно-зеленом, фиолетовом, медные крыши, красивые кирхи (старая медь), кое-где люди, людей мало, почти нет, толпа – туристы. Завтра буду писать. Хочется уйти от какого-то шаблона, но как? Вкрапления цвета в серое – уже было. Просто абстракция – не устраивает, экспрессия – но какая?

11 сентября

Прохладно, чувствуется осень. Регина предложила поехать в Дюссельдорф через Крефельд. Сначала по маленьким городкам. Все красиво, ухожено, тихо и спокойно. Рейн плавно изгибается, течет величественно. Баржи, сухогрузы, снуют разные кораблики. Можно подняться до Базеля, можно спуститься до Амстердама.

В Дюссельдорфе золотой вечер. Канал, на нем лебеди, какая-то фантастическая архитектура. Набережная Рейна: многие сидят и смотрят на Рейн, пьют пиво, наслаждаются вечером. Тепло, уютно, тихо, никто никому не мешает.

12 сентября

Что-то немного сегодня сделал. Уже новыми цветами. Мощные люминесцентные цвета – оранжевый, красный и желтый – хорошо на любой бумаге. Вспомнил, как на пароме переплывали на противоположный берег, и в тени густых дубов – кафе, красиво. Рядом руины какого-то замка. А ночь – несколько мощных цветов и вкрапление ярких огней. Посмотрим, что получится. Я вспомнил и Гамбург. Темно-зеленые дубы шумят от ветра, сквозь них озеро с архитектурой готики на другом берегу. Можно экспрессивно замазать темно-зеленым и черным, теплого нет и опять инкрустация.

Сколько должно быть изобразительности? Сколько пауз? Какой мазок и куда? Толщина мазка?.. Чтобы не было скучно... Движение можно передать только движением. Архитектура интересна, много деталей, много мелочей, это и есть вкрапления. Ночной Рейн. Вечер. Ночь – это я люблю. В Гамбурге канны на улицах. Велосипеды, собаки, лебеди на озерах и каналах, лодки, пароходики, ну и порт. Старый и новый город в Германии мало чем отличаются – оба ухоженные, чистенькие и удобные для жизни. В сравнении, например, с Марокко. Фес новый и старый – как небо и земля.

17 сентября

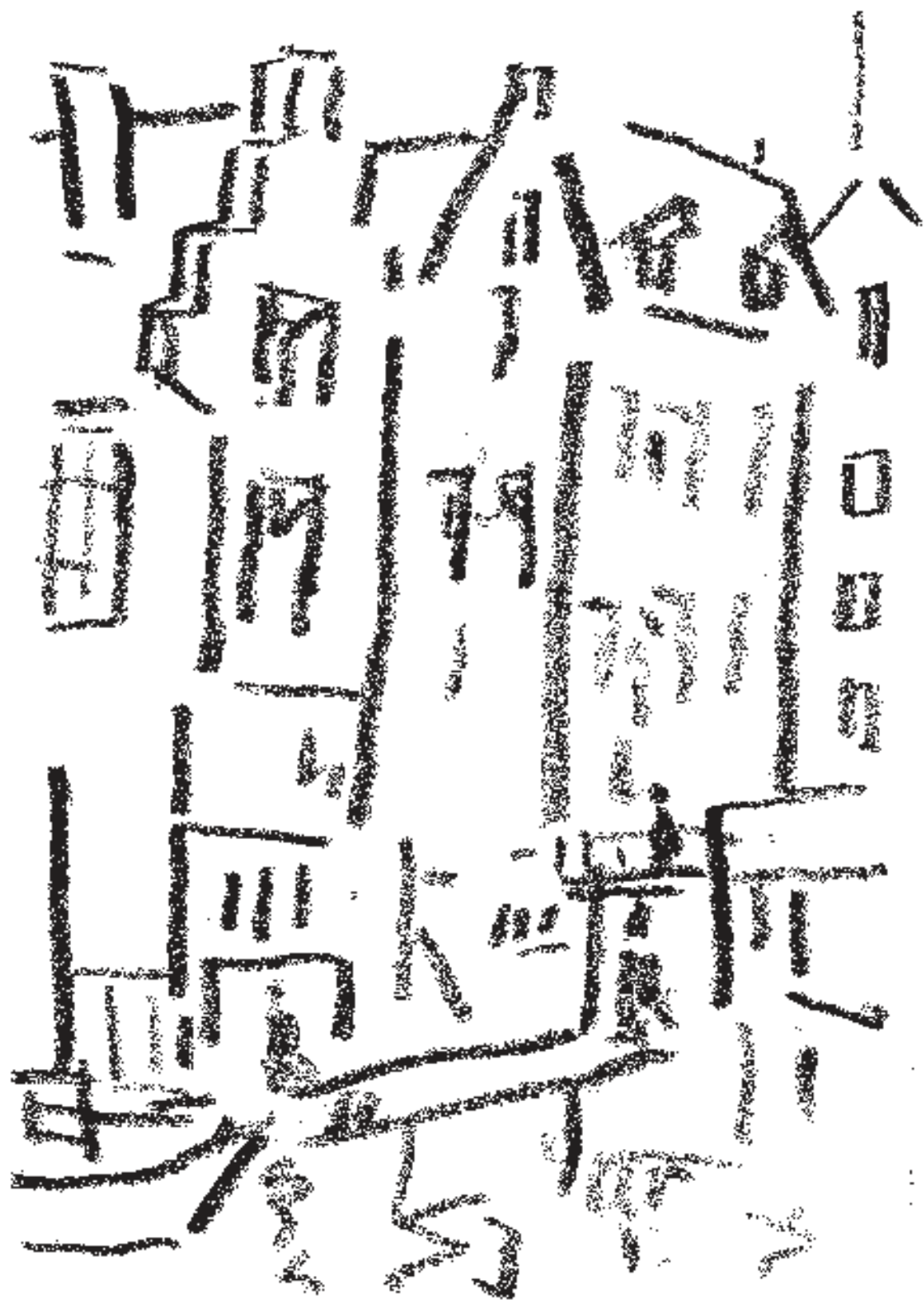
Прекрасное утро, видимо, тепло, стекла в окнах не запотели.

Бывают такие дни, что ничего не хочется, ровным счетом ничего, и не то что тоска – непонятное настроение. Краски не волнуют, музыка тоже. Голова тяжелая, ни одной мысли стоящей. Может, так и должно быть, природа делает паузу, пауза – это тоже нужно. Сегодня обедал брат Рeginны. Старый брат, со старой собакой. В старости все виды похожи. Собака боится остаться одна хоть на миг. Задремала, а хозяин поднялся наверх. Проснулась, в ужасе стала искать хозяина, прибежала наверх, радости не было границ.

18 сентября

Работал, несколько эскизов. Всё попытки сделать Ходейду (рыбный базар, улицы, утро – желтое).

20 сентября. Суббота. Дюссельдорф

Бекман. Серия «Ночь». Вспомнил Филонова и Снегирева. Эти люди предчувствуют катастрофы, и, если досконально на них смотреть, то можно сдвинуться.

Вечером поехали в монастырь. Народные танцы, песни, свечи, калачи, пекут хлеб. Хлев, собаки, корова, осел, утка, курица, петух, свинья и т.д.

День, вечер – великолепны. Солнце освещает готику. Танец бачей (мальчики-танцоры в Средней Азии. – Ред.). Много восточного. Кругом верблюды из дерева, кожи, металла, поделки из дерева, соломы, попробовал кальвадос. Такой же грубый, как в Шартузе. Лавка специй, лавка кофе.

Уже ночью домой. Прекрасный день.

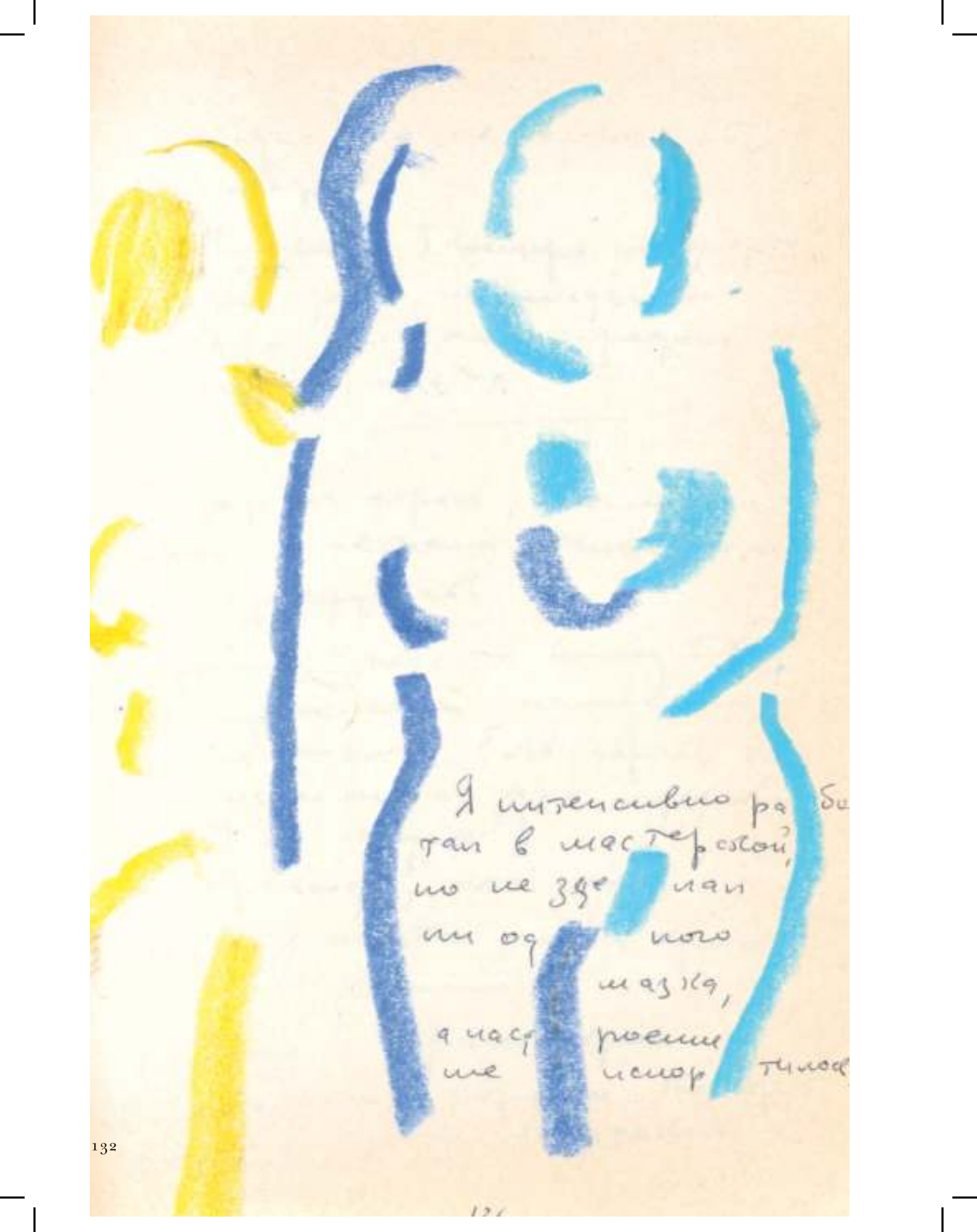
21 сентября. Амстердам

Регина в очередной раз спрашивала, куда меня отвезти? Я отвечал – в Амстердам. Был там четыре раза. Потрясающе красивый город. Жить там весело, и вообще находится там одно удовольствие. Где-то даже записал, что для меня это самый «арабский» город. Потому что я получил огромное удовольствие от арабских городов в Йемене и Марокко, и на меня уже ничего не действовало с такой силой, ни Гамбург, ни Дюссельдорф, ни Берлин. А в Амстердаме я обалдел... До такой степени необычно, не как у нас. Всякие магазинчики, куча разного народа, людей непонятных, это объяснить трудно.

Два музея. Ожидал большего от Рембрандта. «Ночной дозор» хорош и огромен, но чтобы туда провалиться – нет этого ощущения.

Хороши работы на почти черных фонах. Этот студенческий прием иногда забываешь. Нужно ходить в музеи, чтобы не забывать этого. Фон играет колоссальную роль, не менее важную в картине. «Ночной дозор», если бы не было столько лиц, но они, эти лица, были... Мешает выражение лица. Я ожидал более широкого мазка в композиции, но вообще все очень живо. Наверное, поэтому все чаще Рембрандта называют реалистом (в смысле натуралистом). Это, конечно, неверно совсем.

An abstract drawing on lined paper. It features several thick, expressive strokes in yellow and blue. The yellow strokes are primarily on the left side, while the blue strokes are more central and vertical. The background is a light cream color with faint horizontal lines.

Я интенсивно ра-ба
тан в мастерской,
но не зде-ман
ти от-ного
мазку,
а часр-решит
ме-испор-тилок

Дом Рембрандта, маленький, темный-темный. В книге написал: Здравствуй, Рембрандт.

Музей Ван Гога, большой музей, от очень ранних до самых поздних работ. Автопортреты, графика, рисунки: кисти рук, ноги, ботинки, стулья, разные детали утвари. Работы небольшого размера. Кусты цветущих деревьев, цветы пунктиром, мазочками, видимо, с размаху, небо и земля, искривленные физиономии, наверное, очень похожие.

После музеев город кажется сказочным, радостным. Амстердам – блестящий город, только, кажется, там не живут голландцы – японцы, корейцы, тайцы, китайцы – надоели. Каналы: лодочки, яхты, огромные лодки – корыта, в которых живут. Вот в окне – баночки, скляночки – кухня. Хороший светлый день. Видимо, не очень характерный. Когда пасмурно, наверное, тоже интересно. Некоторые в плащах. Холодно, и свитер я не снимал. Есть очень красивые люди, но редко, и то не северные. Если бы не Регина, я бы и этого не увидел. Устал ужасно. Она, как на метле, носилась со мной, показывая каналы, мостки, дома, кирхи, площади, библиотеки, театры, музеи, базары. Невероятное количество туристов. Долго искали машину, забыли, на какой улице оставили. Просрочили какой-то талончик на парковку, и полиция заклинила автомобиль. Регина где-то час улаживала этот конфликт, я ждал в машине. Вдруг подъехали полицейские и расклинили колесо, ни гутен таг, ни гутен абен, и умчались. Через некоторое время появилась Регина, возбужденная и огорченная – сколько-то гульденов пропало даром.

Один день в Амстердаме – это как один день в Танжере.

Осенний Амстердам – это особая мелодия, деревья зеленые, много цвета в городе, много разной краски.

Желтые трамваи в Амстердаме, черные дома, очень узкие улицы, много магазинов с антиквариатом. Бесконечные кафе, как в Париже, – сказала Регина.

Огромный базар цветов, цветы из дерева, фарфора, пластика, живые. Башмаки, женщины, черти.

28 сентября. Голландия

Маленькие городки, игрушечные дома – как они хорошо, удобно устраивают свой быт, все покрашено, ухожено, дороги, деревья, заборчики, магазинчики, кафе, машины,

велосипеды, люди, все блестит, все хорошо. Лесопарк, скульптуры на открытых газонах, на маленьких бассейнах: Генри Мур, Роден, Джакомо Метцони. Живопись: Мондриан, куча французов, Мане, Сислей, Сера, Сезанн, почему-то черный, Ван Гог. Все как будто не настоящее. Какие-то выдуманные рамы, какой-то ненастоящий Ренуар. Может быть, я стал черствый. Никакого впечатления, много просто халтурных вещей, а некоторые просто тупые. Средневековые жестокие и холодные, очень резкие рисунки, и эта подчеркнутая жестокость отталкивает. Когда выходишь из музея – чувствуешь облегчение и, действительно, удовольствие от природы. Скульптура, скульптура, а где она, скульптура? Люди, кругом люди, а где они, люди, и что они?!

Осень уже сильна, все запыхало листьями, и желтыми, и оранжевыми. В машине тепло и уютно, дороги великолепные. Дорога – вот тема невыполнимая, что бы ты ни придумывал. Сколько я уже думал об этом, сидя в машине и глядя на дорогу, которая бежит за тебя, и все новое и новое впереди. И ночью, и днем, и вечером интересно, даже если ничего нет.

Октябрь и зима 1998 года. Бельгия, Франция

24 октября. Брюссель.

Красивый динамичный город. Дождь, тепло, кафе, магазины сыра. Прекрасный город, видимо, удобно жить брюссельцам. Дождь до самого Крефельда.

Музеи одинаковые. Рембрандт, Рубенс, Шагал, Тинторетто. Хороших работ мало. Много церковных сюжетов. В основном насилие, убийства, извращенные убийства. Отвратительно смотреть: кто-то кого-то душит, режет пилой, колет ножами, снимает кожу, отрубает голову и вообще изоцряется в пытках, которые Гитлеру и не снились.

Площади очень хороши и красивы, дома изумительны. Очень много туристов, много детей, которые орут, пиццат и вообще проявляют себя идиотически. Педагоги довольны – непосредственные дети.

6 декабря

Целый зал в музее Орсе отвратительных картин придворных художников, изображавших Восток в походах на Восток.

Сладенькие, противные картинки.

Огромное пространство, картины как темные пятна. Не смотря на то, что большие пространства, – света мало.

Май–июнь 1999 года. Германия

8 мая

Дюссельдорф. Выставка африканской скульптуры. Страшные маски и дерево, все очень современно. Прекрасная экспозиция. Тепло, сам город залит солнцем, массы гуляющих. На набережной Рейна прохладно и ветрено. Много туристов, кафе, пивных. Забавный мост через Рейн.

9–12 мая

Цветут глицинии, солнечное утро, жужжат пчелы, «фрюштюк», все родственники. Бесконечные разговоры о чем-то. Я понял только, что о политике.

Время сейчас очень интересное. Каштаны цветут, масса цветов. Глицинии просто обнаглели – цветут так, что кроме них ничего не видно. Как и везде, кричат стрижи, голуби, по-моему, дрозды, скворцы и т.д. Небо сверкает, гремит гром, дождь, мрак, потом светло и тепло. Я уже пишу как путешественник, приехавший в экзотическую страну.

Проходил по «своей» улице. Пивная, двери открыты, пьют пиво и выглядывают на улицу. Внутри темно, играет какая-то музыка. Идешь километра два – большие магазины, между ними кафе. Смотреть некуда и не на что. Кругом огромные магазины стандартной архитектуры.

Собрал несколько этикеток от фруктов – идиотизм. Купил бананы, и из-за этикетки.

13 мая

Путешествие в Aachen и еще один очень симпатичный городок по дороге – Kornelimuster.

Небольшое кладбище на горе, с одной стороны поднимаемся по ступенькам бесконечной лестницы, с другой стороны можно подъехать или съехать. Все в цветах, анютиных глазках, синих, фиолетовых, желтых. Вид оттуда красивый, далеко видно поля, и леса, и дома, и речку. Тихо, только птицы нарушают, вернее, скрашивают покой этого уютного, если можно так сказать, места. Почему-то оно запомнилось мне больше всего: и толпы, которая против войны в Югославии, и полицейского, который тщательно обыскал меня, узнав, что я из России, и красивых старин-

ных улиц и соборов. В музей мы почему-то не пошли. Был теплый ясный день, но в тени ветер холодный. Много незнакомых цветов, кустов.

Ухоженные дворники, в них целая скульптура, никто ее не сломал и не засыпал мусором.

Зашли в маленьком городке в галерею. Много всего, но я бы ничего у себя дома этого не хотел бы иметь. Городок прелестный, что-то живое появилось вместе с ним.

14 мая

Был базар, очень однообразный, но напомнил мне базар в Сане. Потом вдруг я услышал Вагнера из Лозенгерина и подумал, что я в Германии...

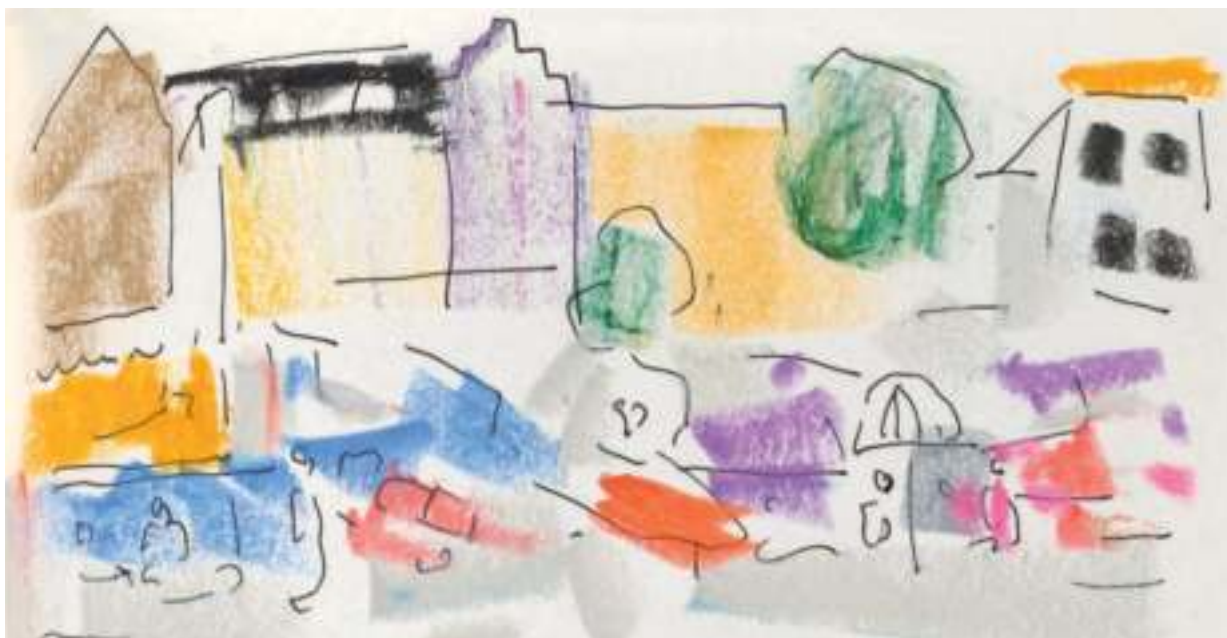
15–16 мая

Сегодня базар около собора. Кругом: картошка, моркошка, лук, зелень, яблоки, груши, цветы; рядом, среди всего этого изобилия – оркестр. Что-то играют – дирижер, что-то едят, пьют, все чинно-благородно, дети играют в надутом загоне, все трезво и тихо, не считая оркестра. Искусственные тюльпаны огромных размеров. Тихое и таинственное озеро. Плеснула большая рыба, утка с выводком, все зеленое, густое.

Мы были вечером, а к ночи собирается много народа, танцы и веселье.

Воскресенье, город вымирает. Обошел два квартала, встретил одного негра, который для безопасности, увидев меня, перешел на другую сторону улицы.

К вечеру Регине захотелось пойти в Зоосад. Приехали. Билет стоит 10 марок, до конца осталось меньше часа. Решила не тратить такую кучу денег, и мы поехали смотреть Рейн. Я немножко чувствовал себя приматом. Рейн, оказывается, зажат между множеством заводов, и место, куда мы приехали, единственное, где можно походить и посмотреть на Рейн. Вода мутная, воды много. Мост, дальше заводы и заводы, баржа, двое и собака, трое и собака, один и собака. Недалеко на площади громыхает усилитель, немногочисленные зрители пьют пиво и вино, что-то едят. Пошел дождичек, и мы уехали. Кладбище, где похоронен Буби. Ухоженное, чистенькое. Все в цветах, запахах цветов. «Вот здесь мои родители, вот здесь буду и я» и т.д. Ходят старушки такие же ухоженные: «Гутен таг».

18–19 мая

Сегодня проснулся рано, утро очень колоритное. Лень было пойти на улицу, я уверен, что эти бездушные улицы были бы почеловечнее от этого колорита. Зато после завтрака наконец-то решил поработать. Когда легко на душе, а такие минуты бывают редко, хочется работать и, может быть, даже что-то и получается.

Пожалуй, самое лучшее место в Крефельде – это дворик, внутренний дворик, колодец. Вчера вечером летучие мыши улаждали мой взор, есть тайна в этом дворике, глицинии и те становятся таинственнее. А сегодня опять птицы, солнце и Жасмин (кошка) караулит момент «фрюштюка» (завтрак). Голуби ее игнорируют – зря.

Сегодня проснулся в 4 утра и стал писать, столько сюжетов, вечных, которые я пишу все время: «Женщина и скорпион», «Минареты поют», «Дорога в Ходейду», о многочисленных базарах я и не говорю. «Рыбный базар в Ходейде». А «Базар в Сане»? Лишь бы хватило сил и запала, бумаги много, холсты будут.

22 мая

Вечером ночной Крефельд, Рейн, огромный теплоход стоит у причала, утром он отправится в Голландию. Ночные пивные, колыхание людей за огромными окнами, не слышно шума, что-то приглушенное. Пустые площади, темные силуэты соборов, ни души на некоторых улицах.

23 мая

Огромная ярмарка, или я уже не знаю что, базар с представлениями. Рыцари и пр. Лавки с сувенирами. Везде эти лавки с сувенирами, просто какой-то обвал сувениров, людям нравятся эти безделушки. Я уже старый, наверное, ворчу, но эти сувениры мне никогда не нравились, нигде.

Я не могу работать, в доме нерабочая атмосфера, гости и вообще. Сегодня проснулся в 4, есть идеи, но мне нужна обстановка. Ничего, подождем, торопиться пока некуда. Завтра, может быть, Антверпен, выставка Ван Дейка, но это завтра, а сегодня подруги приходят к Саре, будет ужин, потом мы куда-нибудь пойдем, пока молодежь веселится.

25 мая

В Крефельде. Дворик, до неприличия раскрытые маки, все ухожено, чистенько, красиво.

Много разных фигурок кошек, и мягких, и керамических.

Все ищу что-нибудь интересное на базаре, очень уж одинаково, конечно, нет того колорита, который можно только придумать, но можно при этом кое-что увидеть.

Сегодня долго в магазине CD смотрел и выбирал. Нет ничего, что бы хотелось купить: Фишера Дитриха нет, кантат Баха или соло для виолончели, и многого другого, что хотелось бы, тоже нет.

26 мая

Сегодня прогулка в какой-то городок в 100 км от Крефельда. Этот город Kleve – когда-то резиденция королей и, конечно, с ним связаны разные войны. Весь в зелени, на холмах, холмы в огромных кедрах, а может быть, это дубы, которые не обхватишь, в 5 м шириной, высоты просто необыкновенной. И вдруг среди всего этого зеленого таинства – беседка, рядом фонтан, стоит Лоэнгрин, подерживаемый 4 лебедями. Панорама, видимо, парк был разный: то немецкий, то французский, то английский, каналы, красиво. В городе много красивых особняков, архитектура и испанская, и мавританская, мозаика, много цветов, туристов, богатые магазины. Много роскошных вилл. Тихо, спокойно, празднично. Сделал пару рисунков. Ничего такого, что бы хватало за душу или заставило задуматься о живописи.

30 мая

Сегодня Сара уехала в Гамбург. Мы ее проводили. Хороший вокзал. Сверху это стеклянная беседка, внизу это большие пространства. Потом поехали в какой-то городок, но заехали в другой, и там небольшое гулянье, небольшая ярмарка.

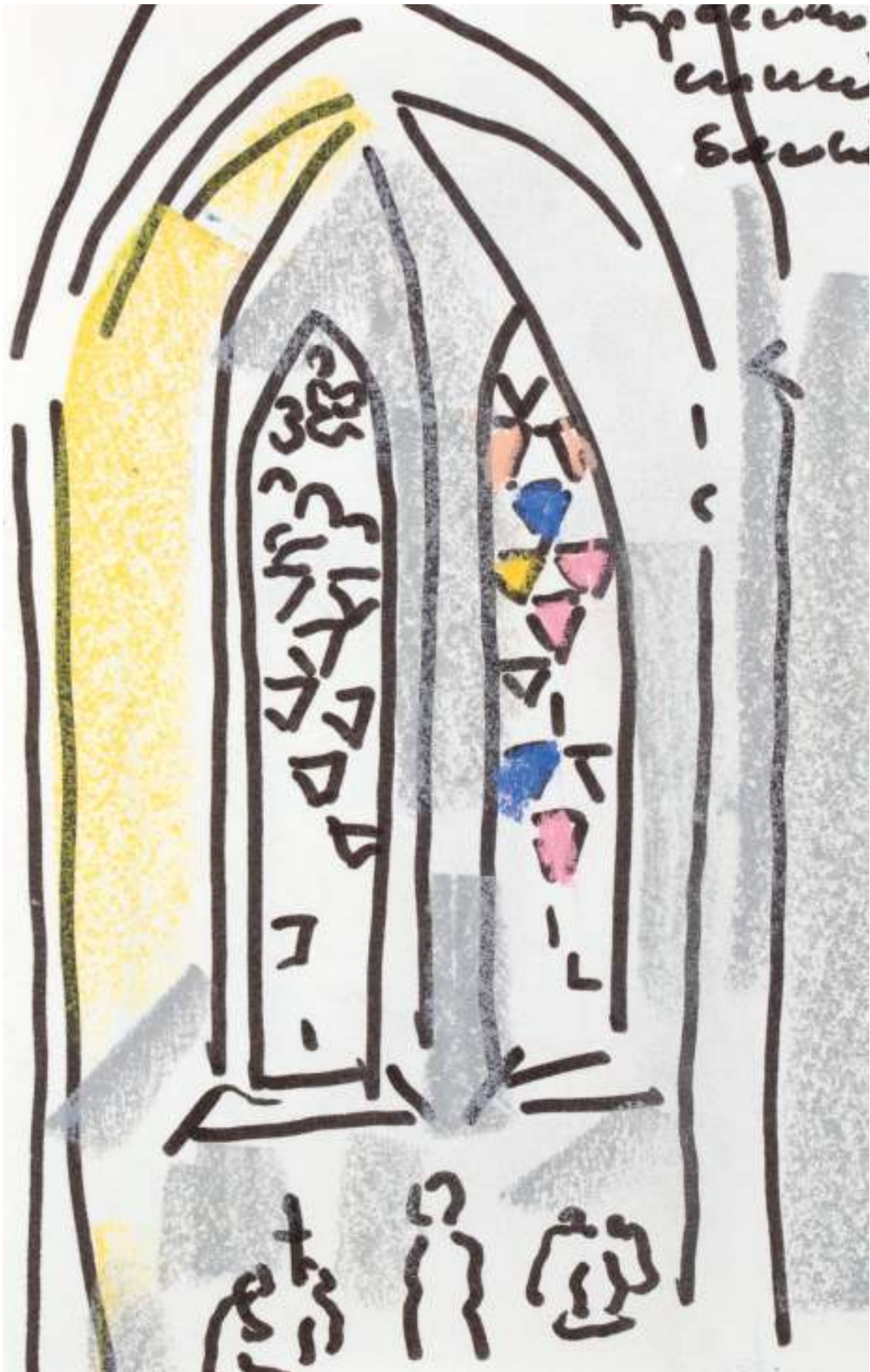
Эти маленькие городки похожи друг на друга. Потом мы остановились еще в одном городке, крошечном, но там было все, что нужно для жизни, и красиво. Миниатюрная площадь, пожарные показывают свои машины и уменя, все тихо сидят, пьют пиво – благодать.

1 июня

Сегодня пошел в турецкий магазин. Купил мяса, баранины, специи – сладкий перец и зру. Пришел домой – «Зра» это фирма, а вместо зры – мята. Мята тоже ничего, но для каурмы лучше зра или тмин. Тмин купил только к вечеру, когда каурму уже съели. А зры нет, я еще раз зашел в турецкий магазин, все просмотрел, может быть, она молотая.

Завтра или послезавтра какие-то религиозные праздники, вроде нашего Крестного хода. Регина предлагает посмо-

Handwritten text in the top right corner, possibly a title or description, including the word "Bach".

Handwritten symbols or characters at the bottom of the drawing, possibly representing a signature or a specific set of characters.

треть. Сегодня пасмурно, и город, улицы выглядят интересней. Зажглись рекламы многочисленных пивных, они еще неярко горят и сливаются с закатом, который едва чувствуется – пасмурно, парит, видимо, будет дождь.

3 июня

Поехали в какой-то городок (Хантен), там сохранился римский амфитеатр, есть римские постройки. Один очень старый дом с витражными окнами. Витражи оригинальные и примитивные, но очень хорошо подобраны по цвету стекла. Охра, зеленая, серебристая, коричневая, желтая. Внушительный собор с красным витражом, очень впечатляет, внутри мрачно, как всегда, и витраж дает радость, несмотря на сочетания красного и черного, серого и белого, серебра и золота. Красный очень декоративен и монументален, остальные мелкие и сюжетные. Ветряная мельница, рядом Рейн, ярмарка по случаю праздника. Американские карусели, шум, грохот, все сверкает и куда-то летит.

4 июня

Как мало нужно человеку. Сейчас бы поехать в Дюссельдорф, зайти в магазин красок и побыть там часа два. Вот мое скромное желание. Купить несколько новых красок, пастель, масло, посмотреть фломастеры, альбомы, которых великое множество.

Вечером приехала Сара. Два дня будет «тамаша», видимо, не до работы. Завтра придет и брат Горки. Суббота и воскресенье – праздники, день рождения Сары «Geburtstag».

Мало, мало нужно человеку, немного куда-нибудь поехать, немного что-нибудь посмотреть, что-нибудь выпить и съесть.

7 июня

Кто-то из великих играл на фортепьяно с утра до вечера, бесконечно. Эти клавиши выбивают из головы все. Немцы привыкли к музыке, как к завтраку или унитазу. Но сложнее музыка для них в тягость. Я сужу по компакт-дискам.

Нельзя быть злым и ворчливым. Не укоряй себя, сказано в Коране, но и не давай волю своему возрасту и характеру.

Какой пустой телевизор и у нас и здесь.

8 июня

Пошел купить тетрадь, такую, в которую сейчас пишу, – нет. Есть в линейку, клетку, с толстой бумагой нет. Прошел по базару, фрукты, овощи, барахло, толпа, иногда русская речь, много турок. Вглядываться в это все, изображать – нет желания: чего-то нет, без тайны. Базары там – на Востоке. Сана, Хадрамаут, Куня-Ургенч, Ташкент, в конце концов. Суюн – какой базар, до сих пор нет этой работы. Крытые базары в Фесе, Суюне, Сане, а рыбный базар в Ходейде, а ночной базар в Ходейде, а в Фесе ночью, а в Сане ночью!.. Джинны, кромешная тьма, золото, серебро, тени. Вот тени – о них я иногда забываю; золотая лавка.

9 июня

Сегодня среда. Немного прошел, погода хорошая, ноги почти не болят, только немного голова. Думал о том, что скоро возвращаться, и только тогда пойму, что здесь было хорошо, и для скуки не было времени, и было все, чтобы я работал. Что меня ждет в России? Хорошо, что пока есть мастерская, как будет с деньгами, как будет с поездкой в Прагу и будет ли эта поездка? Только одно пока стабильно – это, что не будет холода в ближайшее время. Этот год – сплошное «иншаллах».

10 июня

Каждые 15 минут с кафедрального собора – звон. После 12 звонит долго, муэдзин поет, собор звонит, долго возвещает прихожанам, чтобы они не забывались и помнили, что они лишь овечки и что они только гости в этом мире. По моему, немцы это понимают и все делают немного тихо, чтобы, не дай Бог...

А я все время жду своего часа, когда мы куда-нибудь отправимся, хотя бы в Антверпен. Может быть, и в Амстердам. Море, оно, видимо, холодное, купаться нельзя, но все-таки море. «Не надоело ли тебе там?» – спросил Тарасов. «Нет», – сказала я.

11 июня

Выставка Ван Дейка. Работы из Парижа, Вашингтона, Мадрида, Петербурга, Мюнхена – со всего света. Есть о чем подумать. Он много делал на заказ, виртуозно и талантливо, но это видно – на заказ, много одинаковых приемов, эффектно, особенно платья, натурально цвет тела.

Очень хорошие вещи, композиция, цвет. Этот прием – светлое на темном, именно коричневом, очень интересно. Библейские сюжеты или парадные портреты, гризайль, школа Рубенса, все должно быть прозрачно.

Город очень интересный, было пасмурно, но именно «дункель» (нем. Dunkel – «темно». – Ред.) хорошо для этих городов. На сером, различных оттенков, от почти черного и неба тоже, до светящегося серого. Немного рисовал. Это колоритный город, и я даже завидовал людям, которые живут в нем. Много мусульман, значит, им хорошо в этом городе, раз живут.

13 июня

Работал как сумасшедший, никак не мог остановиться. Идея-бзик – коричневое. Завтра хотят купить большой холст, едем в Дюссельдорф. Времени осталось мало, но тем интереснее – сумею ли я написать. Хороший обед, китайский, и потом «шпацыфын» по ночному – вечернему Кремфельду. Фестиваль, джаз-банд, громкоговорители, такое впечатление, что все чокнулись на этом грохоте. Очень хороший теплый, розово-охристый колорит, рекламы, светящиеся приятным светом, рекламные фонари.

14 июня

Очень хороша другая сторона Рейна: старые дома и деревья, зеленые газоны, которые иногда затопливает Рейн,

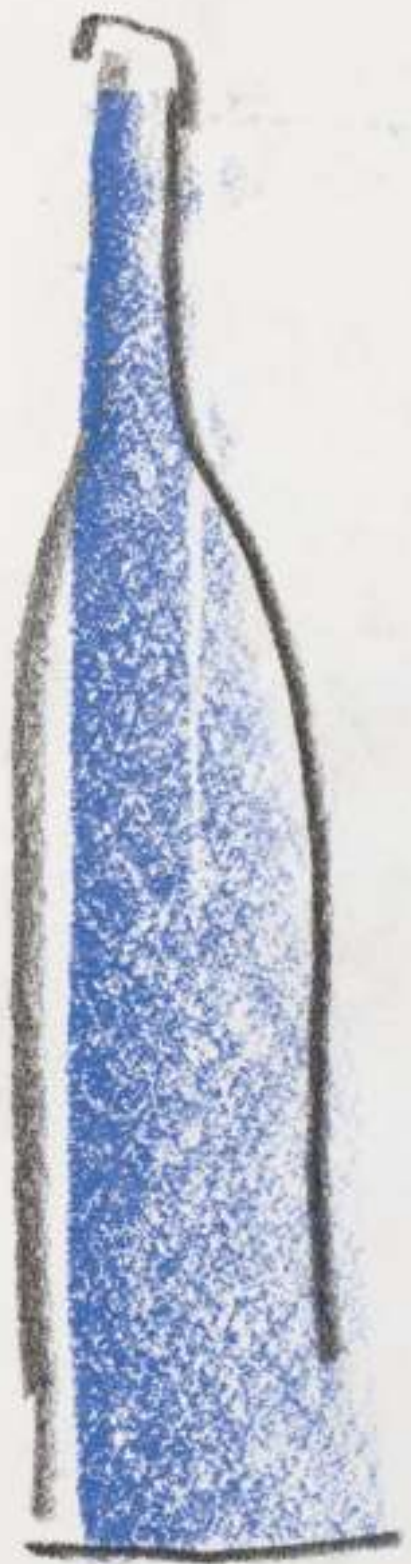
какой-то человек сидит и смотрит на Рейн, он крошечный, крошечный трамвай по мосту, какое-то суденышко, ветер упругий, теплый и свежий.

Масло всегда сложнее и неопределеннее, редко бывает уверенность – что делаешь. Если даже есть уверенность, то это не значит, что работа получится, иногда это еще хуже, чем неопределенность. Вечное сомнение – определенность – и обратное. Составляешь колера, зная, куда их положить, а потом кладешь не туда или вообще их уничтожаешь. Что? Не торопиться или наоборот, сейчас быстро или подождать – утром или вечером, а может быть – после обеда, а может быть – уже прозевал время, и поэтому не получится...

Почему-то болят ноги, ведь не болели, может, отложим на завтра, а времени мало, нужно начинать. Успокоиться и начать, а что? А как? Или сначала подкладки и протирки?..

16 июня

Вот едет грымза цвета «казы», я имею в виду конскую колбасу; рядом бежит собачка, довольно быстро. Она едет на велосипеде, как бы не замечая собачку. Как сказал бы Иржи – я не знаю, что такое «гримза», но очень похоже. Мы сидим на веранде какой-то виллы знакомых Регины, пьем пиво, едим и разговариваем. Я не разговариваю, смотрю в вечернюю мглу и слушаю крики каких-то птиц. Внизу большой зеленый очень ровенький газон. Белая загородная цапля стоит на одной ноге, вдали белая скамейка в старом стиле. Мы приехали продавать мои пастели. Купили одну, мы привезли много. Купили марокканскую желтую «Улица в Фесе». Эти люди любят желтое: стулья желтые, скатерть желтая, на хозяине желтый жилет, несколько графических работ в золотом колорите. Ну и вот моя желтая работа займет место в этой прекрасной вилле. Он архитектор на пенсии, она учительница, работает с Региной в школе. Архитектор выпил уже довольно много пива и теперь жестикулирует всем телом. Хозяйка сочувственно смотрит в мою сторону – мол, это ужасно, что я не понимаю ничего. А это блаженство, потому что это обыкновенный кухонный треп. Я слушаю, как кричит сова, наверное, это сова, крик приглушенный со свистом. Иногда про шумит вдалеке поезд.

ДОМА

БАЛАШИХА – МОСКВА

Декабрь 2000 года

4 декабря

Сегодня дома, на дворе мрак, моросит дождь, несколько звонков друзей. Работать не хочется, но что-то проявляется, какие-то обрывки композиций и куски краски, какие-то мазки, что-то связанное с Амстердамом.

15 декабря

Сон. Разговариваю с Иржи, говорю ему, что хочу написать серию работ на тему Амстердама. Девочки в клетках (густой колорит), весело и т.д.

«Портрет с хамелеоном» и «Царица Савская» – тоже там.

2002 ГОД

1 апреля

Видел сон: «Амстердам весной».

23 августа

Утром читал дневники Кафки, конечно, нужно родиться таким, прочищает мозги. Вспомнил Прагу и домик, где он жил.

31 августа

Видел сон: колорит, золото, неаполитанская желтая охра, нежная, какие-то фигуры, собака, небо теплое, серое. Опять: Царица Савская (витраж, темная фигура).

Дюссельдорф, разные гаражи, подземные и многоэтажные. Сам город. Архитектура абстрактная. Повесил дома «Отдыхающего араба». Оказывается, вот именно она и получилась, а я помню, уже мазал, не глядя, отчаявшись. Держит всю комнату, есть тайна.

3 сентября

Видел сон. Тороплюсь работать. Лихорадочно складываю альбом и краски.

Внутренний свет, разного цвета. С одной стороны резко, с другой – мягко, легко. Много разного цвета, неизвестно откуда. Здесь и Германия, и Йемен, и улица, и интерьер. Петер с кошкой. Сначала по замазанному, а потом с другой стороны смягчить.

5 сентября

Немного мазнул.

6 сентября

Лицо, как бы его нет, есть только выражение, и это дает свободу рисунку. А может, я ошибаюсь, если нет лица, то почему – выражение?

12 сентября

Забил рейку в окне и нашел место для палитры.

13 сентября

Зеленый интерьер. Отражение, дверь, само пространство, от неба, от внутренних предметов, от витражей.

16 сентября

Уже почти стал писать.

На зеленом – Фес

На сером – Амстердам

На желтом – Ходейда

На белом – ?

18 сентября

Если свободно замазать холст каким-нибудь цветом, замазать прозрачно, мастихином тоже можно, но лучше большой кистью, оставляет куски, какие нужно по размеру и форме, а может, холст уже прокрыть разными цветами. Потом оставшиеся куски уже прокрыть как нужно, что это? От этого и исходить.

Возможности большие.

Амстердам, девушки

Ходейда, утро

«Суюн в сумерках»

Просто «Город»

Город ночью

19 сентября

Пока не замазал холст.

Поменять в Музее Востока работу «Базар апельсинов».

Очень много берет на себя. По-моему, она хорошо держится в этой компании, не дает себя обидеть. Окружение мощное, или она держится хорошо.

Работ много, но замены пока не найду.

20 сентября

Очень пасмурный и серый день. Дункель.

Вдруг ясно увидел пейзаж в Шаартузе. Ясные дали с одной стороны и желтое солнце в темно-сером мареве. Кафирниган, хлопок?

Фес – неоновые огни. Касабланка.

22 сентября

Сегодня день рождения Иры (дочь Е.Н. Кравченко. – Ред.).

3-й концерт для фортепьяно и оркестра Рахманинова.

Вспомнил я Кемпен, окно в садик небольшой, окно большое.

Сад осенний и эта музыка.

23 сентября

Дождь, дункель, сыро.

25 сентября

Светло, но сыро и холодно.

26 сентября

Обилие дверей, красиво.

Июль–август 2001 года.**Выставка в культурном центре корейского посольства в Москве****5 июля**

Сегодня на выставке: Надежда Шек, я, Оля Милько (художница, жена скульптора А. Милько. – Ред.) и две корейские девушки. Одна говорит по-русски, она пришла со своей госпожой и переводит ей на корейский, первое впечатление, что она говорит одно и то же слово, показывая на каждую работу.

6 июля

На выставке один я.

Как хорошо смотрится «Лабиринт» – один на целой стенке. Я сам увидел много нового. Как нужно абстрагироваться, чтобы правильно замазать холст, особенно в последний сеанс... Если смотреть от желтого через 3 пространства – синее (индиго) сверкает. «Горячий город» не смотрится замученным, он горит изнутри, из горячего «нутра». Этого я и хотел добиться.

«Оранжевый базар» – ткнуть несколько раз широкой кистью оранжевой и потом осторожно обработать другими цветами, белого много.

Залетела большая оса посмотреть на мои работы, но в ужасе улетела.

«Шибам» мне казался очень замученным. Здесь он крепкий и густой и дышит, правда, через горячую пыль.

10 июля

С Юрой (Ю.Н. Лариным. – Ред.) на выставке. Юра потрогал стены и сказал: «Видишь, как все сошлось, и стены фактурные, и твоя живопись тоже фактурная, мои картины здесь бы не смотрелись». Мы были вдвоем. «Кто

приходит в библиотеку, те заходят, смотрят», – сказала дежурная. На выставке тихо и хорошо.

12 июля

Сегодня я один на выставке. Даже господина Чоя нет. Вчера звонил В.Я.С. – должен прийти до 15, сейчас 13.30. Три дня было прохладно, вчера и сегодня душно, влажно, +30°. Мальвы расцвели в палисаднике около нашего дома: бледно-розовые и темно-фиолетовые.

Какой-то новый вариант я задумал в Германии, там мальвы маленькие розовые и растут густым кустом.

Интересно – красота в живописи появляется неожиданно и не специально, когда ты делаешь специально, то это видно.

Сегодня рассматривал «Лабиринт» – и качество, и красота, и некоторая неожиданность мазка и проемов между мазками не перестает приятно удивлять.

13 июля

Стрижи, мальвы, собаки, кошки, река, мост, фигуры, фиолетовая девушка, пивной павильон, улица, дорога, автобус, церковь, светофор.

Я опять сегодня один на выставке, но грозилась прийти Саша с Митей (А.А. Волков с сыном Дмитрием. – Ред.), жду. Опять хороший светлый день. Информации о выставке пока никакой.

19 июля

На выставке пока я один, должны прийти Алишер (А. Саматов, сотрудник Музея Востока. – Ред.) и Виктор Яковлевич. Я пришел – дверь закрыта – перерыв на обед с 12.30 до 14. Дошел до Пролетарского универмага, купил воды. Бар, казино, безжизненные пространства, охранники, противно, выпить воды негде, спрятаться от солнца – тоже, все блестит металлом, бетон. Ну ладно. Вернулся, посидел перед входом и зашел на выставку. Через некоторое время пришел Алишер и затем Виктор Яковлевич. «Все понравилось, все хорошо, но вот белое открыто, нужно его обрабатывать», – сказал Виктор Яковлевич. Я не стал возражать. Но поэтому это выразительно и чисто. Всякие разговоры об Интернете, о каких-то коллекциях. «Да, да, это шедевры, это жалко продавать, нет, это гениально,

деньги – это говно». А я стоял и думал, что через 2–3 дня мне нечего будет есть.

Выставка хороша, производит впечатление, я опять получил удовольствие. Мне очень хотелось посмотреть на нее глазами еще не видевших ее.

21 июля

Вчера на выставке не был, а сегодня выходной. Все Волковы на даче, многим я не звонил, кто в такую жару пойдет на выставку. Апчинская на две недели уехала в Калугу.

На выставке не видно господина Чоя, наверное, в отпуске. Продлится ли выставка? От Шек – ничего. Борисова (искусствовед Елена Сергеевна Борисова, подруга Н. Шек. – Ред.) не звонит.

23 июля

Сегодня выставка открыта, но я не был, что-то немного устал. Сегодня на выставку приходил Светлов И.Е. (искусствовед Игорь Евгеньевич Светлов. – Ред.). Потом звонил. Интересный разговор, дословно не помню. Бекман, художники XX века, информация, когда есть, когда ее нет, внутренняя идея и т.д. Идея города, ночи и т.д. Смелее – вот это самое правильное.

24 июля

Я на выставке – один. Вчера звонила Т.Г. (Тамара Григорьева, художник и искусствовед. – Ред.). Хочет прийти и кого-то привести. Вчера звонил С.Х., опять позвонит в пятницу. Звонила Л.Г., она придет только после воскресенья. Юра (Ю. Ларин. – Ред.) приехал с дачи, сидит дома и канючит. Тема – унитазная.

Светлов – человек странный, когда-то он понял, что живопись – концентрация и информация, иногда этого много, а иногда – мало.

По-моему, «Волшебный пейзаж» нужно развить и сделать серию.

Белое почему-то нужно обрабатывать, а синее, желтое и красное – не нужно?

Жарко, и много разговоров о воде. По телевизору врач: «Нужно пить только утром и вечером, а днем – нельзя, как растения поливают утром и вечером. Пить надо

мало – пить надо много. Холодное пиво пить нельзя. Туркменская пословица: «Видишь воду – пей».

30 июля

Я опять на выставке. Пришла целая семья Асмик (Асмик Кочарян, художница. – Ред.) – папа, мама и она. Выставка не могла не произвести впечатления. Сегодня должны еще прийти Андрей Волков и Ю. Черноб., в 14 ч. Подожду до 14.30.

Вчера, в воскресенье, приезжала Л. Гульянц (журналистка, много лет работавшая в Фергане. – Ред.) к нам в Балашиху. Я делал плов – называется «ташкентский». Почему «ташкентский»? – потому что с печенкой. Когда-то очень давно я ел плов именно с таким названием на Кумлаке. Получилось ничего, в грязь лицом не ударил. Приезжали на плов Коля с Мариной (племянник Е.Н. Кравченко с женой. – Ред.). Завтра, если получится, Коля с друзьями снимет выставку на цифровое фото и видео, дай Бог. Тамара (Т. Григорьева. – Ред.) хочет сделать информацию по выставке для Интернета. Она активна и мудра, куча планов.

13 августа

Сегодня, кажется, я получу визу в США. Через пару дней привезут паспорт домой. Посмотрим. Я на выставке сфотографировал работу, которую, может быть, Ира (дочь Е.Н. Кравченко. – Ред.) повезет с собой. Посмотрел выставку в Интернете – красиво, текст нормальный.

14 августа

Пришел на выставку, чтобы снять и демонтировать работу «По дороге в Ходейду». Уедет путешествовать в Америку. Перевесил на ее место «Горячий город», подвинул вправо «Базар в Сане». Что-то изменилось, но хуже не стало.

30 августа

Сегодня я на выставке один, жду из Истры Люду Д. (Л.М. Денисова. – Ред.).

Звонила Ира Ш. (И. Шикина, одноклассница дочери Е.Н. Кравченко. – Ред.) из США, они уже дома, работу довели, на таможне кто-то работу помял, что-то хрустнуло, без этого не бывает, когда перевозишь работы. Вообще эта работа написана пастозно, и я за нее переживаю,

когда я снимал ее с подрамника, что-то треснуло, когда везли, тоже, а буду обратно натягивать, еще что-нибудь треснет. Теперь мне нужно доехать, чтобы привести ее в порядок.

Вчера показывал работы для продажи. Все было хорошо, пока не коснулись цены. Покупатели сказали: «Будем думать», – и ушли.

Продал «Два минарета». Слава Богу, можно немного вздохнуть.

Юра (Ю.Н. Ларин. – Ред.) завтра уезжает в Болгарию. До этого сплошная унитазная тема. Еду я в метро, заходит старуха, очень похожая на Юру. Садится, и я думаю, как же бывают похожи люди. Юрино лицо, страдальческое и очень грустное, я бы сказал, безразлично-грустное. И вдруг она достает из пакета унитажную деталь... Рассматривает, что-то дергает, крутит и потом с грустью кладет обратно.

Приехала Люда. Мне очень понравилась ее реакция на выставку. Ее сразу заинтересовали новые работы. Большая – «Базар птиц в Хадрамауте» и «Шибам». Это то, что и мне интересно. Я очень рад и постепенно прихожу к мысли, что правильно оставил их на выставке.

15 сентября

Декоративное начало – это не только мощь и сила цвета, это еще и смелость, что так необходимо для художника-создателя, я говорю – создателя, потому что есть разные художники, для некоторых живопись – это мастерство, для некоторых это необходимость для жизни, а художник-создатель – это художник, который хочет сделать что-то новое.

Из видеointервью Е.Н. Кравченко в августе 2009 года
(записано Еленой Борисовой)

... Прекрасная фраза, которую говорят все время: «А чем же кормить детей?» Разве искусство в этом – прокормиться?! Страдай, в конце концов. Вот и все.

... Когда художник хочет сделать карьеру своим искусством или заработать замок себе или там еще что-то – я считаю, что это ерунда полная. Конечно, есть и такие художники, как вот Илья Глазунов или Шилов. Никуда от этого не деться, они были всегда, и при царе Горохе.

Женя, но ведь у всех есть семьи, обязательства какие-то. И чтобы добиться коммерческого успеха, наверно, надо поступаться какими-то вещами? Идти туда, где, может, не так комфортно и тебя не так любят, но зато заплатят больше.

Ну, во-первых, никто не заплатит, эта возможность бывает очень редко. Обычно так – ты даришь, и очень редко бывает, что кто-то что-то купит. У меня была выставка в Союзе художников, тогда был Союз полноценный, там был выставочный зал прекрасный. И вдруг мне одна сотрудница говорит: «Вот один чех, ему понравились ваши работы, если можно, приходите». Я пришел и познакомился с этим человеком, Иржи Цингрошем. Сколько я потом ездил в Прагу! Он купил очень много работ и платил хорошо.

Или была марокканская выставка в Музее Востока. Мне смотрительница говорит: «Какая-то дама иностранная что-то говорит, и я ничего не пойму, но вот записка». Там написано по-русски: «Позвоните по этому телефону». Я звоню по этому телефону. Кто-то по-немецки разговаривает, потом кто-то взял трубку и по-русски говорит: «Она – немка, и ей очень понравились ваши работы, она хочет вас пригласить в Германию». Оказалось, она преподавательница русского языка, Регина Симон. По-русски ничего не знает совершенно. Я по-немецки тоже. Но когда я был в Германии, я там немного мог разговаривать. Короче говоря, мы договорились, и я ездил раза четыре к этим немцам, они прекрасные люди... Прекрасно относились, совсем как к родственнику.

... Все идет от натуры. Вот Кандинский, основоположник абстракционизма. В его книжке написано, как он к этому пришел. Да очень просто – пришел в мастерскую, одна работа стояла кверху ногами, вот и все. И он понял, что вот это и есть интересно. Его ранние вещи совершенно реалистичны.

Тем не менее художник, даже полный абстракционист, если видит свою работу в музее повешенной вверх ногами, ужасно огорчается.

Я, например, не обижаюсь... У меня в каталоге две работы вверх ногами напечатаны. Оно даже лучше стало. В Музее Востока повесили картину кверху ногами. ... Картина была не совсем, естественно, абстрактная – это «Зеленый интерьер», и все предметы как бы растворены в этом интерьере...

Как складываются отношения с музейщиками? Это просто деловые отношения?

Я соглашаюсь делать выставку там, где меня любят по-человечески, и как художника, и как человека, и я их тоже люблю. В Музей Востока я прихожу как домой, там мне нравится. Или в Истру, в Ново-Иерусалимский музей. А вот в Союзе художников сейчас выставка – я уже думаю, кто там будет? Я знаю, что там будет много всего такого, что мне совсем не нужно.

... Сейчас мне позвонил представитель первой секции живописи: «Женька, я тебя нашел, наконец-таки. Ты знаешь, уже никого нет. Все померли, а вот ты один живописец остался». Я говорю: «Это почему произошло? Потому что они пили портвейн, а я пью водку и поэтому каким-то образом еще остался жив».

... Я тоже реалист, между прочим, отношения к абстракции я не то что не имею, я люблю абстракцию. Одно время я ею занимался, когда нельзя было, – для того чтобы как можно больше подойти к природе, как можно реальнее выразить то, что я хочу. Абстракция помогает, потому что рисунок сковывает. Вдруг ты можешь спокойно нарушить рисунок и делать пятно какое-то совершенно свободно. Я считаю, что художник обязательно должен знать абстрактное искусство и все современные формы, и тогда можно идти дальше.

А как вы относитесь к новейшему актуальному искусству?

Оно существует, хочешь ты или не хочешь. Я был в Дюссельдорфе, и там выставка Кабакова. Большой художник, талантливый. Три зала больших и листики, гвоздиками прибитые. Там всякие слова: «Я пошел за огурцами», «Я купил бутылку водки». Как в анекдоте: «Дети, запишите условие задачи: У тети Масы есть два соленых огурца, а у дяди Вани бутылка водки. А что им еще нужно?» Ну, в таком духе. Это написано на бумаге, это все смотрят. Я помню, был на японской выставке, из песка такие бочки разного цвета – это, может быть, и красиво, декоративно. Я уж не говорю об инсталляциях: там и порнография, и все что хочешь. В Швейцарии я был в Базеле, там есть современный музей, но это даже рассказывать нельзя. А все блаженствуют. Я не хожу в последнее время, не хожу на инсталляции.

Я запомнила вашу фразу, иногда ею пользуюсь – когда-то, еще 20 лет назад, от вас услышала, – что не надо ходить на плохие выставки, нельзя глаза портить.

Правильно, надо глаза беречь. Сашка – он говорит, что нужно все смотреть, и плохое тоже. Некоторые, действительно, в основном плохое смотрят. Когда-то я этого много видел всего... раньше было не так много хороших выставок.

... Мы не знаем, что будет завтра, конечно, но я считаю, что актуальное искусство, компьютерные разные вещи – это вполне естественно. Пусть это будет. Как говорил Мао Цзедун: «Пусть расцветают все цветы». И тогда будет видно, что настоящее, а что нет.

... Есть такие ценности, как живопись. Говорят, что живопись – ее уже нет, всё. Я был в Германии. Мне немец говорит: «Ты какой художник? Вот такой (жестами показывает работу художника с натуры) или настоящий?» С натуры уже что, не настоящий художник?

... Все-таки, прежде чем работать, надо увидеть, а потом уже можно из этого делать все, что тебе угодно и как угодно. Но если ты не видишь, а что-то выдумываешь – ничего не придумавешь, все уже выдуманно.

А увидеть можно как-то по-новому?

Увидеть, конечно, можно по-новому. Это зависит от самого художника. Допустим, есть колорист, цвет видит. Мой приятель чех Иржи – мы с ним в Йемене сидели и смотрели – очень красивые холмы, такие кипарисы прекрасные. «Какая, – говорю, – розовая гора!» Он говорит: «Ну что ты, с ума сошел? Какая же она розовая? Ты что, так действительно видишь, что она розовая?» Ну, я точно вижу, что она розовая, а он не видит. Он видит как бы отдельно эту гору, и она для него просто серая, и все.

Но я вот что хочу сказать... если ты не используешь натуру, ты просто не можешь идти дальше. Сколько лет я видел закаты, восходы, солнце и вечер, ночь. И все равно это надо еще раз и еще раз видеть...

Из прощального слова Дамира Рузыбаева, прочитанного Александром Волковым на вечере памяти Евгения Николаевича Кравченко 21 января 2011 года

Женю я знал еще по училищу, но по-настоящему сблизилась и подружилась мы в Маргилане. Я уехал туда вместо Питера, куда меня определили на учебу. Оказался я там не случайно: во-первых, это родина моего отца, во-вторых, еще Валерий Александрович Волков говорил мне: «Ты должен поехать в Маргилан». В один из приездов в Ташкент я встретил Женю, удрученного своим провалом в Ленинграде и работой в какой-то шарашке. Я убедил его, что жалеть об институте не стоит, и предложил маргиланскую альтернативу, он согласился, и мы были в Маргилане уже вдвоем. Так случай определил наши творческие пути, но случай ли?... Родившийся, можно сказать, в песках, он легко перемещался по этой земле, влюбленный в ее природу и живопись.

Тогда мы еще по-серьезному ничего не умели и, подобно слепым щенкам, нуждались друг в друге и старались нащупать каждый свою тропу, вдали от общей магистрали советского искусства. Мне кажется, что мы выжили в Искусстве, окрепли и обрели себя именно в Маргилане. К тому же судьба привела нас к творчеству А.Н. Волкова, а роль его сыновей для нас известна.

Я думаю об этом, глядя на свой ранний маргиланский этюд у себя в спальне и прекрасную гуашь Жени примерно того же времени. И улица на них изображена одна и та же, но насколько они разные!

Женя работал много, мне всегда нравилось смотреть, как на его холстах появляются как по волшебству удивительные цвета, подвластные только ему. Это было счастливое и беззаботное время. Мы любили, например, садиться в проезжающий грузовик, не спрашивая, куда он едет. Каждый раз оказывались в новом месте, всегда интересном. Мы были свободны, и результаты были, особенно у Жени. Мне кажется, он окреп раньше меня. Работы у него накапливались, и настало время необычной выставки, которая состоялась в чайхане. Картины, созданные вблизи этой чайханы, удивительно органично вписывались в эти стены, посетители искренне радовались такому празднику. А Женя сдал свой первый серьезный экзамен: подобной выставки, по-моему, ни у кого не было.

Не могу не сказать о нашей последней поездке вместе с Сашей Волковым в Бухару и Самарканд в октябре 2010 года. Все было сказочно, великолепно. Но Жени с нами не было, и нам так его не хватало, обычно нас было трое.

Нам всем и теперь его не хватает, но осталось его искусство – прекрасное и самобытное, похожее только на Кравченко. Художников нынче много, но колорист среди них – такая редкость! Кравченко был колористом от Бога!

Краски и альбомы разложены...

СЛОВАРЬ

имен, географических названий,
отдельных терминов, иноязычных слов и выражений

АБРОВЫЕ ТКАНИ (от перс. «абр» – облако) – шелковые и полшелковые узбекские ткани, окрашенные способом «икат», при котором в результате резерва перевязываемых участков основы на ткани получаются живописные узоры с расплывшимися контурами

АЙВАН – крытая терраса или навес, пристроенный к дому

АКТАШ (от тюрк. «белый камень») – курортное место в 65 км от Ташкента

АКТЕПЕ (от тюрк. «белый холм») – канал в Ташкенте, получивший название от городища Актепе. На этом месте в период государства Чач располагалось укрепленное поселение

АЛЬБАСТЫ – женский демонический персонаж в мифологии тюркских и некоторых других народов

АПУХТИН Олег Константинович – директор республиканского художественного училища им. П.П. Бенькова в Ташкенте с 1950 по 1965 год

АПЧИНСКАЯ Наталья Вячеславовна – искусствовед, ведущий научный сотрудник Государственного музея Востока, автор каталога выставки Е.Н. Кравченко 2007 года

АСМИК – Асмик Кочарян, художница, ученица В.А. и А.А. Волковых

АФГАНЕЦ – сухой ветер с пылью в верховьях Амударьи

БАЙРАМ-АЛИ – город на юго-востоке Туркменистана, в Мургабском оазисе

БАЙСУН – город в Сурхандарьинской области Узбекистана

БАЛА-ИШЕМ – населенный пункт у колодца на Узбое (древнем русле Амударьи), на караванной дороге из Кизил-Арвата в Хиву, Туркмения

БАРАКК – мучное блюдо среднеазиатской кухни, готовится в качестве ритуального угощения

БЕДАНА – разновидность поющей перепелки. В Узбекистане бедана обычно содержалась в плетенных из прутьев клетках, которые подвешивали на ветви деревьев рядом с домом

БЕШАГАЧ – площадь в Ташкенте на месте некогда существовавших ворот городской стены. В настоящее время рядом с площадью находится известный в городе базар, а также центральный вход в парк им. А. Навои

БРИЧМУЛЛА (от узб. «долг муллы») – поселок в горах западного Тянь-Шаня. Согласно легенде, местный мулла своими молитвами остановил землетрясения и сели, посланные Аллахом в наказание за недостойные поступки жителей. Когда они пришли благодарить муллу, тот ответил, что лишь выполнял свой долг

БУГУСТАН (от тадж. «земля садов») – поселок в Ташкентской области Узбекистана. В этом месте, по преданию, воинами Искандера (Александра Македонского) была посажена роща деревьев грецкого ореха

ВОЛКОВ Александр Николаевич (1886–1957) – народный художник УзССР, один из основоположников современной живописи Узбекистана

ВОЛКОВ Валерий Александрович (для близких – Волик) – известный московский художник, сын А.Н. Волкова. Учился в Ташкентском художественном училище у своего отца (1944–1947), затем – на искусствоведческом отделении Среднеазиатского университета

ВОЛКОВ Александр Александрович – известный московский художник, сын А.Н. Волкова, окончил Республиканское художественное училище им. Н. Бенькова в Ташкенте (1959), Московское (Строгановское) высшее художественно-промышленное училище (1966)

ГАЗГАН – поселок в Навоийской области Узбекистана

ГАУРДАК – поселок, известный своими серными рудниками, в Чарджоуской области Туркменистана

ГУЗАПАЯ – сухой куст хлопчатника

ДАСТАРХАН – скатерть, в переносном значении – угощение в Средней Азии

ДЕВАНА – сумасшедший, вроде юродивого, в Средней Азии

ДЕНАУ – город в Сурхандарьинской области Узбекистана

ДЕНИСОВА Людмила Михайловна – заведующая художественным отделом Государственного историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим» в городе Истра Московской области

ДЖЕБЕЛЬ-НУКУШ – гора в Йемене

ДЖИДА – род деревьев и кустарников семейства лоховые. Терпкие плоды джиды съедобны, из красивых полосатых косточек дети делают бусы

ДЖУМА (араб. «пятница») – пятничная послеполуденная соборная молитва

ДУВАЛ – глинобитный забор

ЕРЕМЯН Римма Варшамовна – искусствовед, дочь художника Варшама Никитича Еремяна

ЗАВАДОВСКИЙ Юрий Николаевич – известный арабист, отец С.Ю. Завадовской, жены В.А. Волкова

ЗАРАБАГ – поселок в Сурхандарьинской области Узбекистана

ЗЕЛИНСКАЯ Галина Митрофановна – заместитель директора музея «Новый Иерусалим», одна из создательниц коллекции современной живописи и собрания икон музея

ЗЕРБАГ (ЗИРБАГ, ЗИРБА) – основа для плова, состоящая из жареной моркови, лука, мяса, куда закладывается рис

ЗИЛЬБЕРМАН Гарик – художник. Родился в Одессе (1938), с 1941 года жил в Узбекистане (1941–1996), окончил Ташкентское художественное училище, с 1996 года живет в Израиле

ЗИНДАН – темница в Средней Азии

ЗИРА, ЗРА – растение семейства зонтичных, широко используется как пряность

ЗУХРА (араб. «блеск, красота») – название звезды Венеры в арабских странах

«ИЛЬХОМ» – один из первых в истории бывшего Советского Союза негосударственный профессиональный театр, основан в 1976 году режиссером Марком Вайлем и группой выпускников Ташкентского театрально-художественного института

ИНШАЛЛАХ (ИНШАЛЛА) (араб. «если Бог пожелает», «если на то Божья воля») – ритуальное молитвенное восклицание мусульман, аналогичное русскому «с Божьей помощью!»

ИСРЫК – многолетнее травянистое растение, известно также под названиями гармала, могильник, степная рута, сирийская рута. Пучки исырка вешают над входом в дом, дымом исырка окуривают помещения от болезней и злых духов

КАЗАХДАРЬЯ – поселок в Муйнакском районе Каракалпакстана

КАЗЫ – традиционная колбаса из конины у ряда тюркских народов, считающаяся деликатесом

КАРАКАМЫШ – район в Ташкенте

КАРАСАРАЙ – улица в Ташкенте

КАРАУИН (АЛЬ-КАРАУИН) – один из древнейших университетов мусульманского мира, основан в 859 году в городе Фес (Марокко). С ним связано происхождение известного выражения «халиф на час»: ежегодно на празднике студенты выбирали себе правителя на неделю

КАРШИ – город в Кашкадарьинской области Узбекистана

КАТ – род вечнозеленых кустарников семейства бересклетовые. Свежие или сушёные листья ката используют для жевания или заваривания в качестве легкого наркотика-стимулятора в странах Аравийского полуострова, в Йемене, Сомали и Эфиопии

КАУРМА – блюдо восточной кухни из баранины

КАФИРНИГАН – река, правый приток Амударьи, в Таджикистане

КАШИНА Наталья Владимировна (1896–1977) – художница, Узбекистан

КАШКАДАРЬЯ – река в Узбекистане

КАЮМОВ Малик Каюмович (1912–2010) – узбекский оператор и режиссер документального кино

КЕМПЕН – город в административном округе Дюссельдорф земли Северный Рейн–Вестфалия в Германии

КЁК КАРГА – сизоворонка, иногда называется синегалкой, потому что действительно похожа на галку, но с зеленовато-голубым оперением. Гнездится в норах, вырытых в высоких обрывах, или занимает дупла в старых деревьях. Часто встречается в степной зоне, а также в предгорных районах и долинах Средней Азии

КИМ Римма Владимировна – известный искусствовед, Узбекистан

КЛЕЦЕЛЬ Вениамин – художник, родился в 1932 году в Первомайске (около Одессы). С 1941 года жил в Ташкенте. В 1967 году окончил художественное отделение Ташкентского театрально-художественного института. С 1990 года живет и работает в Израиле

КОБАДИЁН (КУБАДИЁН, КАБОДИЁН) – поселок в долине реки Кафирниган в Таджикистане

КРЕФЕЛЬД – город в административном округе Дюссельдорф земли Северный Рейн–Вестфалия в Германии

КУМЛАК – квартал в Старом городе Ташкента

КУНЯ-УРГЕНЧ – город в Ташаузской области Туркменистана

КУРПАЧА – стеганый матрасик для сидения на полу

ЛАВРЕНЕНКО Борис – однокашник Е. Кравченко по училищу

ЛАДИК Елена – искусствовед, родом из Ферганы, живет в Самарканде

ЛАКОВСКАЯ Валентина Львовна – искусствовед

ЛАРИН Юрий Николаевич – художник, сын Н.И. Бухарина и А.М. Лариной

ЛЯНГАР-АТА (от узб. «чаша», «отец») – мавзолей XVI века в кишлаке Катта-Лянгар Кашкадарьинской области Узбекистана

МАЙНА – птица семейства скворцов отряда воробьиных. В начале XX века проникла в Среднюю Азию из Южной Азии. Майну часто содержат в клетках, молодых птиц можно научить произносить слова и даже фразы

МАНАХА – главный город района Джебель Хараз в Йемене

МАРРАКЕШ – город, бывший одной из исторических столиц Марокко, расположен на юго-западе страны у подножья Атласских гор. Искаженное испанцами название города дало имя всей стране.

МАРТАКОВ Павел Петрович (1912 – 1990) – художник, ближайший сподвижник А.Н. Волкова, преподаватель Ташкентского художественного училища

МАСКАРАБОЗ – бродячий актер в Средней Азии

МАСТИХИН (от итал. mestichino) – тонкая упругая стальная (реже роговая) пластинка в виде лопаточки или ножа. Применяется преимущественно в масляной живописи для удаления красок с отдельных участков полотна, нанесения грунта

МЕЛЬНИКОВ Евгений Павлович (1928–2010) – народный художник Узбекистана

МИЛЬКО Александр – московский скульптор, соученик А.А. Волкова по Строгановскому училищу

МИРЗОЕВ Алишер – народный художник, академик АХ Узбекистана

МУЙНАК – город в Каракалпакстане, Узбекистан

НАХТИГАЛЬ Густав (1834–1885) – известный немецкий путешественник по Африке

НИКИФОРОВ Петр Максимович (1885–1958) – ферганский художник. Работы находятся в Государственной Третьяковской галерее и Государственном музее Востока в Москве, в Государственном музее искусств Узбекистана, в Ферганском музее

НОН УЧТА (от узб. «три лепешки» или «нон учтага» – «на троих») – компания друзей

НУКУС – столица Каракалпакстана, Узбекистан

НУРАТА – город в 190 км от Самарканда, место паломничества мусульман. Здесь заканчиваются горы, и начинается пустыня. В 327 году до н.э. Александр Македонский на этом месте построил крепость, которая получила название Нур

ПАХСА – глина, смешанная с мелко резанной соломой (битая глина, применявшаяся вместо кирпича)

ПАШКУРТ – селение в Сурхандарьинской области Узбекистана

ПЕРЕБАТИНО – деревня в Воскресенском районе Московской области

ПИЧИКЯН Игорь Рубенович (1940–1997) – археолог, доктор исторических наук, возглавлявший отряд Южно-Таджикской экспедиции, занимавшийся раскопками эллинистического храма Окса на городище Тахти-Сангин

ПУГАЧЕНКОВА Галина Анатольевна (1915–2007) – археолог, академик АН Узбекистана, жена известного археолога Михаила Евгеньевича Масона. Руководитель Узбекской искусствоведческой экспедиции (1959 по 1984), работала на раскопках городища Халчаян (1959–1963)

РАШИДОВ Шараф Рашидович (1917–1983) – первый секретарь Коммунистической партии Узбекской ССР

РЕЙХАНИ ар-РЕЙХАНИ Амин ибн Фарис (1876–1940) – выдающийся арабский мыслитель, писатель и поэт, сторонник слияния двух великих цивилизаций – Востока и Запада

РЕМПЕЛЬ Лазарь Израилевич (1907–1992) – узбекский советский искусствовед, историк искусства, востоковед

РУЗЫБАЕВ Дамир Селиджанович – известный художник и скульптор, в 1954–1959 годах учился на скульптурном отделении Ташкентского художественного училища, в конце 1980-х занимал должность директора Музея искусств

САВИЦКИЙ Игорь Витальевич (1915–1985) – художник, выдающийся собиратель произведений искусства, основатель Музея искусств в Нукусе, который теперь носит его имя

САГБАН – улица в Ташкенте

САИДЖАНОВ Зелымхан Магомедович – бухарский художник

САЙ – высохшее русло реки в Средней Азии

САЙРАМ – селение, расположенное на реке Сайрам-Су в Южно-Казахстанской области Казахстана

САМУМ (от араб. «знойный ветер») – сильный, но кратковременный шквал, сопровождающийся бурей из пыли и песка, характерный для пустынь Северной Африки и Аравийского полуострова

САНА – столица республики Йемен

САРЫ АГАЧ – населенный пункт на границе Казахстана и Узбекистана

СЕБЗАР (от тюрк. «яблоневый сад») – название улицы и один из четырех районов Ташкента

СЕДОВ Александр Всеволодович – археолог, в 1990-е годы сотрудник Института востоковедения, ныне генеральный директор Государственного музея Востока

СИМОН Регина – преподаватель русского языка, жительница города Кемпена, поклонница искусства Е.Н Кравченко, неоднократно приглашавшая его в Германию

СНЕГИРЕВ Лев Сергеевич – художник, уроженец Ферганы, окончил Московское художественное училище памяти 1905 года

СУЮН – город в области Хадрамаут, Йемен

ТАЛ, ТАЛЬНИК – небольшая кустарниковая ива

ТАЛДЫКИН Юрий Иванович (1932–2002) – художник, выпускник художественного училища им. П.П. Бенькова

ТАМАША (узб. «представление, празднование») – в переносном смысле суета, мельтешение людей

ТАНДЫР – печь для выпечки лепешек

ТАНЖЕР – крупный портовый город Марокко

ТАНСЫКБАЕВ Урал (1904–1974) – живописец, народный художник СССР, действительный член АХ СССР

ТАХТА – настил из досок для сидения во дворе или в чайхане

ТАХТАПУЛЬ (от тадж. «тохта» – настил из досок и «пул» – деньги) – наименование места в Ташкенте, где до 1890 года находились ворота городской стены

ТАХТИ САНГИН – городище, названное археологами «каменным», расположено у слияния рек Вахш и Пяндж. В 1976 году здесь были начаты раскопки храма IV–V веков до н.э., получившего название «храм Окса», посвященный божееству реки Амударьи

ТАХЧА – ниша в стене

ТЕШИК-ТАШ – селение и грот в горах Байсунтау (Южный Узбекистан), где в 1938–1939 годах были обнаружены стоянка мустьерской культуры и погребение ребенка-неандертальца

ТИДАФИ Нордин – современный алжирский поэт, прозаик, получивший образование в Париже

ТУГАИ – пойменные леса в пустынях Средней и Центральной Азии. Встречаются в долинах рек с близким залеганием пресных грунтовых вод

ТУЛА – горное поселение-крепость у подножья скалы (Йемен). В свое время город был известен как один из важнейших теологических центров Аравии

ТЮРАБЕК-ХАНЫМ – монгольская принцесса, любимая дочь правителя Золотой Орды Узбек-хана и супруга его наместника в Хорезме Кутлуг-Тимура, считалась святой покровительницей женщин. Мавзолей Тюрабек-ханым XII–XIV веков в Куня-Ургенче, Туркменистан

УМАРБЕКОВ Джавлон – узбекский живописец, учился в художественном училище им. П.П. Бенькова (1961–1966), народный художник УзССР

УСТО – (тадж.) мастер

УСТО-МУМИН – Александр Васильевич Николаев (1887–1957), русский художник, работавший в Средней Азии, заслуженный работник искусств Узбекской ССР, живописец, график

ФЕС – город в Марокко

ФИШЕР-ДИСКАУ Дитрих – знаменитый немецкий баритон

ФОГЕЛЕР Генрих (1872–1942) – немецкий художник и философ, представитель югендстиля. Был духовным лидером колонии художников, образовавшейся в 1918 году в окрестностях Бремена. В 1931 году переехал в Советский Союз, а в 1941-м как немец депортирован в Казахстан

ФУНЧЕЗА – китайская рисовая лапша

ХАЛЧАЯН – древний город (сер. I-го тыс. до н.э. – кон. III в. н.э.) в долине реки Сурхандарьи. Раскопки здесь проводились в 1959–1963 годах под руководством Г.А. Пугаченковой

ХАМЗА – улица и станция метро в Ташкенте

ХАСТЫМ – площадь Хаст-Имам в Старом городе, религиозный центр Ташкента

ХАУЗ – искусственный пруд в городах и кишлаках Средней Азии

ХОДЕЙДА – город в Йемене, второй по значению после Адена порт на Красном море

ХОДЖЕЙЛИ – город на левом берегу Амударьи в Узбекистане

ХССНИ Мухаммед – марокканец, по приглашению которого Е.Н. Кравченко в 1995 году провел месяц в Марокко

ЦИНГРОШ Иржи – выпускник МГИМО, арабист, дипломат в ранге посланника, в 1991–1992 годах – атташе по культуре посольства Чехии в Москве, в 1996–1998 годах – посол Чехии в Йемене, коллекционер работ Е.Н. Кравченко

ЧАРЫЕВ Рузы Чарыевич (1931–2004) – живописец, народный художник Узбекистана, академик Академии художеств Узбекистана

ЧАШМА – родник

ЧИЛАНЗАР (возможно, от узб. «чилона» – лекарственная разновидность дикой джиды) – юго-западная часть Ташкента, застроенная многоэтажными домами

ЧИЛУЧОР ЧАШМА (от тадж. «Сорок четыре родника») – название места в 12 км от поселка Шаартуз, известное во всем Таджикистане и в соседнем Узбекистане

ЧИМГАН – горная вершина Большой Чимган, одна из высочайших гор (3309 м) в отрогах Чаткальского хребта западного Тянь-Шаня

ЧИРКОВ Дмитрий Антонович (1929–2003) – художник, сын известного живописца А.Н. Чиркова. В 1990-е годы заведующий отделом Советского Востока Музея Востока

ЧИРЧИК (от узб. «шумящий») – город в долине реки Чирчик в Ташкентской области Узбекистана

ШААРТУЗ (от тадж. «шаар» – город и «туз» – соль) – кишлак на реке Кафирниган в Таджикистане в 35 км от границы с Афганистаном

ШАЛДРАМА – (возможно, от узб. «шалдирамок» – журчащий ручей). В Коканде есть гузар (квартал) с таким названием

ШАНТАЛА – персик

ШАХАМАН – кишлак в Каракалпакстане, Узбекистан

ШАХИМАРДАН (Шохимардон, Шохимардон, ранее Хамзабад) – посёлок в Узбекистане

ШАЦКИЙ Игорь Георгиевич – приятель Е.Н. Кравченко в годы учебы в Ташкентском художественном училище

ШЕК Надежда Капитоновна – скульптор, этническая кореянка родом из Узбекистана, живущая в Архангельске

ШИБАМ – город в Йемене, основанный во II веке, упоминается в одной из сказок «Тысячи и одной ночи»

ШИРАБАД – кишлак в Сурхандарьинской области Узбекистана

ШУРПА – суп

ЭСКИ-ДЖУВА – ныне возвращенное старое название площади Калинина в Ташкенте